

ISSN 2313-6715
(ONLINE)

П Р О Л О Г

Журнал о праве

Law Journal

Л О О Л О Г Ж У Р Н А Л

2024

① 2 3 4

ПРОЛОГ: ЖУРНАЛ О ПРАВЕ

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

<http://www.prolaw38.ru/>

ОСНОВАН В 2013 Г.

№ 1 • 2024

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

ИЗДАТЕЛЬ

Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Главный редактор – И. М. Середа, д-р юрид. наук, проф., заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Иркутск, Россия).

Заместитель главного редактора – Ю. Н. Румянцева, канд. юрид. наук, канд. экон. наук, заведующая кафедрой гражданского права и процесса, ведущ. науч. сотр. отдела научных исследований Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Иркутск, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Л. В. Андриченко – д-р юрид. наук, проф., заведующая центром публично-правовых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия).

Н. П. Асланян – д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры международного права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия (Краснодар, Россия).

М. В. Баранова – д-р юрид. наук, проф., кандидат культурологии, академик Российской академии юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, заместитель декана по научной работе юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, вице-президент Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника».

Д. Е. Богданов – д-р юрид. наук, доцент, проф. кафедры гражданского права Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия).

А. В. Бычков – канд. юрид. наук, доцент, директор Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Иркутск, Россия).

В. Ф. Васюков – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры криминологии и предварительного расследования в ОВД Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова (Орел, Россия).

Е. Л. Васянина – д-р юрид. наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия).

В. А. Витушко – д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры правового обеспечения экономической деятельности Академии управления при Президенте Республики Беларусь (Минск, Беларусь).

В. Ю. Войтович – д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры теории и истории государства и права Ижевского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Ижевск, Россия).

Б. Я. Гаврилов – д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России (Москва, Россия).

Р. Х. Гиззатуллин – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры финансового и экологического права Института права Башкирского государственного университета (Уфа, Россия).

В. А. Гуреев – д-р юрид. наук, проф., проректор по научной работе Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Москва, Россия).

С. И. Давыдов – д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминологии Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия).

О. А. Дизер – д-р юрид. наук, доцент, заместитель начальника института (по научной работе) Белгородского юридического института МВД РФ им. И.Д. Путилина (Белгород, Россия).

Л. А. Душаква – д-р юрид. наук, доцент, заведующая кафедрой административного и служебного права Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС (Ростов-на-Дону, Россия).

Н. Н. Егоров – д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры криминологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

Р. Н. Жаворонков – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры трудового права и права социального обеспечения Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия).

В. А. Зимин – канд. юрид. наук, член-корреспондент РАЕН, вице-президент – главный эксперт ООО «Национальное бюро экспертизы интеллектуальной собственности», патентный поверенный РФ № 1869 (Москва, Россия).

С. А. Карелина – д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры предпринимательского права юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

А. Я. Кодинцев – д-р юрид. наук, канд. ист. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Санкт-Петербург, Россия).

О. Ю. Косова – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста РФ) (Иркутск, Россия).

Я. О. Кучина — канд. юрид. наук, доцент, LL.M., научный сотрудник Факультета права Университета Макао, докторант (Макао САР, Китай).

В. Ф. Лапшин — д-р юрид. наук, доцент, проректор по научной работе Югорского государственного университета (Ханты-Мансийск, Россия).

А. В. Малько — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), заслуженный деятель науки Российской Федерации (Саратов, Россия).

Е. В. Михайлова — д-р юрид. наук, доцент, главный научный сотрудник, исполняющая обязанности заведующего сектором процессуального права Института государства и права Российской академии наук (Москва, Россия).

А. В. Морозов — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры компьютерного права и информационной безопасности МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия).

И. В. Никитенко — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовного права и криминологии, Дальневосточного юридического института МВД России (Хабаровск, Россия).

Т. И. Отческая — д-р юрид. наук, проф., заведующая кафедрой организации судебной и прокурорско-следственной деятельности Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) (Москва, Россия).

С. В. Пархоменко — д-р юрид. наук, проф., заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации (Иркутск, Россия).

Б. А. Ревнов — канд. юрид. наук, доцент, советник Управления конституционных основ публичного права Конституционного Суда Российской Федерации, доцент кафедры конституционного и административного права Юридического института (Санкт-Петербург, Россия).

А. П. Скиба — д-р юрид. наук, профессор, начальник кафедры уголовно-исполнительного права юридического факультета Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Рязань, Россия).

Т. В. Соловьева — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия).

С. Ю. Суменков — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Юридического института Пензенского государственного университета (Пенза, Россия).

С. И. Сулова — профессор кафедры гражданского права и процесса, заместитель директора по научной работе Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), д-р. юрид. наук, доцент (Иркутск, Россия).

У. Б. Филатова — д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Юридического института Иркутского государственного университета (Иркутск, Россия).

И. С. Шиткина — д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры предпринимательского права юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Адрес редакции и издателя:

**664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, д. 4, тел. (3952) 79-88-99,
e-mail: prolaw38@mail.ru**

© Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС77-64776 от 2 февраля 2016 года.

Сайт: <http://www.prolaw38.ru/>.

ISSN 2313-6715 (online).

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям 5.1.1., 5.1.2., 5.1.3., 5.1.4 (дата включения — 20 июля 2022 г.), категория К2.

Всем статьям присваивается идентификатор цифрового объекта DOI (digital object identifier).

Электронная версия журнала размещена на платформе Научной электронной библиотеки — www.elibrary.ru.

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые ими взгляды могут не отражать точку зрения редакции.

Перепечатка материалов журнала допускается только по соглашению с редакцией. Любые нарушения авторских прав преследуются по закону.

PROLOGUE: LAW JOURNAL

DIGITAL SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

<http://www.proclaw58.ru/>

FOUNDED IN 2013 г.

№ 1 • 2024

PUBLISHED FOUR TIMES A YEAR

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education
«The All-Russian State University of Justice»

PUBLISHER

Irkutsk Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice

Editor-in-Chief – Irina M. Sereda, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Criminal Law and Criminology Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Deputy Editor-in-Chief – Yulia N. Rumyantseva, Cand. Sci. (Law), Cand. Sci. (Economics), Head of the Civil Law and Process Department, Senior Researcher of the Research Department, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

EDITORIAL BOARD

Lyudmila V. Andrichenko – Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Center for Public Law Studies, the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Natalia P. Aslanian – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the International Law Department, North Caucasus Branch of the Russian State University of Justice (Krasnodar, Russia).

Marina V. Baranova – Dr. Sci. (Law), Professor, Candidate of Cultural Science, Academician of the Russian Academy of Legal Sciences, Professor of the Theory and History of the State and Law Department, Deputy Dean of the Faculty of Law of National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Vice-President of the Nizhny Novgorod Research Science Applied Center «Legal Techniques» (Nizhny Novgorod, Russia).

Dmitriy E. Bogdanov – Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Civil Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia).

Arthur V. Bychkov – Cand. Sci. (Law), Docent, Director of the Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Vitaliy F. Vasyukov – Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Criminalistics and Preliminary Investigation Department, Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia (Orel, Russia).

Elena L. Vasyanina – Dr. Sci. (Law), Docent, Leading Researcher of the Administrative Law and Process Sector, The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Vladimir A. Vitushko – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Economic Activity Legal Support Department, the Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus (Minsk, Belarus).

Valery Yu. Vojtovich – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Theory and History of State and Law Department, Izhevsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Izhevsk, Russia).

Boris Ya. Gavrilo – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Control of Crime Investigation Agencies Department, the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia (Moscow, Russia).

Ravil Kh. Gizatullin – Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Financial and Environmental Law Department, the Institute of Law, Bashkir State University (Ufa, Russia).

Vladimir A. Gureev – Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Scientific Research, All-Russian State University of Justice (Moscow, Russia).

Sergey I. Davydov – Dr. Sci. (Law), Docent, Head of the Criminal Procedure and Criminalistics Department, Altai State University (Barnaul, Russia).

Oleg A. Dizer – Dr. Sci. (Law), Docent, Deputy Head of the I.D. Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia (for scientific work) (Belgorod, Russia).

Lesya A. Dushakova – Dr. Sci. (Law), Docent, Head of the Administrative and the Official Law Department, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (SRIM RANEP/Institute) (Rostov-on-Don, Russia).

Nikolay N. Egorov – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminalistics Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Roman N. Zhavoronkov – Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Labour Law and Social Security Law Department, Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Moscow, Russia).

Vladimir A. Zimin – Cand. Sci. (Law), Corresponding Member of Russian Academy of Natural Sciences, Vice President - Chief Expert of National Intellectual Property Expertise Bureau LLC, Patent Attorney №1869 (Moscow, Russia).

Svetlana A. Karelina – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Business Law Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Aleksander Ya. Kodintsev – Dr. Sci. (Law), Ph.D. in Historical Sciences, Docent, Professor of the Theory and History of State and Law Department, St. Petersburg Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (St. Petersburg, Russia).

Olga Yu. Kosova – Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Civil and Business Law Department, Irkutsk Institute (branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Yaroslava O. Kuchina – Cand. Sci (Law), Assoc. Professor, LL.M., Research Assistant Faculty of Law University of Macau, PhD Candidate (Macau SAR, China).

Valerii F. Lapshin – Dr. Sci. (Law), Docent, Vice-Rector for Scientific Research at Yugra State University (Khanty-Mansiysk, Russia).

Alexandr V. Malko – Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the State and Legal Disciplines Department, Povolzhsky Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Saratov, Russia).

Ekaterina V. Mikhailova – Dr. Sci. (Law), Docent, Chief Researcher, Acting Head of the Procedural Law Sector of the Institute of State and Law, The Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Andrey V. Morozov – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Computer Law and Information Security Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Ilya V. Nikitenko – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law and Criminology Department, Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Khabarovsk, Russia).

Tatyana I. Otcheskaia – Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Judicial and Prosecutorial Activities

Department, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russia).

Svetlana V. Parhomenko – Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Criminal Law Disciplines Department, Irkutsk Law Institute (Branch), University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (Irkutsk, Russia).

Boris A. Revnov – Cand. Sci. (Law), Docent, Adviser to the Department of Constitutional Foundations of Public Law of the Constitutional Court of the Russian Federation, Assoc. Professor of Department of Constitutional and Administrative Law of the Law Institute (St. Petersburg, Russia).

Andrey P. Skiba – Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Criminal Executive Law Department at the Faculty of Law, the Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russia).

Tatyana V. Solovieva – Dr. Sci. (Law), Ass. Professor, Professor of the Civil Procedure Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia).

Sergei Yu. Sumenkov – Dr. Sci. (Law), Ass. Professor, Professor of the State and Legal Disciplines Department, the Law Institute, Penza State University (Penza, Russia).

Svetlana I. Suslova – Dr. Sci. (Law), Docent, Professor of the Civil Law and Process Department, Deputy Director for Scientific Work, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice (Irkutsk, Russia).

Uliana B. Filatova – Dr. Sci. (Law), Assoc. Professor, Professor of the Department of Civil Law, Law Institute of Irkutsk State University (Irkutsk, Russia).

Irina S. Shitkina – Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Business Law Department, Lomonosov Moscow State University (Moscow).

Publisher and Editor Address:

4 Nekrasova St., Irkutsk, Russia, 664011, Tel.: +7(3952)79-88-99

e-mail: prolaw38@mail.ru

© The All-Russian State University of Justice

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration number ЭЛ № ФС77-64776 of February 02, 2016.

URL: prolaw38@mail.ru.

ISSN-Online 2313-6715.

Included in the catalogue of peer-reviewed scientific publications, which should publish basic scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences on the scientific specialties 5.1.1., 5.1.2., 5.1.3., 5.1.4 (date of inclusion – July 20, 2022), Quartile 2.

All articles are assigned DOIs (digital object identifier).

The online version of the Journal is powered by the Scientific Electronic Library – www.elibrary.ru.

The authors are fully responsible for the compilation and presentation of information contained in their papers; their views may not reflect the Editorial Board's point of view.

No part of the Journal materials can be reprinted without permission from the Editors.

ПРОЛОГ: ЖУРНАЛ О ПРАВЕ

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

<http://www.prolaw38.ru/>

ОСНОВАН В 2013 Г.

№ 1 • 2024

ВЫХОДИТ ЧЕТЫРЕ РАЗА В ГОД

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Кособродов Н. В.* История возникновения и развития российского уголовного законодательства об ответственности за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта 7-15
- Дудко Г. Н.* Виды казуального толкования в праве 16-25
- Ревнов Б. А.* О некоторых вопросах проверки достоверности информации, предоставляемой участниками закупок при проведении электронного конкурса 26-34

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

- Васянина Е. Л.* Правовое обеспечение финансового суверенитета Российской Федерации в эпоху глобальных перемен 35-42
- Коваленко М. А.* К вопросу о применении экспериментального правового режима в области телемедицины в России 43-53
- Рысай Б. Г.* Проблема правового регулирования определения срока исполнения контракта в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд 54-60

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

- Земляченко Я. В.* Риски объектоспособности криптовалют в реалиях нарастающей цифровизации российской экономики 61-70
- Агамян К. М.* Депонирование как способ фиксации создания объектов авторских и смежных прав в сети «Интернет» 71-79
- Михайлова Е. В.* О некоторых аспектах судебной защиты публичных прав в России 80-88

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Болотова Е. Д., Решетников А. Ю.* Общественная опасность незаконного оборота пороха и вопросы дифференциации ответственности 89-97

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Кобзарь-Фролова М. Н., Васянина Е. Л.* Дискуссия о правовой природе российского финансового рынка 98-103

PROLOGUE: LAW JOURNAL

DIGITAL SCIENTIFIC PEER-REVIEWED JOURNAL

<http://www.prolaw38.ru/>

FOUNDED IN 2013 г.

№ 1 • 2024

PUBLISHED FOUR TIMES A YEAR

CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- Kosobrodov N. V.* History of the Emergence and Development of Russian Criminal Legislation on Liability for Failure to Fulfill of a Court Verdict, Court Decision or Other Judicial Act 7-15
- Dudko G. N.* Types of Casual Interpretation in Law 16-25
- Revnov B. A.* On Certain Issues of Validation of Information Provided by Procurement Participants in the Electronic Tender 26-34

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

- Vasyanina E. L.* Legal Support for the Financial Sovereignty of the Russian Federation in the Era of Global Change 35-42
- Kovalenko M. A.* On the Issue of Application of an Experimental Legal Regime in the Field of Telemedicine in Russia 43-53
- Rysai B. G.* The Problem of Legal Regulation of Determining the Term of Execution of a Contract in the Field of Procurement of Goods, Works, Services for Public Procurement and Municipal Needs 54-60

PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES

- Zemlyachenko Y. V.* Risks of the Cryptocurrency's Objectability in the Realities of the Growing Digitalization of the Russian Economy 61-70
- Adamyanyan K. M.* Depositing as a Way of Fixing the Creation of Copyright and Related Rights Objects on the Internet 71-79
- Mikhailova E. V.* About Some Aspects of Judicial Protection of Public Rights in Russia 80-88

CRIMINAL LAW SCIENCES

- Bolotova E. D., Reshetnikov A. Yu.* Public Danger of Illegal Gunpowder Trafficking and Issues of Differentiation of Responsibility 89-97

SCIENTIFIC LIFE

- Kobzar-Frolova M. N., Vasyanina E. L.* Discussion About the Legal Nature of the Russian Financial Market 98-103

УДК 343.28/.29

Н. В. Кособродов

Московский международный университет,
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-3626-5663
ResearcherID: HNC-2931-2023

ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ПРИГОВОРА СУДА, РЕШЕНИЯ СУДА ИЛИ ИНОГО СУДЕБНОГО АКТА

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. – 2024. – № 1. – С. 7–15.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.1.
Дата поступления 26.06.2023, дата принятия к печати 17.03.2024,
дата онлайн-размещения 30.03.2024.

АННОТАЦИЯ

Понимание правовой ценности правосудия как вида государственной деятельности, в ходе которой осуществляется функция социального контроля и обеспечивается должная степень единообразного поведения граждан, было достигнуто лишь в ходе эволюционного развития общества в процессе совершенствования законодательного механизма и повышения ценности нормативного регулирования отношений в сфере отправления правосудия. При этом важной гарантией эффективной реализации судебной власти выступает принцип общеобязательности судебных актов. Настоящий принцип обеспечивает упорядочение общественных отношений путем принудительного исполнения правовых норм. В связи с этим действующий закон предусматривает уголовную ответственность за неисполнение судебных актов (приговоров, решений и др.). Данный уголовно-правовой запрет не является произвольным актом законодателя, его становление и развитие непосредственно связаны с процессом формирования общественных отношений. Вместе с тем охрана судебного акта от неисполнения обеспечивалась уголовно-правовыми средствами не на всех этапах исторического развития общества. Возникновение данной нормы обусловлено рядом взаимосвязанных и взаимозависимых факторов, среди которых наиболее важными представляются, во-первых, уровень организации механизма государственной власти, во-вторых, усложнение системы государственных органов и выделение в ней органов правосудия. Именно через призму данных факторов необходим анализ законодательства об уголовной ответственности за неисполнение судебных актов. Предметом исследования в рамках данной статьи являются исторические предпосылки процесса становления и развития в досоветский и советский периоды уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта. Сделан вывод, что уголовно-правовая охрана отношений, возникающих в сфере исполнения судебных актов, во многом зависела от механизма

реализации судебной власти и обусловленных данным механизмом моделей исполнения судебных решений. В процессе исторического развития российской государственности и законодательства претерпевали изменения характер и способы реализации судебной и исполнительной (административной) власти, соответствующим изменениям подвергался установленный порядок исполнения судебных актов по гражданским и уголовным делам, а также уголовно-правовой механизм его (порядка) охраны.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Наказание; правосудие; уголовная ответственность; законодательство; решение суда.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кособродов Н. В. История возникновения и развития российского уголовного законодательства об ответственности за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта // Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 1. — С. 7–15. — DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.1.

UDC 343.28/.29

N. V. Kosobrodov

*Moscow International University,
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-3626-5663
ResearcherID: HNC-2931-2023*

HISTORY OF THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION ON LIABILITY FOR FAILURE TO FULFILL A COURT VERDICT, COURT DECISION OR OTHER JUDICIAL ACT

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2024, no. 1, pp. 7–15.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.1.
Received 26.06.2023, accepted 17.03.2024, available online 30.03.2024.

ABSTRACT

Understanding the legal value of justice as a type of state activity, during which the function of social control is carried out and the proper degree of uniform behavior of citizens is ensured, was achieved only during the evolutionary development of society in the process of improving the legislative mechanism and increasing the value of normative regulation of relations in the field of administration of justice. At the same time, an important guarantee of the effective implementation of judicial power is the principle of universally binding judicial acts. This principle ensures the ordering of social relations through the enforcement of legal norms. In this regard, the current law provides for criminal liability for non-execution of judicial acts (sentences, decisions, etc.). This criminal law prohibition is not an arbitrary act of the legislator; its formation and development are directly related to the process of formation of social relations. At the same time, criminal legal ensured the protection of a judicial act from non-execution means not at all stages of the historical development of society. The emergence of this norm is due to a number of interrelated and interdependent factors, among which the most important are, firstly, the level of organization of the mechanism of state power, and secondly, the complication of the system of state bodies and the separation of justice bodies in it.

It is through the prism of these factors that an analysis of legislation on criminal liability for non-execution of judicial acts is necessary. The subject of research within the framework of this article is the historical background of the process of formation and development in the pre-Soviet and Soviet periods of criminal legislation, providing for liability for failure to comply with a court verdict, court decision or other judicial act. It is concluded that the criminal legal protection of relations arising in the sphere of execution of judicial acts largely depended on the mechanism for the implementation of judicial power and the models of execution of court decisions determined by this mechanism. In the process of historical development of Russian statehood and legislation, the nature and methods of exercising judicial and executive (administrative) power underwent changes, the established procedure for the execution of judicial acts in civil and criminal cases, as well as the criminal law mechanism for its (procedure) protection, underwent corresponding changes.

KEYWORDS

Punishment; justice; criminal liability; legislation; court decision.

FOR CITATION

Kosobrodov N. V. History of the Emergence and Development of Russian Criminal Legislation on Liability for Failure to Fulfill of a Court Verdict, Court Decision or Other Judicial Act. *Prologue: Law Journal*, 2024, no. 1, pp. 7–15. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.1.

Исторический опыт развития человеческого общества и соответствующих ему моделей государственного устройства свидетельствует о том, что наиболее эффективным инструментом разрешения социальных конфликтов, с юридической точки зрения оцениваемых как гражданско-правовой деликт, дисциплинарное правонарушение, административно-наказуемое деяние или преступление является суд как учреждение, в котором с древних времен разрешались споры между людьми по поводу нарушенных прав как отдельного человека, так и интересов общества и государства в целом. Реализуя социально значимую и чрезвычайно ответственную функцию правосудия, суд не только восстанавливает нарушенные права участников социального конфликта, но и способствует сохранению и поддержанию состояния социальной стабильности, утверждает справедливость и правопорядок во взаимоотношениях между людьми. Отнюдь неслучайно мыслители эпохи Просвещения признавали сферу правосудия и судопроизводства, прежде всего — уголовного, «важнее для человечества всего прочего в мире» [6, с. 318]. Современные исследователи роли и значения суда и других органов уголовной юстиции в деле достижения общественной гармонии и правопорядка специально подчеркивают, что «социальное назначение системы уголовной юстиции заключается в разрешении конфликтов между личностью и государственной властью с наи-

меньшими негативными последствиями для общества» [7, с. 114]. Тем самым утверждается, что обусловленное социальными интересами и подтвержденное историческим опытом важнейшее предназначение суда состоит в «установлении подлинных отношений участников конфликта (гражданско-правового спора, преступления, проступка), их адекватную юридическую оценку и формулирование обязательного вывода, связанного, как правило, с понуждением сторон к совершению определенных действий или возложению на виновного бремени ответственности за общественно опасное деяние» [1, с. 45].

Исторически сложилось так, что реализуя одну из важнейших социальных и государственных функций, направленную на справедливое разрешение социальных конфликтов, представители власти, отправляющие правосудие, а также иные, в том числе участвующие в гражданском, уголовном или ином судопроизводстве лица, сами нередко вступали (и продолжают вступать) в конфликт с правовыми установлениями, предписаниями и запретами, причиняя тем самым серьезный ущерб авторитету государства в целом и судебной власти в частности. В уголовном праве многих государств, в том числе и в уголовном праве Российской Федерации, нарушение принципов, порядка и процедур, регламентирующих деятельность по отправлению правосудия в случаях, указанных в уго-

ловном законе, рассматривается как преступление против интересов правосудия. Однако процесс образования современной системы преступлений против правосудия, так же как и установления уголовной ответственности за отдельные преступления в сфере судебной деятельности, например, за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта в отечественном уголовном праве имеет длительную, нередко противоречиво развивающуюся историю, истоки которой можно обнаружить уже в законодательстве периода формирования древнерусской государственности. В этой связи изучение социально-правовых предпосылок появления специального уголовно-правового запрета совершения деяния в виде неисполнения приговора суда, решения суда или иного судебного акта как самостоятельного преступления против правосудия немислимо без обращения к истории становления норм, регламентирующих уголовную ответственность за преступления против правосудия в целом, поскольку «выяснить условия образования и развития правовых институтов возможно только путем исторического их изучения» [9, с. 8]. Тем самым возникает возможность теоретически обосновать социально-правовую природу преступления в виде неисполнения приговора суда, решения суда или иного судебного акта, а также спрогнозировать перспективы его дальнейшего законодательного бытия в сложившейся системе преступлений против правосудия на более широком историческом материале дореволюционного и советского периодов развития российского законодательства. Характеризуя историческое направление уголовно-правовой науки, Н. Д. Сергеевский писал: «...проследив происхождение известного института или законоположения, мы узнаем те условия, которые породили его и которые влияли на его развитие; зная это, мы имеем возможность оценить его современное значение, иначе говоря, мы получаем возможность решить: должно ли быть это законоположение сохранено, или оно должно уступить место другому, как потерявшее свое жизненное основание, вследствие изменившихся условий» [9, с. 8].

Известно, что в отечественной науке уголовного права распространено представление о системе преступлений против правосудия, в основу которого положен такой критерий, как субъект преступления, вследствие чего на страницах специальной юридической литературы она (система) представлена, как правило, в виде двух либо трех групп преступлений против правосудия:

а) совершаемые должностными лицами органов правосудия; б) совершаемые иными участниками судопроизводства [5, с. 331 – 332] либо а) совершаемые должностными лицами органов правосудия, предварительного расследования и мест содержания под стражей; б) совершаемые иными участниками судопроизводства, а также лицами, отбывающими наказание; в) совершаемые частными и должностными лицами, не являющимися участниками судопроизводства [11, с. 467]. В историческом контексте предпосылки подобного рода взглядов на систему преступлений против правосудия можно обнаружить в дореволюционном уголовном законодательстве, прежде всего в законодательстве Древней Руси, становление и развитие которого проходило в условиях, когда не только отсутствовали устоявшиеся представления об уголовном праве как самостоятельной отрасли права, но и сама уголовно-правовая наука как таковая, что лишало возможности законодателя усматривать общественную опасность преступлений против правосудия в посягательстве на интересы правосудия как самостоятельный объект уголовно-правовой охраны в современной его трактовке. В то же время княжеская власть, управляя древнерусским обществом в целом и, кроме того, осуществляя функцию правосудия по гражданским и уголовным делам, а также сам порядок деятельности княжеского суда уже нуждались в соответствующей уголовно-правовой охране, особенно если преступному посягательству подвергались представители власти, отправлявшие правосудие (князь, посадники, тысяцкие и другие судебские чины). Именно поэтому в период становления древнерусской государственности общественная опасность деяний, получивших ныне наименование «Преступления против правосудия», заключалась прежде всего в посягательстве на субъектов, отправлявших правосудие. Нормы, предусматривающие уголовную ответственность за посягательство на жизнь, здоровье, честь и достоинство представителей княжеской судебной власти, встречаются уже в Русской Правде (Краткая и Пространная редакция). Что же касается уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за нарушение правил (процедур) получения доказательств, необходимых для вынесения справедливых судебных решений, нарушение установленного порядка в суде, а также порядка исполнения принимаемых им решений, то они в отечественном уголовном законодательстве стали появляться позднее.

Так, ст. 1 Русской Правды (Краткая редакция) предусматривала ответственность

за убийство представителей княжеской власти (гридина, стряпчего, ябетника, мечника) и устанавливала наказание за данное преступление в виде штрафа в 40 гривен [8, с. 47]. Более строго наказывалось в уголовном законодательстве древнерусского государства убийство высших слуг князя. В частности, в соответствии со ст. 22 Русской Правды (Краткая редакция) убийство княжеского тиуна влекло наказание в виде штрафа в 80 гривен [8, с. 48].

Поскольку в это время судебная и административная власть существовали в неразрывном единстве, а князь выступал в виде универсального носителя как управленческих функций, так и функций по отправлению правосудия, то исполнение судебных решений осуществлялось теми должностными лицами, которые их принимали. Это объясняет отсутствие во времена Русской Правды специальных уголовно-правовых норм, устанавливающих ответственность за неисполнение судебных актов теми должностными лицами, на которых возлагались обязанности по их исполнению.

Наряду с этим в законодательстве рассматриваемого периода развития российской государственности появляются отдельные нормы, предусматривающие ответственность представителей княжеской судебной власти за злоупотребления, допущенные ими в отношении иных участников судопроизводства. Так, ст. 36 Новгородской Судной грамоты запрещала произвол, расправу со стороны судебных чиновников (волостеля, поселника), которые доставляли в суд обвиняемого в убийстве, краже, разбое или поджоге («а до суда над ним силы не деять, а кто силу доспеет ино тым его и обинить») [8, с. 308]. Вместе с тем в период раннефеодального русского государства перед его уголовным законодательством (Русская Правда, княжеские уставы и уставные грамоты, Новгородская и Псковская Судные грамоты) не ставилась задача охраны порядка исполнения судебных актов, а потому в названных памятниках отечественного уголовного права отсутствовали нормы об ответственности должностных лиц за неисполнение судебных решений. Такое положение объясняется существовавшим механизмом реализации государственной власти (административной и судебной) и обусловленной данным механизмом моделью исполнения судебных решений. Для этой модели характерным было то, что как судебные функции, так и функции принудительного исполнения принимаемых княжеским судом решений, реализовывались органами исполнительной власти в лице князя или его представителей, которые

фактически представляли одну власть. По этому поводу в литературе справедливо отмечается, что «феодальная администрация в лице князя и его уполномоченных лиц сама принимала законы, сама вершила суд в соответствии с их предписаниями и сама же их исполняла. Применение мер уголовного принуждения со стороны власти по отношению к себе самой за неисполнение принятого ею же решения выглядит, по меньшей мере, нелогичным в конкретном-историческом контексте» [2, с. 34].

Период ликвидации удельных княжеств и формирования централизованного феодального государства в России сопровождался не только усилением государственного регулирования торговли и других сфер экономической жизни страны, но и централизацией всей судебной системы, развитие которой осуществлялось путем выделения государственных, вотчинных и церковных судов. Во второй половине XVI в. в России создаются центральные судебные органы: судебно-полицейские приказы (Разбойный, Стрелецкий и др.), судебные функции в которых выполняли дьяки. На местах судебная власть принадлежала наместникам, которые осуществляли управление и суд обычно на территории города с уездом. В волостях управленческие и судебные функции были возложены на волостелей, а также «тиунов государевых», «тиунов боярских». Параллельно со светской развивалась основанная на нормах канонического права церковная юстиция. Развитие судебной системы сопровождалось появлением наряду с должностными лицами, отправлявшими правосудие по уголовным и гражданским делам, также судебных работников («недельщиков», «доводчиков» и др.), которые выполняли вспомогательные судебные функции, связанные с розыском и доставлением в суд обвиняемых, сбором доказательств, организацией судебного поединка, исполнением решения суда. Тем не менее особенностью судебной системы периода формирования централизованного государства, так же как и судебной системы древнерусского государства, являлось то, что суд по-прежнему не был отделен от органов управления, в связи с чем судебные органы не только выносили, но и исполняли решения. В законодательных актах раннего и более позднего централизованного феодального государства (Двинская уставная грамота 1397–1398 гг., Белозерская уставная грамота 1488 г., Судебник 1497 г., Судебник 1550 г.) в числе средств уголовно-правовой охраны судебной системы отсутствуют нормы, устанавливающие ответственность за неисполнение судебных актов. Как отмечается в специальной ли-

тературе, «возможно, конечно, что служащий (дьяк) того или иного приказа по корыстным или другим мотивам мог саботировать исполнение судебного акта. Однако в этом случае его деяние выступало, скорее, как должностное преступление, направленное на нарушение нормальной деятельности государственного аппарата, нежели чем преступление против правосудия» [2, с. 34 – 35].

Напротив, в законодательстве централизованного государства, по сравнению с законодательством древнерусского государства, круг норм, направленных на охрану других элементов судебной системы (интересов процессуальных субъектов, порядка получения доказательств и порядка в суде) был существенным образом расширен. В ст. 6 Двинской уставной грамоты предусматривалась ответственность за самосуд, то есть соглашение между потерпевшим и преступником, при котором потерпевшему достается сумма штрафа, причитающаяся наместнику. За совершение данного преступления предусматривалось наказание в виде штрафа в размере четырех рублей («а самосуда четыре рубли») [8, с. 181]. Согласно ст. 8 Судебника 1497 г., самостоятельным преступлением, наказывавшимся смертной казнью, признавалось ябедничество, то есть ложный донос, имевший целью обвинить в совершении преступления невиновного [8, с. 55].

Важнейшим этапом развития отечественного законодательства в части уголовно-правовой охраны интересов правосудия, а также формирования ранее неизвестных способов исполнения судебных решений явилось принятие Соборного Уложения 1649 г. По сравнению с действовавшим ранее законодательством Соборное Уложение 1649 г. значительно расширило круг преступных деяний, причинявших вред отношениям, складывающимся при отправлении правосудия и исполнении судебных актов.

К новеллам отечественного уголовного законодательства следует отнести также нормы, определявшие основания ответственности представителей власти за нарушение порядка исполнения судебных решений по уголовным делам. Речь идет о ст. 104 главы 21 Соборного Уложения 1649 г., в которой устанавливалась весьма суровая санкция («бити их кнутом нещадно») в отношении воевод, приказных людей или губных старост за незаконный выпуск («без государева указа») из тюрьмы татей и разбойников и использование их в своем хозяйстве, или передачу их с этой же целью другим по свойству, или по дружбе [8, с. 432]. По мнению И. Я. Фойницкого, тюрь-

ма как вид наказания впервые упоминается в Судебнике 1550 г., который «определял ее или как наказание самостоятельное, или как дополнение к торговой казни, или в замене порук; тюрьма назначалась или бессрочно, или пожизненно, или до представления порук и в важных преступлениях, каковы татьба людьми облихованными, только при недостатке доказательств, именно при отсутствии собственного сознания» [12, с. 292]. Учитывая юридическую природу наказания в виде тюремного заключения, можно предположить, что предусмотренное ст. 104 главы 21 Соборного Уложения 1649 г. преступление посягало на порядок исполнения судебных решений по уголовным делам путем незаконного досрочного освобождения из тюрьмы. Что же касается случаев неисполнения судебных решений по гражданским делам, то таковые по-прежнему не рассматривались как самостоятельные преступления против правосудия, хотя, как отмечается в специальной литературе, Соборное Уложение 1649 г. начинает разделять три способа принудительного исполнения судебных решений по гражданским делам: взыскание с имущества должника; правож; отдача голову [3, с. 33].

Не претерпела принципиальных изменений сложившаяся система уголовно-правовых норм об ответственности за преступления против правосудия в период кардинального реформирования Петром I системы административного управления и судостроительства. В литературе отмечается, что предпринятая Петром I попытка отделить судебные органы от государственной администрации, в том числе путем передачи полномочий судебных приставов полицейским и другим государственным служащим, означавшая ликвидацию судебных приставов как самостоятельного института судебной и административной власти в России, не была продолжена в период царствования Екатерины II [4, с. 24 – 25]. Видимо, отчасти и по этой причине, в уголовном законодательстве эпохи Петра I не были криминализованы случаи нарушения уполномоченными должностными лицами порядка исполнения судебных решений, вынесенных в результате рассмотрения споров гражданско-правового характера. Напротив, подвергшаяся реформированию во времена царствования Петра I пенитенциарная система обеспечивалась дополнительной уголовно-правовой охраной путем криминализации общественно опасных деяний, сопряженных с нарушением установленного порядка отбывания наказаний. Речь идет о нормах Артикулов Воинских, предусматривающих уголовную ответствен-

ность за нарушение установленного порядка обращения с преступниками.

Новый импульс процессу становления уголовно-правовых норм, призванных охранять порядок исполнения судебных решений по гражданским и уголовным делам, был дан судебной реформой 1864 г., начавшейся с принятия таких документов в сфере судостроительства, гражданского и уголовного процесса, а также уголовного права, как Учреждение судебных установлений, Устав гражданского судопроизводства, Устав уголовного судопроизводства, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. Судебными уставами создавалась новая система правосудия, состоящая из двух подсистем — общих судов и мировых судей, объединенных высшим судебным органом — Сенатом. Кроме того, на территории российской империи действовали также суды особой подсудности — военные, коммерческие и другие суды, создававшиеся на основании других нормативных правовых актов.

Наряду с указанной выше нормой в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. имелись и другие нормы, предусматривающие ответственность за преступления, совершаемые в сфере исполнения судебных решений: насильственное освобождение заключенных (ст. 308), побег из мест заключения (ст. 309), насильственное освобождение арестантов во время их пересылки (ст. 310), препятствование поимке лиц, бежавших из-под стражи (ст. 315).

Признание интересов правосудия объединяющим объектом обособленной группы преступлений характерно для Уголовного Уложения 1903 г., в структуре которого была выделана глава 7 «О противодействии правосудию». В ней помещались в основном нормы, предусматривающие ответственность за простой и квалифицированный виды недонесения о преступлении; укрывательства преступлений либо лиц, их совершивших; повреждения, сокрытия или захвата вещественных доказательств.

Таким образом, к началу XX столетия в отечественном законодательстве сложилась модель исполнительного производства, основанная на разделении судебных и управленческих функций, охрана которой от преступных посягательств осуществлялась с помощью специальных запретов, устанавливавших уголовную ответственность должностных лиц за не приведение в исполнение судебных решений по гражданским и уголовным делам.

В советский период развития российской государственности система исполнительного производства дореволюционной России, так

же как и ее судебная система, были полностью ликвидированы. В специальной литературе отмечается, что вплоть до 1923 г., то есть до момента появления первого Гражданского процессуального кодекса РСФСР, не было принято ни одного общегосударственного акта, регулировавшего процедуру исполнительного производства.

Известно, что первый Уголовный кодекс РСФСР 1922 г., в отличие от Уголовного Уложения 1903 г., не только отказался от консолидации в одной главе норм, предусматривающих признаки преступлений, препятствующих отправлению правосудия, но и не включил в категорию преступных деяний общественно опасное поведение должностных лиц, отказывавшихся или уклонявшихся от исполнения судебных решений по гражданским и уголовным делам. В Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. деяния, причинявшие вред сфере правосудия, были рассредоточены среди преступлений против порядка управления, должностных (служебных) преступлений либо среди преступлений против жизни, свободы и достоинства личности.

Оценивая на примере Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. средства уголовно-правовой охраны отношений, складывающихся в сфере исполнения судебных актов, ученые отмечают, что «для этого периода была характерна предельная концентрация государственной власти, в результате которой многократно усиливался контроль за различными видами государственной деятельности. В этих условиях не было никаких оснований выделять в специальную норму состав преступления о неисполнении судебного акта, поскольку уголовно-правовое регулирование подобных вопросов осуществлялось с помощью норм, содержащих запреты совершения должностных преступлений» [2, с. 128]. Соглашаясь в целом с данной оценкой существовавших в советском уголовном праве гарантий порядка исполнения судебных актов, тем не менее отметим, что отказ советского законодателя от криминализации поведения, выражавшегося в неисполнении должностными лицами судебных актов по гражданским и уголовным делам, в действительности основывался на характерной для советского государства политике принижения роли судебной власти в механизме реализации государственной власти, умалении значимости принимаемых судами решений и, как следствие, лишил граждан и других участников исполнительного производства дополнительной уголовно-правовой гарантии восстановления нарушенных прав и законных интересов.

В Уголовном кодексе РСФСР 1926 г., по сравнению с Уголовным кодексом РСФСР 1922 г., было увеличено количество норм, предусматривающих ответственность за нарушение установленного исправительно-трудовым законодательством порядка исполнения приговоров к наказаниям, связанным с изоляцией осужденных от общества. Так, наряду с известными советскому уголовному законодательству преступлениями в виде незаконного освобождения арестованного из-под стражи или из мест заключения или содействия его побегу (ст. 81), побега арестованного из-под стражи или из места заключения (ст. 82) в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. были дополнительно криминализованы такие деяния, как «возвращение в запрещенные для проживания места, побег с места обязательного поселения или с пути следования к нему» (ст. 82), а также «самовольное временное оставление назначенного постановлением судебного или административного органа местопребывания, а равно неявка в срок к назначенному теми же органами места жительства» (ст. 82) [10, с. 274].

В Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. впервые в советском уголовном законодательстве была сконструирована самостоятельная глава Особенной части под названием «Преступления против правосудия». В первоначальной редакции УК РСФСР 1960 г. включал 15 статей, предусматривающих ответственность за преступления против правосудия, которые совершались как должностными лицами, отправлявшими правосудие, так и иными лицами, в том числе привлекавшимися к отправлению правосудия или обязанными исполнять принимаемые судом решения.

Наметившаяся в советском уголовном законодательстве тенденция криминализации общественно опасного поведения должностных в сфере исполнения судебных решений была закреплена и в ныне действующем Уголовном кодексе РФ 1996 г. (далее — УК РФ). Как известно, кардинальная перестройка российской политической и экономической систем в 90-е годы XX столетия сопровождалась серьезной реформой правовой системы, судебной власти и судоустройства. В результате наряду с деятельностью по разрешению

гражданских (арбитражных) и уголовных дел судебная сфера была расширена в связи с возникновением урегулированного соответствующими нормативными правовыми актами административного и конституционного судопроизводства. Несомненно, что установленный порядок исполнения решений, выносимых, скажем, в результате разрешения конституционно-правовых конфликтов, также нуждается в надежной уголовно-правовой охране, как и порядок исполнения решений, выносимых судами по гражданским (арбитражным), административным и уголовным делам. Одной из гарантий соблюдения и поддержания данного порядка, как представляется, и выступает норма ст. 315 УК РФ, предусматривающая ответственность за неисполнение приговора суда, решения суда или иного судебного акта. В ней уголовно-наказуемым преступлением в сфере отправления правосудия признается «Злостное неисполнение представителем власти, государственным служащим, муниципальным служащим, а также служащим государственного или муниципального учреждения, коммерческой или иной организации вступивших в законную силу приговора суда, решения суда или иного судебного акта, а равно воспрепятствование их исполнению».

Таким образом, исторический экскурс становления и развития российского уголовного законодательства об ответственности за неисполнение судебных актов позволяет утверждать, что уголовно-правовая охрана отношений, возникающих в сфере исполнения судебных актов, во многом зависела от механизма реализации судебной власти и обусловленных данным механизмом моделей исполнения судебных решений. В процессе исторического развития российской государственности и законодательства претерпевали изменения характер и способы реализации судебной и исполнительной (административной) власти, соответствующим изменениям подвергался установленный порядок исполнения судебных актов по гражданским и уголовным делам, а также уголовно-правовой механизм его (порядка) охраны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бойков А. Д. Третья власть в России. Кн. 1. Очерки и правосудия, законности и судебной реформе 1990 – 1996 гг. – Москва : Изд-во НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1997. – 261 с.
2. Дворянсков И. В., Друзин А. И., Чучаев А. И. Уголовно-правовая охрана отправления правосудия (историко-правовое исследование) / отв. ред. И. А. Исаев. – Москва : Воениздат, 2002. – 150 с.
3. Гуреев В. А., Гушин В. В. Исполнительное производство : учебник. – Москва : Эксмо, 2009. – 453 с.
4. Малешин Д. А. Исполнительное производство (функции суда). – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Городец, 2005. – 144 с.
5. Курс советского уголовного права : в 6 т. / А. А. Пионтковский, П. С. Ромашкин, В. М. Чхиквадзе [и др.]. – Москва : Наука, 1971. – Т. 6: Преступления против государственного аппарата и общественного порядка. Военские преступления. – 559 с.
6. Монтескье, Шарль Луи де. Избранные произведения. – Москва : Госполитиздат, 1955. – 800 с.
7. Михайловская И. Б. Социальное назначение уголовной юстиции и цель уголовного процесса // Государство и право. – 2005. – № 5. – С. 111 – 118.
8. Российское законодательство X – XX веков : в 9 т. / под ред. О. И. Чистякова. – Москва : Юридическая литература, 1984. – Т. 1: Законодательство Древней Руси. – 430 с.
9. Сергеевский Н. Д. Русское уголовное право. Часть Общая : пособие к лекциям. – Изд. 8-е. – Санкт-Петербург : Тип. М. М. Стасюлевича, 1910. – 397 с.
10. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР (1917 – 1952 гг.) / сост. А. А. Герцензон ; под ред. И. Т. Голякова. – Москва : Госюриздат, 1953. – 464 с.
11. Уголовное право России. Особенная часть : учебник / под ред. И. Э. Звечаровского. – Москва : Юрист, 2004. – 975 с.
12. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением. – Москва : Добросвет-2000 : Городец, 2000. – 462 с.

REFERENCES

1. Boikov A. D. *Tretya vlast v Rossii. Kn. 1. Ocherki i pravosudii, zakonnosti i sudebnoi reforme 1990–1996 gg.* [The Third Power in Russia. Essays on Justice, Legality and Judicial Reform 1990 – 1996]. Moscow, Research Institute of Problems of Strengthening Law and Order Publ., 1997. 261 p.
2. Dvoryanskov I. V., Druzin A. I., Chuchaev A. I.; Isaev I. A. (ed.). *Ugolovno-pravovaya okhrana otpravleniya pravosudiya (istoriko-pravovoe issledovanie)* [Criminal Law Protection of the Administration of Justice (Historical and Legal Research)]. Moscow, Voениzdat Publ., 2002. 150 p.
3. Gureev V. A., Gushchin V. V. *Ispolnitelnoe proizvodstvo* [Enforcement Proceedings]. Moscow, Eksmo Publ., 2009. 453 p.
4. Maleshin D. A. *Ispolnitelnoe proizvodstvo (funktsii suda)* [Enforcement Proceedings (Functions of the Court)]. 2nd ed. Moscow, Gorodets Publ., 2005. 144 p.
5. Piontkovskii A. A., Romashkin P. S., Chkhikvadze V. M. et al. *Kurs sovetskogo ugovnogo prava: Chast obshchaya*. [The Course Of Soviet Criminal Law]. Moscow, Nauka Publ., 1971. Vol. 6. 559 p.
6. Montesquieu, Charles Louis de. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955. 800 p.
7. Mikhailovskaya I. B. The Social Purpose of Criminal Justice and the Purpose of the Criminal Process. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2005, no. 5, pp. 111 – 118. (In Russian).
8. Shistyakov O. I. (ed.). *Rossiiskoe zakonodatelstvo X–XX vekov* [Russian legislation of the 10 – 20 centuries]. Moscow, Yuridicheskaya literatur Publ., 1984. Vol. 1. 430 p.
9. Sergeevskii N. D. *Russkoe ugovnoe pravo. Chast Obshchaya* [Russian Criminal Law. General Part]. 8th ed. Saint Petersburg, M. M. Stasyulevich Publ., 1910. 397 p.
10. Gertsenzon A. A., Golyakov I. T. (eds). *Sbornik dokumentov po istorii ugovnogo zakonodatelstva SSSR i RSFSR (1917–1952 gg.)* [Collection of Documents on the History of Criminal Legislation of the USSR and the RSFSR (1917 – 1952)]. Moscow, Gosizdat Publ., 1953. 464 p.
11. Zvecharovskii I. E. (ed.). *Ugovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast* [Criminal Law of Russia. Special Part]. Moscow, Jurist Publ., 2004. 975 p.
12. Foinitskii I. Ya. *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyurmovedeniem* [The Doctrine of Punishment in Connection with Prison Studies]. Moscow, Dobrosvet-2000, Gorodets Publ., 2000. 462 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кособродов Никита Владимирович (Москва) – преподаватель кафедры гражданского и уголовного права и процесса Московского международного университета (125040, Россия, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 17. e-mail: kosobrodov@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kosobrodov, Nikita V. (Moscow) – Lecturer at the Civil and Criminal Law and Procedure Department. Moscow International University (17 Leningradsky Prospekt, Moscow, 125040, Russia, e-mail: kosobrodov@mail.ru).

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

УДК 340.132.62

Г. Н. Дудко

*Саратовская государственная юридическая академия,
Саратов, Российская Федерация
ORCID: 0009-0004-1439-815X
Researcher ID: KCJ-7537-2024*

ВИДЫ КАЗУАЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ В ПРАВЕ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 1. — С. 16–25.

ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.2.

Дата поступления 19.11.2023, дата принятия к печати 17.03.2024,
дата онлайн-размещения 30.03.2024.

АННОТАЦИЯ

В статье изучаются различные подходы к выделению многочисленных оснований, согласно которым следует проводить систематизацию казуального толкования в праве. Отмечается, что видовая дифференциация казуального толкования юридических норм относится к проблемам классификации. Автор обращает внимание на ряд требований, которых следует придерживаться при выработке базисов для стратифицирования разновидностей казуального толкования. Среди них выделяются: четкость, строгость и неизменность оснований деления; полнота охвата; учет законов логики; аппроксимация; релевантность классификации. Указывается, что в историческом контексте по вопросу видового разнообразия казуального толкования было множество сменяемых друг друга подходов. На современном этапе казуальное толкование юридических норм классифицируется по целому ряду оснований: степень обязательности результатов толкования, субъекты, степень свободы обращения с объектом толкования, стадии, формы и объем казуальной интерпретационной деятельности. Подробно рассматривается перечень вариаций исследуемого феномена в соответствии с теми базисами стратификации, которые были представлены автором. В конечном итоге, резюмируется, что классификация казуального толкования в праве позволяет получить новые знания об разновидностях искомой интерпретационной деятельности и способах ее структурирования по целому ряду ключевых оснований.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Казуальное толкование; виды казуального толкования; толкование права; интерпретация; классификация.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Дудко Г. Н. Виды казуального толкования в праве // Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 1. — С. 16–25. — DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.2.

TYPES OF CASUAL INTERPRETATION IN LAW

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2024, no. 3, pp. 16 – 25.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.2.
Received 19.11.2024, accepted 17.03.2024, available online
30.03.2024.

ABSTRACT

The article examines various approaches to the identification of numerous grounds according to which the systematization of casual interpretation in law should be carried out. It is noted that the specific differentiation of the casual interpretation of legal norms refers to the problems of classification. The author draws attention to a number of requirements that should be followed when developing bases for stratifying varieties of casual interpretation. Among them are: clarity, rigor and immutability of the bases of division; completeness of coverage; consideration of the laws of logic; approximation; relevance of classification. It is pointed out that in the historical context, there were many alternating approaches to the issue of species diversity of casual interpretation. At the present stage, the casual interpretation of legal norms is classified according to a number of grounds: the degree of binding interpretation results, subjects, degree of freedom of treatment of the object of interpretation, stages, forms and scope of casual interpretative activity. The list of variations of the studied phenomenon is considered in detail in accordance with the stratification bases that were presented by the author. In the end, it is summarized that the classification of casual interpretation in law allows you to gain new knowledge about the types of interpretative activity you are looking for and how to structure it on a number of key grounds.

KEYWORDS

Casual interpretation; types of casual interpretation; interpretation of law; interpretation; classification.

FOR CITATION

Dudko G. N. Types of Casual Interpretation in Law. *Prologue: Law Journal*, 2024, no. 3, pp. 16 – 25. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.2.

Вид толкования норм права — это такая конструкция, которая акцентирует внимание на изначальных юридических свойствах интерпретационной деятельности, зависящих от компетенции осуществляющих ее субъектов. Он позволяет спрогнозировать юридическую силу результатов указанной работы, их положение в системе интерпретационной практики.

Определение разновидностей казуального толкования юридических норм относится к проблемам классификации. В целях грамотного ее проведения необходимо руководствоваться правилами формальной логики и одно-

значно решить задачу, а именно выяснить основания, по которым и будет осуществляться подразделение исследуемого феномена на видовые группы [16, с. 19]. Считается, что их правильный выбор формирует успех и эффективность ее построения [19, с. 18].

Классификация выступает важнейшим инструментом, позволяющим описать и осмыслить закономерности окружающего нас мира, в том числе и правового, упорядочить полученные знания. Ни одна отрасль науки не может обойтись без обобщения и структурирования информации.

С. Бэтли высказывается на этот счет следующим образом: «... у нас есть врожденная способность классифицировать вещи... Мы классифицируем вещи, чтобы упростить наш мир и его смысл. Классификация — это то, что мы делаем все время; мы структурируем нашу жизнь и нашу окружающую среду... посредством системы схем классификации. Классификация — это просто группирование вещей, которые похожи друг на друга...» [27, с. 19]. С. С. Розова также отмечает важность классификации для любой человеческой деятельности, в том числе научной, заявляя, что она выступает ее необходимым элементом [16, с. 13–15].

Основание составляет базис для проведения классификации. По справедливому замечанию В. М. Сырых, оно представляет собой присущее объекту свойство или характеристику. Причем из их совокупности преимущество следует отдавать именно главным и сущностным признакам. Отсутствие обстоятельного выбора оснований для классификации, заявляет ученый, сродни «гаданию на кофейной гуще» [23, с. 281, 285, 287]. Справедливость высказанного суждения не вызывает сомнений, поскольку неверный их выбор влечет значительную степень дефектности произведенного деления изучаемых феноменов по группам. Важнейшее требование к основанию классификации состоит в том, чтобы совокупность значений исследуемого явления обеспечивало его естественное деление на виды, группы или классы. Иными словами, они должны обладать одинаковым объемом всех существенных свойств явления [16, с. 18].

Для того, чтобы классифицировать казуальное толкование юридических норм необходимо придерживаться следующих требований:

1) «чистота» деления: виды казуального толкования должны подвергаться исчерпывающему описанию, быть различными (т.е. отличаться друг от друга). Также необходимы четкость и строгость в позиционировании оснований деления казуального толкования на виды, которые должны оставаться неизменными в течение всего процесса классификации заявленного феномена;

2) полнота охвата всех разновидностей казуального толкования. Требуется, чтобы классификация позволяла охватить все возможные проявления исследуемой интерпретационной деятельности;

3) учет законов логики при выполнении деления казуального толкования на соответствующие виды в зависимости от избранных оснований;

4) стремление к максимально возможной степени терминологического упрощения

взятых оснований и классификационных элементов в проекции к казуальному толкованию юридических норм (аппроксимация);

5) релевантность представленной классификации.

Если рассматривать научные исследования, посвященные вопросам классификации интерпретации нормативных предписаний начала XX века, то можно отметить, что они существенным образом отличались от представленных ныне разновидностей. Виды толкования права выделялись на основе способа толкования (например, грамматическое, историческое, систематическое, логическое и др.) [8, с. 342–347; 24, с. 140–144]. Казуальное толкование дореволюционными правоведами вообще не выделялось, они уделяли внимание толкованию права, которое в настоящее время вообще не выделяется — реальное. Его цель состояла в даче и разъяснении действительного, внутреннего смысла нормативного предписания, а осуществлялось после производства словесного толкования [2, с. 77–208].

Доктрина советского периода выделяла казуальное толкование юридических норм, однако при характеристике ученые отмечали исключительно официальный характер [1, с. 311]. Его виды, по их мнению, были представлены судебной и административной разновидностями. Позднее, наряду с официальным, стали отмечать официозное казуальное толкование [15, с. 119–154; 26, с. 295].

В настоящее время казуальное толкование выдвигается в видовом ряду именно официального толкования, однако думается, что оно может быть и неофициальным, чему есть подтверждение, выраженное в научных позициях [25, с. 248; 10, с. 6–7]. Так, следует согласиться с мнением о том, что «...суждения о содержании права могут быть результатами любого толкования» [9, с. 98].

Стоит заметить дискуссионность классического современного подхода к классификации толкования права вообще. В частности, И. А. Минникес отмечает, что значительное количество вопросов возникает при рассмотрении разновидностей толкования права, которое и в учебной, и в научной литературе делится в зависимости от субъекта на официальное и неофициальное; первое в дальнейшем подразделяется на аутентическое и легальное, а второе — на доктринальное, профессиональное и обыденное [10, с. 6]. Он справедливо доказывает, что при таком подходе нарушается принцип дихотомии, когда изучаемое явление делится одновременно не по одному, а по нескольким основаниям. Если же придерживаться правил формальной логики и исходить

из одного основания на определенный видовой ряд, то разновидности толкования права, в том числе и казуального, будут представлены несколько иным образом.

В связи с этим, думается, казуальное толкование юридических норм можно классифицировать по следующим основаниям: степень обязательности результатов толкования, субъекты, степень свободы обращения с объектом толкования, стадии, формы и объем казуальной интерпретационной деятельности. Рассмотрим каждое из оснований и соответствующие виды казуального толкования более подробно.

1. В зависимости от степени обязательности результатов толкования:

А) Официальное казуальное толкование: осуществляется субъектом публичной власти, отличается обязательным характером своих результатов. Считаем, что оно проявляется в деятельности Президента РФ, органов законодательной, исполнительной и судебной власти, прокуратуры, органов местного самоуправления.

Б) Официозное казуальное толкование: осуществляется специально уполномоченным субъектом, но характеризуется необязательностью учета его результатов соответствующими получателями.

Ф. Н. Фаткуллин следующим образом давал описание этому виду толкования: интерпретационная деятельность, которая выполняется специально уполномоченными органами по определенным категориям норм права вне зависимости от того, кем они были изданы [25, с. 249]. Однако здесь не вполне ясно, в чем состоит разница между официозным толкованием, аутентическим и легальным (делегированным). Следует согласиться с позицией А. Ф. Черданцева, который официозное толкование понимал как деятельность государственных органов, результаты которой не имеют обязательного характера [26, с. 294 – 295].

Считаем, что официозное толкование может быть и казуальным. Оно проявляется через деятельность всех органов публичной власти. Так, в правовой действительности распространены ситуации, когда должностные лица осуществляют казуальное разъяснение норм права, но не в границах установленной законодательством процедуры исполнения своих полномочий [4, с. 15]. Например, их выступления на телевидении, радио, публикация своих комментариев — оценок конкретных ситуаций в собственных блогах в социальных сетях.

В) Неофициальное казуальное толкование: осуществляется любым субъектом право-

реализационного процесса, отличается необязательным характером результатов толкования. По нашему мнению, оно в зависимости от уровня подготовки может быть поделено на: обыденное, компетентное (профессиональное и доктринальное) и роботизированное.

2. В зависимости от субъекта интерпретационной деятельности можно выделить следующие виды казуального толкования: *аутентическое казуальное толкование и легальное казуальное толкование.*

Деление толкования права по субъектам детерминирует вопрос о различности объема выполняемой ими интерпретационной деятельности. Одни субъекты (например, судебные органы) в силу имеющейся у них в соответствии с действующим законодательством компетенции фактически на постоянной основе занимаются казуальной интерпретационной деятельностью, иные (например, различные ведомства) — занимаются праворазъяснительной работой эпизодически в части обеспечения исполнения собственных полномочий. В связи с этим Н. Н. Вопленко отмечает недостаточную степень законодательной урегулированности правомочий у министерств и ведомств, в части осуществления толкования права и издания соответствующих интерпретационных актов [3, с. 29 – 54].

Аутентическое казуальное толкование — это интерпретационная деятельность субъекта — автора правового акта, толкование которого требуется применительно к конкретной жизненной ситуации.

В юридической литературе наряду с отмеченным используется термин «аутентичное» толкование юридических норм [6, с. 484 – 522]. В целях нивелирования двусмысленности их употребления отметим следующее. Более распространенным считается терминологическая конструкция «аутентическое толкование». Она имеет греческое происхождение и означает «исходящий от первоисточника». Иными словами, речь идет о толковании, которое осуществляется автором нормативного предписания. Думается, что именно такая трактовка справедлива для употребления, хотя существует ряд ученых, которые не проводят различия между словами «аутентический» и «аутентичный» [14, с. 14 – 18]. Эта позиция представляется неверной в силу объективных причин.

Понятие «аутентическое толкование» четко показывает на связь вида деятельности с субъектом, который ее осуществляет. В тоже время термин «аутентичное толкование» указывает скорее не на своего субъекта, а на объект — толкуемый текст [11, с. 36 – 55]. Оно (аутентичное толкование) приобретает наиболь-

шую значимость в международном праве при интерпретации договоров международного порядка, а также в случае необходимости восполнения пробелов путем применения аналогии права и толкования оценочных понятий, когда главным ориентиром для интерпретационного субъекта является именно содержание нормативного текста.

Думается, что казуальное толкование также может быть аутентическим. Доказательством тому служат нормы действующего законодательства, юридическая практика, доводы, предложенные в юридической науке [7, с. 8–9]. Широкий подход к определению субъектов аутентического толкования позволяет предположить, что им может стать любой субъект, как государственный, так и негосударственный [11, с. 36–55]. Этот довод подтверждает высказывание А. Ф. Черданцева: «Если тот или иной орган может давать толкование своих нормативных актов к целой категории дел, то он тем более имеет право толковать свои акты и применительно к конкретному делу, если такая необходимость возникает» [26, с. 94].

Легальное казуальное толкование осуществляется органами публичной власти и их должностными лицами, у которых имеются полномочия на производство интерпретационной деятельности в отношении норм, установленных иными органами власти, применительно к конкретной жизненной ситуации.

В сравнении с аутентическим легальное казуальное толкование юридических норм встречается в юридической практике чаще. В частности, деятельность судебных коллегий Верховного Суда РФ при разбирательстве конкретных юридических дел, когда ими выносятся определения по конкретному делу, разъясняющее нижестоящим судам особенности применения конкретных норм права применительно к определенному делу¹.

3. *В зависимости от степени свободы обращения с объектом толкования* исследуемый феномен делится на такие виды как:

А) *Аналитическое казуальное толкование* — это интерпретационная деятельность соответствующих субъектов в границах казуса, когда объект толкования остается неизменным.

Исходя из этого, цель такого толкования состоит в том, чтобы получить наиболее точ-

ное знание относительно смысла содержания применяемого в юридическом деле нормативного предписания. При таком виде казуального толкования не происходит замена одного значения другим, либо не предоставляется такое значение, которое ранее не существовало. По своей сути производится анализ «...заданного значения с наиболее точным указанием на те аспекты, в которых оно либо определено, либо неопределено» [18, с. 267].

К примеру, можно привести юридический казус, который стал предметом рассмотрения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ, касающийся ничтожности условий в публичных офертах, нарушающих права потребителей. Согласно фактическим обстоятельствам, некий гражданин купил онлайн-курс у компании «Лайк Центр», однако позднее отказался от обучения и потребовал от нее вернуть полностью уплаченную сумму. Отказ компании от выполнения требований гражданина повлек его последующие обращения в суд. Первая судебная инстанция, опираясь на условия, указанные в публичной оферте, постановила необходимость возврата гражданину денежных средств в размере только 8 % от стоимости курса, суды апелляционной и кассационной инстанций отметили, что указанный случай подпадает под нормы о защите прав потребителей, поэтому с компании необходимо взыскать штраф.

Верховный Суд РФ пошел дальше и по своей сути продемонстрировал аналитическую интерпретационную работу с нормами права, которыми регулируются искомая жизненная ситуация. Он обратил внимание на содержание этих норм, толкование которых свидетельствуют, что изначально сформированные компанией «Лайк Плюс» условия публичной оферты ухудшают положение потребителя², а потому она должна вернуть гражданину полную стоимость обучения и заплатить штраф³.

² П. 1 ст. 782 ГК РФ предусматривает право заказчика на отказ от договора возмездного оказания услуг. Это же право вытекает из общих положений ст. 450.1 ГК РФ; ст. 16 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» (Российская газета. 1992. 16 янв.) запрещает в договоре условия, которые умаляют права потребителя. В связи с этим указание на ограничение суммы возврата не имеет правового значения.

³ Определение гражданской коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 8 августа 2023 г. по делу № 72-КГ23-1-К8 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=2275040 (дата обращения: 10.09.2023).

¹ См., например: Определение Судебной Коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 апреля 2022 г. № 43-КГ22-3-К6. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404685421/> (дата обращения: 10.09.2023).

Б) Замещающее казуальное толкование — это интерпретационная деятельность соответствующих субъектов в границах казуса, при которой не имеющий определенного значения объект толкования изменяется таким образом, что границы его значения будут установлены в пределах казуального толкования.

В частности, подобный вид казуального толкования характерен для ситуаций, когда они подпадают под регламентацию норм права, содержащих оценочные понятия, либо, когда имеются пробелы в праве. Например, в августе 2023 года Верховный Суд РФ при рассмотрении юридического дела уточнил оценочное понятие недобросовестности. Так, в юридической практике презюмируется, что игнорирование арбитражными управляющими требований со стороны кредиторов является свидетельством их недобросовестности.

Согласно фактическим обстоятельствам рассматриваемого юридического дела, между банком и подрядчиком был заключен договор строительного подряда, однако позднее подрядчик был признан банкротом и в ходе нарушений условий заключенного договора образовалась задолженность, сумму которой банк потребовал от конкурсного управляющего включить в реестр текущих требований. Но он (конкурсный управляющий) это требование проигнорировал. Далее произошла смена двух конкурсных управляющих, которые также не приняли к сведению требования кредитора, а потому он обратил в суд. Первая, апелляционная и кассационная судебные инстанции встали на сторону заявителя и признали всех трех конкурсных управляющих недобросовестными.

В то же время Верховный Суд РФ, отправляя дело на новое рассмотрение, отметил следующее: наличие правопреемства не является свидетельством недобросовестности деятельности конкурсных управляющих. Она проявляет себя только в том случае, если он знал о требованиях кредитора, но никаких действий не предпринимал. Таким образом, правопреемники не должны нести ответственности за своих коллег, а потому двух последующих конкурсных управляющих нельзя признавать недобросовестными⁴.

4. В зависимости от количественного состава субъектов казуального толкования:

⁴ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 17 августа 2023 г. № 305-ЭС22-25302(5) по делу № А40-69394/2015. URL: <https://m.kad.arbitr.ru/kad/card?number=%d0%b040-69394%2f2015> (дата обращения: 10.09.2023).

А) Индивидуальное казуальное толкование — это интерпретационная деятельность одного субъекта в границах определенного казуса. Этот вид толкования составляет основу для любой другой разновидности толкования права, демонстрирует качественные характеристики самого интерпретационного субъекта. Примером выступает правоуяснительная работа гражданина, которой он занимается для себя в целях разрешения конкретной ситуации.

Б) Коллективное казуальное толкование — это интерпретационная деятельность нескольких субъектов в границах определенного казуса. Речь в данном случае идет о совокупности результатов индивидуального толкования, данных несколькими субъектами и объединенных в одну коллективную позицию. Вероятность существования указанного вида толкования предусмотрена действующим законодательством⁵. Примером выступает деятельность Судебных коллегий Верховного Суда РФ, рассматривающих определенное дело и выносящих конкретное решение на коллегиальной основе.

5. В зависимости от стадии казуальной интерпретационной деятельности она делится на: *казуальное толкование — уяснение, казуальное толкование — разъяснение, казуальное толкование — конкретизацию юридических норм.*

Казуальное толкование — уяснение юридических норм представляет собой необходимый этап любого правореализационного процесса. Это познавательная деятельность, направленная на индивидуальное определение и познание смысла содержания нормативного установления [5, с. 111]. Оно всегда предшествует последующим стадиям толкования. Целью осуществления данного вида толкования выступает самостоятельное познание человеком законодательства и особенностей его применения к определенной ситуации, предполагает изначальное ознакомление с нормативным предписанием, его субъективную оценку и восприятие, а также соотносимость с имеющейся у интерпретационного субъекта индивидуальной нормативной системой. Как уже было сказано, уяснение может и не повлечь за собой разъяснение, таким образом, оно представляет собой самодостаточный процесс, итоги которого могут вполне удовлетворить соответствующего интерпретационного субъекта.

⁵ См., например: ст. 301 УПК РФ; ст. 15 ГПК РФ.

Последующие стадии и соответственно виды казуального толкования без первой существовать не могут.

Казуальное толкование — разъяснение — это следствие произведенного уяснения содержания юридической нормы в виде объективированных в определенной форме и содержании результатов, доводимых до сведения заинтересованных лиц [20, с. 15]. Справедливо считается, что казуальному разъяснению предшествует интеллектуальная деятельность, направленная на выяснение содержания нормативного предписания, собственно понимания его смысла. Причем объективность и адекватность результатов подобной работы находится в прямой зависимости от профессиональных и интеллектуальных качеств интерпретационного субъекта, а также имеющегося у него жизненного опыта. Важно иметь в виду следующее, казуальное толкование — разъяснение может осуществлять субъект и не уполномоченный на применение нормы права к конкретным правоотношениям [17, с. 9 — 12]. Например, прокурор в судебном заседании, произнося обвинительную речь, демонстрирует результаты собственного казуального толкования — разъяснения суду и лицам, участвующим в процессе, однако непосредственно применять нормы интерпретируемого закона к подсудимому он не вправе. Цель рассматриваемого вида заключается в даче разъяснения собственного понимания содержания нормы права иным заинтересованным лицам.

Казуальное толкование — конкретизация в настоящее время вызывает наибольший интерес. Так, содержание нормы права конкретизируется в связи с определенным казуальным и является необходимым компонентом правореализационного процесса [13, с. 233]. В случае судебного правоприменения результаты казуального толкования должны отражать юридико-техническую возможность исполнения принятого по делу решения как специальными органами (например, судебными приставами), так и иными субъектами. Причем, в них демонстрируются путь рассуждений правоприменителя, поиск и обоснование его юридических мотивов для предложенной в решении аргументации, объяснение собственной правовой позиции, которые позволили прийти к окончательному решению по делу [21, с. 44]. Этот вид толкования позволяет достигнуть цели в виде обоснования объективности и правильности применения нормы права в конкретной ситуации.

6. *В зависимости от объема казуального толкования юридических норм можно выде-*

лить: буквальное казуальное толкование, расширительное казуальное толкование, ограничительное казуальное толкование.

Существует достаточно устоявшаяся позиция, согласно которой классификационный ряд разновидностей толкования в зависимости от объема представлен следующим образом: буквальное, расширительное, ограничительное [1, с. 306 — 308]. Указанное основание и соответственно виды могут быть положены в основу деления на виды казуального толкования юридических норм.

7. *В зависимости от формы внешнего выражения казуальное толкование делится на устное, письменное, когнитивное.*

Лексический анализ конструкции «форма выражения» позволяет его интерпретировать как внешнее выражение чего-либо, обусловленное его содержанием [12, с. 1120]. Казуальное толкование может материализоваться в различных формах при непосредственном и опосредованном коммуникативном взаимодействии в праве [22, с. 192 — 197]. Значение и оформление итогов толкования права, в том числе и казуального, зависят от статуса и полномочий субъекта, его осуществляющего.

Когнитивное казуальное толкование связано с познавательными процессами, направленными на изучение законодательных положений, в особенности нововведений.

Устная форма казуального толкования представляет собой достаточно распространенное явление не только в юрисдикционных и неюрисдикционных формах рассмотрения конкретных дел (когда стороны по делу производят интерпретацию применяемых норм права в каждом конкретном случае в ходе устного судебного процесса), но и в повседневной жизни. В устной форме дается казуальное толкование в виде советов, рекомендаций юридического характера от должностных лиц, практикующих юристов при обращении к ним граждан. Особенностью указанного вида казуального толкования выступает недостаточная степень его формализации, невозможность предметно на него сослаться, неустойчивость и возможность переоценки данного первоначально смысла содержания нормы права.

Письменная форма казуального толкования представляет собой информацию на бумажном или электронном носителе в виде изложенного текста. Этот вид толкования выступает наиболее распространенным и составляет самую значительную часть интерпретационных казуальных актов. Особенностью данного вида толкования выступает

четкая зафиксированность его результатов, что влечет возможность сослаться на него и в иных случаях. Также его отличает строгая формализованность, меньшая степень подверженности влиянию субъективных особенностей интерпретационного субъекта. К результатам подобного толкования предъявляются установленные требования, а потому они должны отличаться четкостью и лаконичностью формулировок.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы:

1. *Классификация казуального толкования юридических норм* представляет собой инструмент научного познания, конкретную познавательную деятельность, посредством которой производится структурирование научного знания относительно разновидностей искомой интерпретационной деятельности и ее деление на определенные группы по избранным классификационным основаниям.

2. К *требованиям, предъявляемым к классификации казуального толкования юридических норм*, можно отнести: четкость, строгостью неизменность оснований деления;

полноту охвата все разновидностей казуального толкования; учет законов логики при выполнении деления казуального толкования на соответствующие виды в зависимости от избранных оснований; аппроксимацию; релевантность представленной классификации.

3. *Виды казуального толкования юридических норм* можно продемонстрировать исходя из следующих оснований: по степени обязательности результатов толкования (официальное, официозное и неофициальное толкование); по субъектам казуального толкования (аутентическое и легальное); по степени свободы обращения с объектом толкования (аналитическое и замещающее); по стадиям осуществления (казуальное толкование — уяснение, казуальное толкование — конкретизация, казуальное толкование — разъяснение); по количественному составу интерпретационных субъектов (индивидуальное и коллективное); по объему интерпретационной деятельности (буквальное, расширительное, ограничительное); по форме внешнего выражения интерпретационной деятельности (когнитивное, устное, письменное).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в 2 т. — Москва : Юридическая литература, 1982. — Т. 2. — 359 с.
2. Васильковский Е. В. Учение о толковании и применении гражданских законов: цивилистическая методология. — Одесса : Экономическая типография, 1901. — Ч. 1. — 376 с.
3. Вопленко Н. Н. Виды и акты официального толкования права // Ленинградский юридический журнал. — 2008. — № 2 (12). — С. 29–54.
4. Вопленко Н. Н. Официальное толкование норм права. — Москва : Юридическая литература, 1976. — 118 с.
5. Гревцов Ю. И., Козлихин И. Ю. Энциклопедия права : учеб. пособие. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2008. — 771 с.
6. Казанский П. Е. Власть всероссийского императора: Очерки действующего русского права. — Одесса : Тип. Техник, 1913. — 960 с.
7. Колоколов Я. Н. Аутентическое официальное толкование норм права: теория, практика, техника : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. — Нижний Новгород, 2011. — 36 с.
8. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. — 9-е изд. — Санкт-Петербург : Изд-во Н. К. Мартьянова, 1909. — 354 с.
9. Лазарев В. В. Применение советского права. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1972. — 200 с.
10. Минникес И. А. Казуальное толкование: проблемы теории и практики // Академический юридический журнал. — 2016. — № 1. — С. 4–9.
11. Минникес И. А., Минникес И. В. Аутентическое (авторское) толкование: теоретико-правовой и конституционно-правовой аспекты // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2021. — № 3. — С. 36–55.
12. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под общ. ред. Л. И. Скворцова. — Москва : Оникс : Мир и Образование, 2002. — 1120 с.
13. Переплетчикова А. И. Конкретизационные нормы российского права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. — Саратов, 2021. — 233 с.
14. Петрушев В. А. Аутентическое толкование права: законодательная регламентация и практика применения // Вестник Российской правовой академии. — 2006. — № 2. — С. 14–18.
15. Пиголкин А. С. Толкование нормативных актов в СССР. — Москва : Госюриздат, 1962. — 166 с.
16. Пирмаев Е. В. Виды судебного толкования // *Vaikal Research Journal*. — 2016. — Т. 7, № 5. — С. 19.
17. Плахтий Н. А. Некоторые аспекты видового толкования термина «исключительный случай» // *Право и государство: теория и практика*. — 2023. — № 7 (223). — С. 9–12.

18. Пферсманн О. Против юридического неореализма. По поводу спора о толковании / пер. с фр. М. В. Антонова // Российский ежегодник теории права. — 2011. — № 4. — С. 218 — 272.
19. Розова С. С. Классификационная проблема в современной науке : монография. — Новосибирск : Наука, 1986. — 223 с.
20. Слесарев А. В. Специально-юридическое толкование норм гражданского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — Москва, 2003. — 30 с.
21. Соцуру Л. В. Толкование норм права: теория и практика. — Самара : Изд-во Самарского юридического института, 2001. — 121 с.
22. Суменков С. Ю. Синтез правил и исключений как основа правовой коммуникации // Правовая коммуникация государства и общества: отечественный и зарубежный опыт : сб. трудов Междунар. науч. конф., Воронеж, 11 — 12 сент. 2020 г. — Воронеж : Наука Юнипресс, 2020. — С. 192 — 197.
23. Сырых В. М. Подготовка диссертаций по юридическим наукам : настольная книга соискателя. — Москва : Российская академия правосудия, 2012. — 499 с.
24. Трубецкой Е. Н. Лекции по энциклопедии права. — Москва : т-во тип. А. И. Мамонтова, 1917. — 227 с.
25. Фаткуллин Ф. Н. Проблемы теории государства и права : курс лекций. — Казань : Изд-во Казанского университета, 1987. — 334 с.
26. Черданцев А. Ф. Толкование права и договора : учеб. пособие для вузов. — Москва : Юнити, 2003. — 381 с.
27. Batley S. Classification in Theory and Practice. — 2nd ed. — Oxford : Chandos Publ., 2014. — 181 p.

REFERENCES

1. Alekseyev S. S. *Obshchaya teoriya prava* [General Theory of Law]. Moscow, Yuridicheskaya Literature Publ., 1982. Vol. 2. 359 p.
2. Vaskovskii E. V. *Uchenie o tolkovanii i primenении grazhdanskikh zakonov: tsivilisticheskaya metodologiya* [The Doctrine on the Interpretation and Application of Civil Laws: Civil Methodology]. Odessa, Ehkonomicheskaya tipografiya Publ., 1901. Part. 1. 376 p.
3. Voplenko N. N. Types and Acts of Official Interpretation of Law. *Leningradskii yuridicheskii zhurnal = Leningrad legal journal*, 2008, no. 2 (12), pp. 29 — 54. (In Russian).
4. Voplenko N. N. *Ofitsialnoe tolkovanie norm prava* [Official interpretation of the rules of law]. Moscow, Yuridicheskaya Literature Publ., 1976. 118 p.
5. Grevtsov Yu. I., Kozlikhin I. Yu. *Ehntsiklopediya prava* [Encyclopaedia of Law]. Saint-Petersburg University Publ., 2008. 771 p.
6. Kazanskii P. E. *Vlast vserossiiskogo imperatora: Ocherki deistvuyushchego russkogo prava* [The Power of the All-Russian Emperor: Essays on Current Russian Law]. Odessa, Tekhnik Publ., 1913. 960 p.
7. Kolokolov Ya. N. *Autenticheskoe ofitsialnoe tolkovanie norm prava: teoriya, praktika, tekhnika. Avtoref. Kand. Diss.* [Authentic Interpretation of the Law: Theory, Practice, Technique. Cand. Diss. Thesis]. Nizhnii Novgorod, 2011. 36 p.
8. Korkunov N. M. *Lektsii po obshchei teorii prava* [Lectures on the General Theory of Law]. 9th ed. Saint Petersburg, N. K. Martynov Publ., 1909. 354 p.
9. Lazarev V. V. *Primenenie sovetskogo prava* [Use of Soviet Law]. Kazan State University Publ., 1972. 200 p.
10. Minnikes I. A. Casual interpretation: theory and practice problems. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Juridical Journal*, 2016, no. 1, pp. 4 — 9. (In Russian).
11. Minnikes I. A., Minnikes I. V. Authentic (Copyright) Interpretation: Theoretical, Legal and Constitutional Aspects. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ehkonomiki = Journal of the Higher School of Economics*, 2021, no. 3, pp. 36 — 55. (In Russian).
12. Ozhegov S. I., Skvortsov L. I. (ed.) *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Oniks, Mir i Obrazovanie Publ., 2002. 1120 p.
13. Perepletchikova A. I. *Konkretizatsionnye normy rossiiskogo prava. Kand. Diss.* [The Concretization Norms of Russian law. Cand. Diss.]. Saratov, 2021. 233 p.
14. Petrushev V. A. The Authentic Interpretation of Law: Legislative Regulation and Practice of Application. *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii = Herald of the Russian Law Academy*, 2006, no. 2, pp. 14 — 18. (In Russian).
15. Pigolkin A. S. *Tolkovanie normativnykh aktov v SSSR* [Interpretation of Normative Acts in the USSR]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1962. 166 p.
16. Pirmayev Ye. V. Types of Court Interpretation. *Baikal Research Journal*, 2016, vol. 7, no. 5, p. 19. (In Russian). DOI: 10.17150/2411-6262.2016.7(5).19.
17. Plakhtiy N. A. Some aspects of the specific interpretation of the term "exceptional case". *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and State: The Theory and Practice*, 2023, no. 7 (223), pp. 9 — 12. (In Russian). DOI: 10.47643/1815-1337_2023_7_9.
18. Pfersmann O., Antonov M. V. (ed.). Against Legal Neorealism. Regarding the Interpretation Dispute. *Rossiiskii ezhegodnik teorii prava = Russian yearbook of legal theory*, 2011, no. 4, pp. 218 — 272. (In Russian).

19. Rozova S. S. *Klassifikatsionnaya problema v sovremennoi nauke* [Classification problem in modern science]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1986. 223 p.

20. Slesarev A. V. *Spetsialno-yuridicheskoe tolkovanie norm grazhdanskogo prava. Avtoref. Kand. Diss.* [Special Legal Interpretation of the Norms of Civil Law. Cand. Diss. Thesis]. Moscow, 2003. 30 p.

21. Sotsuro L. V. *Tolkovanie norm prava: teoriya i praktika* [Unofficial interpretation of norms of law: Theory and practice]. Samara Law Institute Publ., 2001. 121 p.

22. Sumenkov S. Yu. Synthesis of Rules and Exceptions as the Basis of Legal Communication. *Pravovaya kommunikatsiya gosudarstva i obshchestva: otechestvennyi i zarubezhnyi opyt. Trudy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Voronezh, 11–12 sentyabrya 2020* [Legal Communication of the State and Society: Domestic and Foreign Experience. Materials of International Research Conference, Voronezh, 11 – 12 September 2020]. Voronezh, Nauka-Yunipress, 2020, pp. 192 – 197. (In Russian).

23. Syrykh V. M. *Podgotovka dissertatsii po yuridicheskim naukam* [Preparation of Dissertations in Legal Sciences]. Moscow, Russian State University of Justice Publ., 2012. 499 p.

24. Trubetskoi E. N. *Lektsii po ehntsiklopedii prava* [Lectures on the Encyclopedia of Law]. Moscow, A. I. Mamontov Publ., 1917. 227 p.

25. Fatkullin F. N. *Problemy teorii gosudarstva i prava* [Problems of theory of state and law]. Kazan State University Publ., 1987. 334 p.

26. Cherdantsev A. F. *Tolkovanie prava i dogovora* [Interpretation of law and contract]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., 2003. 381 p.

27. Batley S. *Classification in Theory and Practice*. 2nd ed. Oxford, Chandos Publ., 2014. 181 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дудко Георгий Николаевич (Саратов) — адвокат, управляющий партнер бюро «Дудко и партнеры», аспирант кафедры теории государства и права Саратовской государственной юридической академии (410056, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104/3, e-mail: lexpracticegd@gmail.com).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Dudko, Georgy N. (Saratov) — Lawyer, Managing Partner of the Law firm «Dudko&Partners», Postgraduate Student of the Theory of State and Law Department. Saratov State Law Academy (104/3 Chernyshevsky St., Russia, Saratov, 410056, e-mail: lexpracticegd@gmail.com).

УДК 347.451.03

Б. А. Ревнов

*Юридический институт (Санкт-Петербург),
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: 0000-0001-6668-6760
ResearcherID: GXG-4571-2022*

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ПРОВЕРКИ ДОСТОВЕРНОСТИ ИНФОРМАЦИИ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМОЙ УЧАСТНИКАМИ ЗАКУПОК ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ЭЛЕКТРОННОГО КОНКУРСА

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 1. — С. 26 — 34.

ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.3.

Дата поступления 18.10.2023, дата принятия к печати 17.03.2024,
дата онлайн-размещения 30.03.2024.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается обязанность комиссии по осуществлению закупок, выступающей в качестве одного из основных коллективных субъектов со стороны заказчика, проверять достоверность сведений, содержащихся в составе заявки в целях борьбы с потенциальными злоупотреблениями участников закупки. Анализируется закрепление названных обязанностей в законе, в том числе в общих нормах, как устанавливающих принцип обеспечения конкуренции, так и конституционный запрет на недобросовестную конкуренцию. Рассматриваются механизмы по проверке достоверности отдельных сведений в составе заявки на участие в торгах. Предпринимается попытка дифференцировать права комиссии и ее обязанности в этом аспекте. Исследуются некоторые трудности, делающие объективно невозможным проверку достоверности всех сведений, имеющихся в составе заявки. Изучаются некоторые вопросы привлечения к административной ответственности за неисполнение обязанности по проверке достоверности сведений, фактически выраженной в неправомерном допуске к участию в торгах, либо, наоборот, уклонении от такого участия. На уровне постановки проблемы обрисовывается одно из несовершенств законодательного регулирования, выраженного в отсутствии эффективного механизма, который должен позволять комиссиям по осуществлению закупок контролировать достоверность абсолютно всех сведений, предоставляемых в составе заявки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Комиссия по осуществлению закупок; оценка заявок; принцип добросовестной конкуренции; обязанности комиссии по осуществлению закупок; проверка достоверности сведений конкурсной заявки; контрактная система; оценка заявок; электронный конкурс; добросовестность участников закупок.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Ревнов Б. А. О некоторых вопросах проверки достоверности информации, предоставляемой участниками закупок при проведении электронного конкурса // Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 1. — С. 26 — 34. — DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.3.

ON CERTAIN ISSUES OF VALIDATION OF INFORMATION PROVIDED BY PROCUREMENT PARTICIPANTS IN THE ELECTRONIC TENDER

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2024, no. 1, pp. 26 – 34.

ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.3.

Received 18.10.2023, accepted 17.03.2024, available online 30.03.2024.

ABSTRACT

The article discusses the responsibilities of the procurement commission, acting as one of the main collective entities on the part of the customer, to verify the accuracy of the information contained in the application to combat potential abuse of the participants in the procurement. The article discusses the responsibilities of the procurement commission, as one of the main collective entities on the part of the customer, designed to combat potential abuses of procurement participants, to verify the accuracy of the information contained in the application. The consolidation of these responsibilities in the law is analyzed, including in general rules that both establish the principle of ensuring competition and the constitutional prohibition of unfair competition, some existing mechanisms for verifying the accuracy of certain information available as part of an application for participation in tenders are considered, and an attempt is made to differentiate the rights of the said commission from its responsibilities in this aspect. It also examines some of the difficulties that make it objectively impossible to verify the accuracy of all information contained in the application. Some issues of bringing to administrative responsibility for failure to fulfill the obligation to verify the accuracy of information, actually expressed in unlawful admission to participation in auctions, or, conversely, refusal from such participation, are being studied. At the level of problem formulation, one of the imperfections of legislative regulation is outlined, expressed in the absence of an effective mechanism that should allow procurement commissions to control the accuracy of all information provided as part of the application.

KEYWORDS

Procurement commission; evaluation of applications the principle of fair competition; duties of the procurement commission; verification of the reliability of information in a competitive application; contract system; evaluation of applications; electronic competition; integrity of procurement participants.

FOR CITATION

Revnov B. A. On Certain Issues of Validation of Information Provided by Procurement Participants in the Electronic Tender. *Prologue: Law Journal*, 2024, no. 1, pp. 26 – 34. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.3.

Конституция Российской Федерации провозглашает свободу экономической деятельности как одну из основ конституционного строя¹. Принципом экономической свободы предопределены правомочия, составляющие содержание конституционно гарантируемого права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, реализуя которое граждане могут выбирать сферу этой деятельности и осуществлять ее индивидуально либо совместно с другими лицами, пользуясь конституционными гарантиями права собственности и поддержки государством добросовестной конкуренции [7, с. 98 – 102] (статьи 8, 34 и 35 Конституции Российской Федерации)².

Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» регулирует отношения, направленные на обеспечение публичных нужд в целях повышения результативности закупок товаров, работ, услуг — что перекликается с одним из принципов функционирования контрактной системы³, — обеспечения гласности и прозрачности таких закупок, предотвращения коррупции и других злоупотреблений в этой сфере⁴. При этом названный Федеральный закон среди прочего в числе базовых принципов, лежащих в основе контрактной системы, также устанавливает принципы обеспечения конкуренции⁵, открытости и прозрачности⁶, профессионализма заказчика⁷, принцип ответственности⁸ за эффективность осуществления

закупок и результативность обеспечения публичных нужд [6, с. 47 – 53].

Данное общее регулирование, направленное в том числе на обеспечение добросовестной конкуренции и недопущение злоупотреблений не может предполагать возможность допустимости представлений участниками закупок каких-либо недостоверных сведений, так как иное с очевидностью не согласуется ни с названными конституционными положениями, ни с принципами контрактной системы.

Осуществление закупки для публичных нужд — процесс, предполагающий несколько этапов, одним из которых является процесс определения поставщика (исполнителя, подрядчика)⁹, который возможно осуществить несколькими способами, предусмотренными указанным Федеральным законом. При этом во всех конкурентных способах обеспечения поставщика (конкурс, аукцион, запрос котировок) и в некоторых случаях — в неконкурентном¹⁰ (у единственного поставщика в электронной форме с использованием электронной площадки¹¹, «малая электронная закупка»), предусмотрена необходимость участия в закупке подавать заявку на участие в закупке, минимально необходимый состав документов которой также регламентирован. Чтобы не перегружать статью анализом и регулярными оговорками о малой электронной закупке [1, с. 49], как о весьма специфическом способе определения поставщика, дальнейший анализ указанной проблематики будет рассматривать только открытые (то есть проводимые в электронной форме¹²) конкурентные способы определения поставщика.

С учетом указанных выше общих, ориентирующих положений Конституции Российской Федерации и специализированного Федерального закона однозначно представляется, что сведения, информация, документы, которые участники закупки подают в составе заявки, равно как и сама заявка, безоговорочно должны являться достоверными, не могут содержать ложную информацию, а, если и содержат (что было выявлено и установлено), то участник закупки, подавший такую заявку во всяком случае должен претерпеть обычные, негативные последствия. Хотя бы потому, что он с очевидностью не действовал добросовестно, а, возможно, и допустил сознательные злоупотребления.

¹ См.: ст. 8 (ч. 1) Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). Официальный текст Конституции Российской Федерации с внесенными поправками от 14 марта 2020 г. опубликован на официальном интернет-портале правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013> (дата обращения: 7.12.2023).

² См.: п. 2 мотивировочной части Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 19 октября 2021 г. № 2134-О. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision565985.pdf> (дата обращения: 7.12.2023).

³ См.: ст. 6, 12 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 14. Ст. 1652).

⁴ Там же. Ч. 1 ст. 1.

⁵ Там же. Ст. 8.

⁶ Там же. Ст. 7.

⁷ Там же. Ст. 9.

⁸ Там же. Ст. 12.

⁹ См.: п. 2 и 3 ч. 1 ст. 3 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ.

¹⁰ Там же. Ч. 1 – 3 ст. 24.

¹¹ Там же. Ч. 12 ст. 93.

¹² Там же. Ч. 1 ст. 24.

Главным коллективным субъектом со стороны заказчика, призванным бороться с потенциальными злоупотреблениями участников закупки (призванными, надо полагать, обеспечить последним необоснованные конкурентные преимущества, призванные помочь победить, иначе для чего ж они вообще нужны?), является комиссия по осуществлению закупок. Она представляет собой подразделение заказчика, которое, как правило, работает на постоянной основе (всё-таки обычно у заказчика существует постоянная, периодическая необходимость в проведении каких-либо закупок), имеет в своем составе председателя, формируется заблаговременно до проведения закупки. Главными функциями комиссии по осуществлению закупок являются: разрешение вопроса о допуске либо недопуске участников закупки собственно к процедуре и определение победителя (не забыв при этом ранжировать оставшихся участников закупки), то есть того, с кем в итоге будет заключен контракт¹³.

Как разрешает названная комиссия вопросы о допуске участников закупки? Что проверяет? Во-первых, соответствие участников установленным законом требованиям¹⁴ к этим участникам. Перечень требований установлен законодательно. В некоторых случаях, помимо основных, предъявляются и дополнительные требования.

В том случае, если выявляется, что участник закупки предъявляемым требованиям не соответствует, в том числе если такой участник по любой причине представил недостоверную информацию о себе, дабы установленным требованиям соответствовать, его участие в процедуре определения поставщика (исполнителя, подрядчика) прекращается: на любом этапе до заключения контракта такой участник от процедуры отстраняется, если же подобные факты выясняются уже, когда выявлен победитель — заказчик отказывается в заключении с ним контракта¹⁵.

Вместе с тем, комиссия по осуществлению закупок объективно лишена возможности проверить соответствие участника закупки всем предъявляемым к нему единым требованиям, да и сам этот процесс, как представляется, не лишен недостатков [2, с. 27 — 35; 8, с. 32 — 35; 9, с. 35 — 42]. Осознавая это, федеральный законодатель возложил обязанность на названную

комиссию проверять только¹⁶: а) соответствие участников закупки тем требованиям, которые нормативно установлены для субъектов, осуществляющих деятельность, необходимую для обеспечения публичных нужд (то есть, к примеру, если для осуществления какой-либо деятельности в Российской Федерации требуется лицензия, допуск саморегулируемой организации, аккредитация, и эту деятельность необходимо осуществить в целях обеспечения публичных нужд, естественно, соответствующий «подтверждающий» документ должен быть в составе заявки, и комиссия по осуществлению закупок должна проверить его подлинность)¹⁷; б) отсутствие факта привлечения к административной ответственности за незаконное вознаграждение от имени юридического лица¹⁸ в течение 2-х лет до момента подачи заявки на участие в соответствующей процедуре¹⁹; в) отсутствие регистрации участника в качестве офшорной компании или аффилированность с такой компанией²⁰; г) отсутствие у участника статуса иноагента²¹; д) отсутствие сведений об участнике в реестре недобросовестных поставщиков (за исключением, конечно, тех случаев, когда заказчик решил не пользоваться своим правом это требование не устанавливать)²². Это единые, «основные», «общие» требования к участникам, которые проверяет комиссия по осуществлению закупок.

Названная информация может быть проверена в соответствующих государственных информационных реестрах: реестре недобросовестных поставщиков²³ — в единой информационной системе²⁴ в сфере закупок на сайте <https://zakupki.gov.ru/> (ведётся Федеральной антимонопольной службой), реестре иностранных агентов²⁵ на сайте <https://minjust.gov.ru/>, который ведёт Министерство юсти-

¹⁶ См.: ч. 8 ст. 31 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ.

¹⁷ Там же. П. 1 ч. 1 ст. 31.

¹⁸ См.: ст. 19.28 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1, ч. 1. Ст. 1).

¹⁹ См.: п. 7.1 ч. 1 ст. 31 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ.

²⁰ Там же. П. 10 ч. 1 ст. 31.

²¹ Там же. П. 10.1 ч. 1 ст. 31.

²² Там же. Ч. 1.1 ст. 31.

²³ Там же. Ст. 104.

²⁴ Там же. П. 7 ч. 3 ст. 4.

²⁵ См.: ст. 5 Федерального закона от 14 июля 2022 г. № 255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» (Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 29, ч. II. Ст. 5222).

¹³ См.: ст. 39 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ.

¹⁴ Там же. Ст. 31.

¹⁵ Там же. Ч. 9 ст. 31.

ции Российской Федерации, информация о привлечении к ответственности юридических лиц за незаконное вознаграждение от их имени также содержится в единой информационной системе²⁶, а список государств — офшоров является, с одной стороны, открытой информацией, с другой — продублирован в Перечне государств и территорий, предоставляющих льготный налоговый режим налогообложения и (или) не предусматривающих раскрытия и предоставления информации при проведении финансовых операций (офшорные зоны)²⁷.

Таким образом, работа комиссии по проверке участников закупки на соответствие названным установленным требованиям тождественна установлению достоверности этих единых требований.

На комиссию по осуществлению закупок также возложена обязанность²⁸ и по проверке дополнительных требований, установленных Правительством Российской Федерации, которые применяются при осуществлении отдельных видов закупок²⁹, однако и здесь предусмотрен соответствующий механизм проверки: если субъект хочет участвовать в закупках, при осуществлении которых требуется соответствие дополнительным требованиям, то необходимые, подтверждающие такое соответствие документы, направляются оператору электронной площадки при регистрации в качестве участника закупки³⁰. В случае, если

дополнительные требования заказчиком установлены, а потенциальный участник закупки не представил при регистрации на электронную площадку документы, подтверждающие соответствие указанным требованиям, его заявка будет возвращена оператором электронной площадки³¹, фактически выполняющим обязанность, возложенную на комиссию по осуществлению закупок.

Последняя из обязанностей комиссии по осуществлению закупок по проверке участников закупки заключается в контроле (в определенных случаях) наличия у последних универсальной предквалификации³² [10, с. 24 – 25]. Здесь тоже всё просто: она подтверждается наличием исполненных контрактов либо договоров, заключенных с заказчиками, у которых есть собственное положение о закупках³³ на общую сумму не менее 20% от начальной (максимальной) цены контракта³⁴. Реестр и тех, и других также имеется в единой информационной системе, что делает весьма простой проверку достоверности представленных сведений.

Вместе с тем, есть требования к участникам, которые комиссия по осуществлению закупок проверить объективно не может. Речь идет, например, о соответствии таким требованиям, как отсутствие у участника закупки (либо у ряда работников юридического лица) судимости за определенные преступления³⁵ [4, с. 32 – 42]: уполномоченные органы Министерства внутренних дел Российской Федерации не обладают полномочиями³⁶ по предоставлению соответствующих сведений о судимости по запросу названных комиссий (то есть на данном примере можно предположить, что проверка достоверности информации, не находящейся в общем доступе, в обязанность комиссии по осуществлению закупок на данном этапе не вменена). Или, к примеру, проверить достоверность декларации об отсутствии конфликта интересов

²⁶ См.: Информация о привлечении участника закупки к административной ответственности по статье 19.28 КоАП Российской Федерации // Официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок. URL: <https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/document/view.html?searchString=§ionId=2369&strictEqual=false> (дата обращения: 7.12.2023).

²⁷ См.: Перечень государств и территорий, предоставляющих льготный налоговый режим налогообложения и (или) не предусматривающих раскрытия и предоставления информации при проведении финансовых операций (офшорные зоны) (утв. Приказом Минфина России от 5 июня 2023 г. № 86н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202306150015> (дата обращения: 7.12.2023).

²⁸ См.: ч. 8 ст. 31 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ.

²⁹ См.: Приложение к постановлению Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2021 г. № 2571 «О требованиях к участникам закупки товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений актов Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 2. Ст. 524.

³⁰ См.: ч. 12 ст. 24.2 Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ.

³¹ Там же. Пп. «и» п. 5 ч. 6 ст. 43.

³² Там же. Ч. 2.1 ст. 31.

³³ Там же. Ст. 15.

³⁴ Там же. Ст. 22.

³⁵ Там же. П. 7 ч. 1 ст. 31.

³⁶ См.: п. 2 Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче справок о наличии (отсутствии) судимости и (или) факта уголовного преследования либо о прекращении уголовного преследования, утвержденного Приказом МВД России от 27 сентября 2019 г. № 660. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202001300045> (дата обращения: 7.12.2023).

между заказчиком и участником закупки³⁷ на данном этапе (да и не только на данном) также не представляется возможным [3, с. 35–37], хотя бы ввиду отсутствия централизованного учета такого рода сведений — что не означает признания необходимости или целесообразности осуществлять централизованно учёт такого рода сведений.

На первый взгляд, поэтому проверка данных требований к участникам является правом, а не обязанностью названной комиссии. Вместе с тем, законодательно установлен иной механизм реагирования в случае, если несоответствие подобным сведениям будет выявлено позднее. В частности, при выявлении уже в ходе исполнения контракта предоставления недостоверных сведений о соответствии требованиям к участникам закупки победителя, к примеру, конкурса, на заказчика возложена безальтернативная обязанность принять решение об одностороннем отказе от исполнения контракта³⁸. Таким образом, совершивший подлог участник закупки, хотя бы и ставший победителем, получает справедливое возмездие, комиссия же по осуществлению закупки где обязана — вполне себе объективно может проверить достоверность сведений, а где объективная возможность (да и механизм) подобной верификации отсутствуют — там обязанность превращено в право.

Насколько, в принципе, возможно установление единых, ординарных, адекватных, соразмерных и эффективных механизмов по проверке достоверности тех требований к участникам закупки, проверять достоверность которых комиссия по осуществлению закупки вправе, а не обязана — вопрос открытый, требующий отдельного исследования, но, по крайней мере, есть эффективный механизм реагирования на тот случай, если недостоверность любым путём будет выявлена. Вопросы экономической целесообразности безальтернативного расторжения контракта в таких случаях также выведем за скобки исследования и оставим без ответа весьма непростой вопрос о том, что важнее: торжество уже невозможного в данном конкретном случае принципа обеспечения свободной конкуренции или всё же скорейшая реализация заказчиком своей прямой функции (любой), ведь закупка проведена не просто так, а ради обеспечения публичных нужд. Разрыв же контракта на любой стадии его исполнения

(с последующим перезаключением, с использованием любого из доступных механизмов) всегда влечёт увеличение времени, требуемого для итоговых поставок товаров, выполнения работ или оказания услуг.

Но, к сожалению, не всё так радужно в вопросе исполнения обязательств по проверке достоверности членами комиссий по обеспечению закупок, как кажется на первый взгляд.

Как уже говорилось ранее, вторая важнейшая функция комиссии по осуществлению закупок — это оценка, ранжирование заявок тех участников закупки, которые признаны соответствующими установленным требованиям. Однако прежде чем перейти к ранжированию заявок, необходимо определиться с тем, насколько информация в составе данных заявок соответствует тому, что требуется заказчику. Более того, на практике, в ходе проведения электронного конкурса процесс проверки сведений, указанных в заявке, начинается раньше, чем процесс проверки собственно участников закупки, так как в первой части конкурсной заявки³⁹ не содержатся сведения, позволяющие комиссии по осуществлению закупок идентифицировать, деанонимизировать участника закупки.

И хотя на практике подобный процесс не отделим от проверки участников закупки на соответствие их установленным единым требованиям, тем не менее — это различные этапы деятельности комиссии по осуществлению закупок, так как в одном случае проверяется, соответствует ли требованиям сам субъект, который хочет что-то возмездно предложить для осуществления публичных нужд, безотносительно того, что он предлагает, а в другом речь идет о допустимости предлагаемой таким субъектом услуге, работе или товаре, о соответствии того, что он хочет предложить описанию объекта закупки, то есть то, что он указал в составе заявки.

Теоретически и в этом документе могут закрасться недостоверные сведения. В противодействие этому работает общее правило об обязанности одностороннего отказа заказчика от исполнения контракта при выявлении факта предоставления победителем процедуры недостоверной информации о соответствии поставляемого товара требованиям извещения о закупке⁴⁰. При этом при прове-

³⁷ См.: п. 9 ч. 1 ст. 31 Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ.

³⁸ Там же. Пп. «б» п. 1 ч. 15 ст. 95.

³⁹ См.: ч. 2 ст. 48 Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ.

⁴⁰ См.: пп. «б» п. 1 ч. 15 ст. 95 Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ.

дени электронного конкурса присутствуют специальные нормы, требующие отклонения заявки участника при выявлении недостоверных сведений отдельно в первой части заявки⁴¹, либо уже после рассмотрения первых частей заявки — в оставшейся её части⁴².

При этом этап оценки заявок как таковой, по общему правилу, не предполагает их отклонения. Оценка заявок может осуществляться по нескольким критериям⁴³ (от двух до четырёх, причем один из критериев должен быть стоимостным), при проведении конкурса⁴⁴, либо по одному критерию — цена контракта, если проводятся такие способы определения поставщика как запрос котировок или аукцион⁴⁵.

Возникает вопрос: что делать комиссии при обнаружении недостоверных сведений в документах, подтверждающих критерии оценки заявок на участие в конкурсе? С одной стороны, если документы, подтверждающие какой-либо из критериев оценки в составе заявки, не соответствуют требованиям, предъявляемым к таким документам заказчиком, такой участник просто получает «0» баллов по соответствующему критерию, однако речь не идёт об отклонении такой заявки от участия в конкурсе. С другой стороны, если будет выявлен особый случай несоответствия документов, подтверждающий критерии оценки заявок, а именно — наличие в них недостоверных сведений, заявка такого участника подлежит отклонению, а не простому выставлению «0» баллов по соответствующему критерию. Соответственно, если предположить, что всё же имеются какие-либо недостоверные сведения в заявке на участие в конкурсе, а именно — в документах, подтверждающих установленные нестоимостные критерии оценки заявок, то разрешение вопроса о допуске к участию в конкурсе либо отклонении от участия в конкурсе зависит от того проверила ли и, если да, — то насколько тщательно проверила комиссия по осуществлению закупок достоверность соответствующих документов. Ситуацию обостряет наличие административной ответственности, которой подлежат все члены комиссии по осуществлению закупок как за допуск тех участников, которых допускать нельзя, так и за недопуск тех участников закупки, которые имели право на участие⁴⁶.

⁴¹ Там же. П. 3 ч. 5 ст. 48.

⁴² Там же. П. 8 ч. 12 ст. 48.

⁴³ Там же. Ч. 1 ст. 32.

⁴⁴ Там же. Пп. «б» п. 1 ч. 3 и п. «б» п. 1 ч. 11 ст. 48.

⁴⁵ Там же. Ч. 5 ст. 24.

⁴⁶ См.: ч. 2 ст. 7.30 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ.

Однако возникает вопрос о том, предусмотрена ли обязанность комиссии по осуществлению закупок проверять достоверность абсолютно всех документов, входящих в состав заявки, в частности, на участие в конкурсе? Закон устанавливает требование об отклонении заявки, если в ней обнаружены недостоверные сведения, но прямой, эксплицитно прописанной обязанности по проверке достоверности всех сведений, содержащихся, в частности, в заявке на участие в конкурсе, действующее законодательство не предусматривает: «рассмотреть и оценить» заявку (вторую её часть) неравно «проверить достоверность». Данная обязанность может быть выведена с использованием системного толкования конституционных положений и обозначенных в начале статьи принципов контрактной системы, однако с учетом наличия административной ответственности за, по сути, невыполнение обязанности, выводимой из общих норм, подобное регулирование точно не представляется лучшим из возможных.

Более того, с учетом тех нестоимостных критериев оценки заявок на участие в конкурсе, которые могут быть установлены и тех подтверждающих документов, которые соответствуют подобным критериям удостоверяют, у комиссии по осуществлению закупок в принципе не может быть эффективных правовых средств по проверке достоверности представленных документов.

Например, такой критерий, как «опыт работы» в заданной области может подтверждаться не только государственными контрактами, но и обычными гражданско-правовыми договорами [5, с. 18–33], единый реестр которых по понятным причинам не ведётся; «наличие необходимого оборудования» также может быть подтверждено документами, подлинность которых установить быстро (а то и в принципе) комиссии не представляется возможным. Указанные критерии оценки заявок схожи до степени смешения по сути, но не по правовой природе с дополнительными требованиями, установленными Правительством Российской Федерации, которые применяются при осуществлении отдельных видов закупок⁴⁷, однако в отличие от соответствия названным требованиям, у участника закупки отсутствует обязанность заблаговременно предоставить соответствующий пакет документов.

Представляется, что в данном случае имеет место быть законодательная лакуна,

⁴⁷ См.: Приложение к постановлению Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2021 г. № 2571.

выражающаяся как в отсутствии детально прописанной обязанности, возложенной на комиссию по осуществлению закупок, так и в отсутствии эффективных правовых методов, позволяющих указанную проверку осуществить.

Частично картину исправляют общие особенности привлечения к административной ответственности, которые всегда связаны с установлением события административного правонарушения, объективной стороны и виновности лица, в отношении которого ведётся производство по делу об административном правонарушении⁴⁸, из чего следует, что признание заявки на участие в конкурсе надлежащей, соответствующей требованиям конкурсной документации, хотя бы она и содержала недостоверные сведения, в условиях отсутствия как прямо, нормативно установленной обязанности, так и исчерпывающего числа эффективных механизмов проверки подлинности представляемых сведений, неравно «автоматическому» привлечению к административной ответственности: здесь есть над чем поразмыслить, что установить, с чем побороться, да и общие правила наличия обстоятельств, исключающих назначение административного наказания, вроде той же малозначительности⁴⁹, никто не отменял. Однако это не отменяет несовершенство законодательного регулирования, которое с очевидностью не создаёт в данном случае отлаженный, работающий механизм, в теории эффективно противостоящий злоупотреблениям.

Разрешить данную проблему возможно различными способами, но не простым законодательным возложением на комиссию по осуществлению закупок соответствующей дополнительной обязанности. Также неверным представляется и путь, связанный с введением дополнительных реестров, куда бы аккумулировались сведения, которые в перспективе возможно использовать в качестве подтверждающих соответствия нестоимостным критериям оценки заявок. Да и нормативно установленные двух- (пяти-) дневные сроки проверки заявок объективно не могут позволить осуще-

ствить проверку достоверности каких-либо сведений общими методами: банально, ответ ни на один запрос в уполномоченный орган не будет получен в столь сжатые сроки. За это время возможно только сопоставить сведения из заявок с теми сведениями, которые уже аккумулированы в соответствующих базах, реестрах, перечнях, классификаторах и т.п.

Соответственно, если речь не идёт о глобальном пересмотре общих правил проведения того же электронного конкурса, возможно, необходимо создать специальный механизм наступления негативных последствий для победителя, представившего недостоверные сведения, который бы действовал уже *post factum*, однако возникает вопрос о том, насколько он необходим, с учетом уже имеющейся, описанной выше возможности расторгнуть контракт?

Просто волевым решением освободить комиссию по осуществлению закупок от обязанности проверки достоверности части сведений, содержащихся в составе заявки, звучит абсурдно, и в много большей степени входит в конфликт с общими положениями упомянутыми принципами, чем нынешнее положение вещей и «размытость» обязанности.

С третьей стороны, подобная ситуация возникла не вчера и имеет давние корни. С учетом совокупной системы сдержек и противовесов исследованное регулирование позволяет обеспечивать цели функционирования контрактной системы в целом и проводить электронные конкурсы без неразрешимых проблем, в частности. Однако всё же представляется, что федеральный законодатель не лишён возможности существенно улучшить нормативное регулирование в этой области, дабы членам конкурсных комиссий по всей стране не приходилось регулярно ходить по тонкому льду под дамокловым мечем административной ответственности хотя бы в этой излучине дельты сложной и витиеватой нормативной реки под общим названием «контрактная система для обеспечения публичных нужд».

⁴⁸ См.: ст. 24.5, 26.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ.

⁴⁹ Там же. Ст. 2.9.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Балтутите И. В., Аппазов Д. А. Развитие системы государственных закупок в условиях внедрения цифровых технологий // *Цивилист*. – 2022. – № 1. – С. 48 – 51.
2. Воронова О. Н., Бука О. В. Офшорная компания в закупках: «допустить, нельзя отклонить» или «допустить нельзя, отклонить» // *Хозяйство и право*. – 2023. – № 7. – С. 27 – 35.
3. Громилов В. И. О некоторых проблемах механизма устранения конфликта интересов при осуществлении закупок // *Оборонно-промышленный комплекс: вопросы права*. – 2020. – № 6. – С. 35 – 37.
4. Гурин О. Требование об отсутствии у участников закупок ограничений, предусмотренных п. 7 ч. 1 ст. 31 Закона № 44-ФЗ // *Прогосзаказ.РФ*. – 2023. – № 5. – С. 32 – 42.
5. Гурин О., Полянский А. Оценка сопоставимого опыта участников закупки // *Прогосзаказ.РФ*. – 2019. – № 11. – С. 18 – 33.
6. Курц Н. А. Актуальные вопросы судебной практики по делам о признании недействительными государственных и муниципальных контрактов // *Вестник арбитражной практики*. – 2020. – № 6. – С. 47 – 53.
7. Николаева Т. А. Российская и зарубежная судебная практика по делам о свободе экономической деятельности (на примере налоговых споров) // *Современное право*. – 2016. – № 10. – С. 98 – 102.
8. Попов И. А. Установление требований к участникам закупок, не соответствующих нормам законодательства о закупках // *Оборонно-промышленный комплекс: вопросы права*. – 2019. – № 3. – С. 32 – 35.
9. Тасалов Ф. А. Унификация требований к участникам закупки: зарубежный и российский опыт. I часть // *Право и экономика*. – 2018. – № 7. – С. 35 – 42.
10. Хидиров Г., Гурин О. Как изменились дополнительные требования к участникам закупок с 1 января 2022 года // *Прогосзаказ.РФ*. – 2022. – № 2. – С. 6 – 25.

REFERENCES

1. Baltutite I. V., Appazov D. A. Development of the public procurement system in the context of implementation of digital technologies. *Tsivilist = Civil Lawyer*, 2022, no. 1, pp. 48 – 51. (In Russian).
2. Voronova O. N., Buka O. V. An offshore company in procurements. *Khozyaistvo i pravo = Economy and Law*, 2023, no. 7, pp. 27 – 35. (In Russian).
3. Gromilov V. I. Some Problems with the Mechanism for Resolving Conflicts of Interest in Procurement. *Oboronno-promyshlennyy kompleks: voprosy prava = Defence and industry: legal issues*, 2020, no. 6, pp. 35 – 37. (In Russian).
4. Gurin O. The Requirement That Procurement Participants Have No Restrictions Provided for in Clause 7, Part 1, Article 31 of Law No. 44-FZ. *Progoszakaz.RF*, 2023, no. 5, pp. 32 – 42. (In Russian).
5. Gurin O., Polyanskii A. Assessment of Comparative Experience of Procurement Participants. *Progoszakaz.RF*, 2019, no. 11, pp. 18 – 33. (In Russian).
6. Kurts N. A. Current issues of jurisprudence in cases on invaliding government and municipal contracts. *Vestnik arbitrazhnoy praktiki*, 2020, no. 6, pp. 47 – 53. (In Russian).
7. Nikolaeva T. A. Russian and Foreign Judicial Practice in Cases of Freedom of Economic Activity (On the Example of Tax Disputes). *Sovremennoe pravo = Modern law*, 2016, no. 10, pp. 98 – 102. (In Russian).
8. Popov I. A. Establishment of Requirements for Procurers not in Accordance with Procurement Law. *Oboronno-promyshlennyy kompleks: voprosy prava = Defence and industry: legal issues*, 2019, no. 3, pp. 32 – 35. (In Russian).
9. Tasalov Fh. A. Unification of requirements for bidders: foreign and russian experience. Part 1. *Pravo i ekonomika = Law and Economics*, 2018, no. 7, pp. 35 – 42. (In Russian).
10. Khidirov G., Gurin O. How the Additional Requirements for the Bidders Changed from January 1, 2022. *Progoszakaz.RF*, 2022, no. 2, pp. 6 – 25. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ревнов Борис Александрович (Санкт-Петербург) – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Юридического института (Санкт-Петербург) (199106, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, 3, e-mail: akziz07@yandex.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Revnov, Boris A. (St. Petersburg) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Professor of the Constitutional and Administrative Law Department, The Institute of Law (St. Petersburg) (3 Gavanskaya St., St. Petersburg, 199106, Russia, e-mail: akziz07@yandex.ru).

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 347.73:321.011

Е. Л. Васянина

*Институт государства и права
Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-6128-2668
ResearcherID: GRY-5402-2022*

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ФИНАНСОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ПЕРЕМЕН

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 1. — С. 35 — 42.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.4.
Дата поступления 14.09.2023, дата принятия к печати 17.03.2024,
дата онлайн-размещения 30.03.2024.

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются вопросы формирования современной правовой модели финансовых отношений, направленной на укрепление финансового суверенитета государства. На основе анализа финансового законодательства, правоприменительной практики и правовой доктрины автор приходит к выводу о необходимости создания правовых условий для усиления координации действий Банка России и Правительства Российской Федерации в денежно-кредитной сфере. По мнению автора, правовое регулирование отношений, складывающихся в области функционирования финансовой системы, должно основываться на интегративной модели строения права, обеспечивающей конвергенцию частноправовых и публично-правовых методов регулирования. Применение общелогических методов исследования, в том числе анализа и синтеза, формально-юридического и сравнительно-правового метода позволили прийти к следующим выводам. 1. Формирование современной модели финансово-правового регулирования, обеспечивающей укрепление финансового суверенитета Российской Федерации, должно основываться на проведении административной реформы, создающей условия для интеграции Банка России с задачами Правительства Российской Федерации по достижению целей устойчивого экономического развития государства. 2. Баланс между задачами Правительства Российской Федерации по достижению целей экономического развития и целями инфляционного таргетирования, осуществляемого Банком России, может быть найден посредством проведения работы по гармонизации двух начал управления финансово-кредитным механизмом: инструментов денежно-кредитной и бюджетной политики. 3. В целях создания правовой модели денежного обращения, препятствующей выводу капитала и легализации доходов, полученных преступным путем, необходимо провести работу по гармонизации частноправовых и публично-правовых методов регулирования финансовых отношений. Это создаст основу для интеграции правового инструментария, регулирующего оборот денежных средств, охватываемых в настоящий период времени разными правовыми режимами.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Финансовое право; финансовый суверенитет; денежно-кредитный механизм; финансирование; отрасль права; регулятивный комплекс; Банк России.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Васянина Е. Л. Правовое обеспечение финансового суверенитета Российской Федерации в эпоху глобальных перемен // Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 1. — С. 35–42. — DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.4.

UDC 347.73:321.011

E. L. Vasyanina
*Institute of State and Law of the Russian
Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-6128-2668
ResearcherID: GRY-5402-2022*

LEGAL SUPPORT FOR THE FINANCIAL SOVEREIGNTY OF THE RUSSIAN FEDERATION IN THE ERA OF GLOBAL CHANGE

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2024, no. 1, pp. 35 – 42.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.4.
Received 14.09.2023, accepted 17.03.2024, available online 30.03.202.

ABSTRACT

The article examines the issues of the formation of a modern legal model of financial relations aimed at strengthening the financial sovereignty of the state. Based on the analysis of financial legislation, law enforcement practice and legal doctrine, the author comes to the conclusion that it is necessary to carry out administrative reform aimed at integrating the Bank of Russia with the tasks of the Government of the Russian Federation to achieve the goals of sustainable economic development of the state. According to the author, the relations developing in the sphere of functioning of the financial system do not fit into the sectoral model of law. The use of general logical research methods, including analysis and synthesis, formal legal and comparative legal methods allowed the author to come to the following conclusions. 1. The formation of a modern model of financial and legal regulation, ensuring the strengthening of the financial sovereignty of the Russian Federation, should be based on administrative reform that creates conditions for the integration of the Bank of Russia with the tasks of the Government of the Russian Federation to achieve the goals of sustainable economic development of the state. 2. A balance between the tasks of the Government of the Russian Federation to achieve economic development goals and the goals of inflation targeting carried out by the Bank of Russia can be found through work to harmonize monetary and fiscal policy instruments – these two principles of managing the financial and credit mechanism. 3. In order to create a legal model of monetary circulation that prevents the withdrawal of capital and the legalization of proceeds from crime, it is necessary to carry out work to harmonize private law and public law methods of regulating financial relations. This will create the basis for the integration of legal instruments regulating the circulation of funds currently covered by different legal regimes.

KEYWORDS

Financial law; financial sovereignty; monetary mechanism; financing; branch of law; regulatory complex; Bank of Russia.

FOR CITATION

Vasyanina E. L. Legal Support for the Financial Sovereignty of the Russian Federation in the Era of Global Change. *Prologue: Law Journal*, 2024, no. 1, pp. 35 – 42. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.4.

В условиях структурных преобразований экономики возникла потребность в разработке юридических конструкций, обеспечивающих укрепление [финансового] суверенитета государства, являющегося «...гарантией свободы»¹, который «...нужно непременно защищать и не отступать под внешним давлением»².

Финансовый суверенитет Российской Федерации может быть укреплен, с одной стороны, посредством правового инструментария, обеспечивающего независимость финансовой системы государства от международных платежных систем, мировой резервной валюты, бесконтрольной деятельности транснациональных корпораций, рассматриваемых в качестве неокOLONIALНЫХ инструментов³. А с другой стороны, с помощью правовых средств, позволяющих усилить координацию действий органов управления денежно-кредитным механизмом государства и обеспечить гармонизацию инструментов денежно-кредитной и бюджетной политики.

В эпоху глобальных перемен, связанных с формированием многополярной системы внешнеэкономических отношений, на международном и внутригосударственном уровнях предлагаются разные направления развития и правовые инструменты, призванные обеспечить бесперебойное осуществление трансграничных расчетов, а также независимость денежно-кредитного механизма государства от влияния глобальной финансовой архитектуры, основанной на доминировании доллара.

В условиях геополитической напряженности, сопровождающейся отсутствием доверия между банками разных государств, Банк международных расчетов в докладе «Мосты доверия и потоки денег» обосновывает необходимость создания глобальной расчетной палаты, обеспечивающей функционирование глобальной платформы трансграничных пере-

водов в цифровой валюте, которая будет работать независимо от политики иностранных банков и корреспондентских счетов [17].

Оправданным и обоснованным в целях укрепления финансового суверенитета государства представляется обозначенный Президентом Российской Федерации на Саммите Россия – Африка переход на расчеты в национальных валютах с подключением банковских учреждений государств-партнеров к созданной в России системе передачи финансовых сообщений, позволяющих осуществлять трансграничные платежи независимо от ограничений со стороны западных систем [6]. Независимость от международных платежных систем в совокупности с иными инструментами обеспечения самостоятельности денежно-кредитной системы государства положительно скажется на укреплении финансового суверенитета России.

Направлены на укрепление финансовой самостоятельности государства и подготовленные депутатами Государственной Думы Федерального Собрания РФ законопроекты (проект Федерального закона № 254889-8⁴ и проект Федерального закона № 409472-8⁵) о выходе Российской Федерации из Международного валютного фонда (МВФ). Подход, изложенный депутатами Государственной Думы Федерального Собрания РФ в пояснительных записках к указанным законопроектам, представляется оправданным, поскольку МВФ выполняет задачи «поставщика глобальной ликвидности» [15], в роли которого выступают США, предпринимающие усилия по ограничению финансовой самостоятельности России.

Однако для укрепления финансового суверенитета Российской Федерации недостаточно признать утратившим силу Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 22 декабря 1992 г. № 2215-1 «О вступлении в Международный валютный фонд и Международный банк реконструкции и развития и Международную ассоциацию развития». Очевидно, что назрела необходимость в создании правовых условий для усиления

¹ Выступление В. Путина на торжественном концерте, посвященном 1160-летию зарождения российской государственности. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69397>.

² Выступление В. Путина на Саммите Россия – Африка. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/71826>.

³ Косачев: право на компенсации за колониальные времена надо ввести в международное право. URL: <https://tass.ru/politika/18384321>.

⁴ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/254889-8?ysclid=lu22u38y2o622814880>.

⁵ URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/409472-8?ysclid=lu22vjq21w841147670>.

координации действий Банка России и Правительства РФ в финансово-кредитной сфере.

В соответствии с Конституцией, Центральный банк Российской Федерации (далее также — ЦБ РФ, Банк России) обеспечивает устойчивость курса национальной валюты, а согласно «Основным направлениям единой государственной денежно-кредитной политики» ключевыми задачами Банка России являются обеспечение ценовой стабильности и защита доходов граждан от значимого и непредсказуемого обесценивания. Поскольку целью денежно-кредитной политики является «...предложение такого объема денежной массы, которого необходимо и достаточно для стабильного экономического развития государства» [10, с. 116 — 123], применяемые Банком России инструменты должны быть сопряжены с правовыми средствами эмиссии бюджетного рубля. Отсутствие эффективно-го взаимодействия инструментов денежно-кредитной и бюджетной политики приводит к тому, что увеличение ключевой ставки, к которому периодически прибегает ЦБ РФ, далеко не всегда позволяет обеспечить ценовую стабильность, а значит — и устойчивость курса национальной валюты. Это можно продемонстрировать на примере влияния размера ключевой ставки, устанавливаемой Банком России, на объемы бюджетного финансирования. Увеличение ключевой ставки «...вызывает рост процентов под кредиты и спад экономической активности» [8, с. 217], что приводит к увеличению объемов субсидирования, докапитализации за счет бюджетных средств фондов развития промышленности и т.д. и, как следствие, — к увеличению государственного долга. В свою очередь, «... нарастание государственного долга и непогашаемых государственных займов влечет за собой экономические последствия в виде роста цен» [9, с. 97 — 114], вызывающего обесценивание денег.

С юридической точки зрения, несогласованность применяемых Банком России и Правительством РФ инструментов регулирования денежно-кредитной сферы вызвана не столько отсутствием конкретизации в Федеральном законе «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»⁶ форм и способов взаимодействия ЦБ РФ и Правительства РФ, сколько неразработанностью юридических конструкций, обеспечивающих баланс денежно-кредитной политики и эконо-

мического роста на фоне монопольной власти мегарегулятора в сфере управления финансовой системой.

С учетом подходов, выработанных в экономической науке, можно констатировать, что обозначенная проблема является следствием оторванности денежно-кредитной политики от других видов политики, включая развитие финансовых рынков, международных платежей и финансовой стабильности [12]. В результате, применяемый Банком России режим процентной политики выступает ограничителем роста в большинстве отраслей экономики [3].

Учитывая изложенное, совершенствование правового регулирования денежно-кредитной системы целесообразно осуществлять посредством проведения работы по гармонизации инструментов денежно-кредитной и бюджетной политики — этих двух начал управления финансово-кредитным механизмом государства. Это позволит создать необходимую правовую основу для проведения административной реформы в части изменения правового статуса Банка России, которая обеспечит не только его интеграцию с задачами Правительства Российской Федерации по достижению целей устойчивого экономического развития государства, но и ограничит влияние на финансовую систему России МВФ, выступающего проводником финансовой политики коллективного Запада.

Идея о проведении административной реформы, цель которой заключается в подчинении Банка России Правительству РФ или федеральному министерству, не является новой. Учитывая тот факт, что «... банк имеет свой резерв вне финансовой системы для осуществления денежной эмиссии, а бюджет использует резерв в пределах финансовой системы» [5, с. 66], в целях обеспечения соотношения ресурсов банка и бюджета в советскую эпоху Госбанк СССР находился в подчинении Минфина или Правительства⁷.

Анализ современного законодательства позволяет констатировать, что что в Российской Федерации уже созданы предпосылки для проведения подобной административной реформы. Об этом свидетельствуют положения Конституции РФ и Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации», согласно которым Правительство РФ обеспечивает проведение единой финансовой и денежно-кредитной политики.

⁶ О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) : Федер. закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 28. Ст. 2790.

⁷ См.: О Госбанке СССР : Постановление Совета министров СССР от 22 мая 1946 г. № 1078 // СПС «КонсультантПлюс».

Более того, в отдельных случаях Правительство РФ даже выполняет функции финансового мегарегулятора [4, с. 62 – 70], утверждая нормативы финансовой устойчивости финансовых институтов развития, а также условия распределения кредитов между участниками гражданского оборота⁸.

Зависимость центральных банков от органов исполнительной власти присутствует в правовых моделях управления денежно-кредитной сферой, созданных другими государствами. Например, на основании данных, заимствованных учеными из официальных документов, Казначейство Великобритании официально владеет акциями Банка Англии, определяет цели монетарной и финансовой политики, ответственно за банковское и финансовое регулирование [2, с. 24]. А на основании реформы, стартовавшей в Китае в марте 2023 года, Государственному Совету КНР передана часть функций Народного банка Китая в целях более эффективного управления финансовой сферой.

Правовое обеспечение финансового суверенитета должно основываться на современной правовой модели финансовых отношений, отвечающей экономическим вызовам и способной противостоять геополитическим рискам.

Сегодня становится очевидно, что отношения, возникающие в сфере функционирования современной финансовой системы государства, не укладываются в отраслевую модель права, сформированную в 30-е годы XX века. Отсутствие необходимого количества публично-правовых инструментов воздействия на отношения, складывающиеся в сфере денежного обращения, приводят к бесконтрольному осуществлению финансовых операций.

Проблема соотношения частноправовых и публично-правовых инструментов регулирования финансово-кредитного механизма всегда обостряется в периоды экономических кризисов и преобразований. На смену сложившемуся в советскую эпоху подходу, согласно которому «... деление права на частное

и публичное неприемлемо, ... поскольку для государственного регулирования нет ничего недоступного в хозяйственной жизни» [16, с. 440 – 441], в 90-е годы XX века приходит утверждение о недопустимости «... монополии государства на денежное обращение» [11]. Результатом сложившегося подхода явилось то, что отдельные правовые институты, имеющие публично-правовую природу, оказались в ГК РФ. В частности, правовое регулирование банковского кредитования и лизинга необоснованно было отдано на откуп гражданскому праву.

Поскольку в основе осуществляемой банками эмиссии кредитных денег лежат кредитные обязательства, условия их исполнения должны быть синхронизированы с инструментами управления денежной массой. Лизинг, правовой режим которого закреплен в ГК РФ, является специальной формой кредитования⁹. Учитывая природу лизинговых правоотношений, Большая коллегия Евразийского экономического Суда пришла к выводу, что «лизинговые услуги», оказываемые лизинговой компанией, не являющейся банком, относятся к финансовым услугам¹⁰. Это приводит к необходимости создания единых правил регулирования, контроля и надзора за кредитными организациями и лизинговыми компаниями, не являющимися банками, а также системы требований к обеспечению надежности лизинговых компаний.

Применение частноправовых методов регулирования трансграничных финансовых операций, вызванное либерализацией валютного регулирования, в конечном итоге приводит к выводу капитала и, как следствие, – к ослаблению курса национальной валюты. Направленный на ужесточение контроля за движением капитала Указ президента РФ от 28 февраля 2022 г. № 79 «О применении специальных эко-

⁹ Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 586986-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности специальных субъектов лизинговой деятельности». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/586986-7?ysclid=lu232ky7ub713265307>.

¹⁰ По заявлению Министерства юстиции Российской Федерации о разъяснении подпункта 4 пункта 2 статьи 67 Договора о ЕАЭС от 29 мая 2014 г., пункта 62 Протокола о торговле услугами, учреждениями, деятельности и осуществлении инвестиций (приложение № 16 к Договору о ЕАЭС от мая 2014 г.), пунктов 3 и 15 Протокола по финансовым услугам (приложение № 17 к Договору о ЕАЭС от 29 мая 2014 г.): Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 10 июля 2020 г. № СЕ-2-1/2-20-БК // СПС «КонсультантПлюс».

номических мер в связи с недружественными действиями Соединенных Штатов Америки и примкнувших к ним иностранных государств и международных организаций», закрепляющий положения об обязательной продаже иностранной валюты в размере 80 процентов суммы иностранной валюты, который в марте 2022 г. сыграл решающую роль в укреплении курса рубля, оказался нейтрализован. Результатом дискуссии Банка России, Министерства финансов РФ и Министерства экономического развития РФ явилось ужесточение с августа 2023 г. контроля за движением капитала, но без принятия соответствующего административного решения, на основании договоренностей государства с экспортерами о продаже валютной выручки. В октябре контроль за валютными операциями некоторых российских экспортеров был усилен Президентом РФ на основании Указа от 11 октября 2023 г. № 771.

Основанное на отраслевой модели права регулирование денежно-кредитного механизма не позволяет создать необходимый уровень гарантий финансовой устойчивости Российской Федерации и не способствует интеграции правового инструментария, обеспечивающего денежное обращение. Действующим законодательством закреплены разные правовые режимы наличных, безналичных, электронных и цифровых денег, что существенно ослабляет гарантии защиты прав участников гражданского оборота. В частности, установленный законодательством правовой режим электронных денежных средств исключает их из сферы действия Федерального закона от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов в банках Российской Федерации». В результате в случае отзыва Банком России лицензии на осуществление банковских операций у банка выплаты лицам, денежные средства которых хранятся на электронных кошельках, будут производиться в ходе ликвидационных процедур.

Получившая развитие в правовой доктрине дискуссия о делении финансов на частные и публичные не способствует формированию эффективного механизма правового регулирования денежных обязательств, но создает возможности для бесконтрольного осуществления финансовых операций, легализации доходов, полученных преступным путем. В результате приверженности отраслевому подходу создан правовой режим кредитных и иных денежных обязательств, обеспечивающих денежный оборот, формирующийся преимущественно с помощью частнопроводных методов регулирования, которые представляются непригодными для противодействия геополитическим рискам и экономическим кризисам.

Учитывая изложенные проблемы в сфере регулирования финансовых отношений, сегодня в правовой доктрине акцент делается на построении актуальной архитектуры права посредством изучения межотраслевых институтов, возникающих на пересечении традиционных отраслей права [14, с. 11]. Используется междисциплинарный подход в исследовании финансово-правовых институтов [13, с. 46 – 68]. Особое внимание уделяется изучению регулятивных комплексов частного и публичного права [7, с. 180 – 191].

Межотраслевой подход активно применяется в правоприменительной практике. Процесс расширения рецепции частнопроводных конструкций в финансово-правовом регулировании легализован Конституционным Судом Российской Федерации в ряде решений¹¹. Учитывая подходы, выработанные Судом в части допустимости применения закрепленных ГК РФ универсальных юридических конструкций в области регулирования финансовых отношений, становится очевидно, что одна из основных задач, стоящих перед представителями правовой науки, заключается не в исследовании критериев, позволяющих разграничивать отрасли права [1, с. 5], частные и публичные финансы, а в выработке условий эффективного взаимодействия частнопроводных и публично-правовых инструментов регулирования финансовых отношений, способствующих созданию современной правовой модели финансовой системы государства.

Проведенный анализ позволил сформулировать ряд выводов в части совершенствования правового обеспечения финансового суверенитета Российской Федерации, которые могут иметь значение для развития финансово-правовой науки и финансового законодательства.

1. В условиях перехода к многополярному миру формирование «новой, свободной от политического вмешательства глобальной финансовой архитектуры»¹² должно сопро-

¹¹ По делу о проверке конституционности положений статей 15, 1064 и 1068 Гражданского кодекса Российской Федерации, подпункта 14 пункта 1 статьи 31 Налогового кодекса Российской Федерации, статьи 199.2 Уголовного кодекса Российской Федерации и части первой статьи 54 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Г. Ахмадеевой, С. И. Лысяка и А. Н. Сергеева : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 марта 2017 г. № 9-П и от 8 дек. 2017 г. № 39-П // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 29 февраля 2024 г. // Российская газета. 2024. 1 марта.

вождаться проведением работы по совершенствованию правового регулирования денежно-кредитного механизма государства. В контексте изложенного немаловажное значение приобретает создание правовых условий для усиления координации действий Банка России и Правительства РФ в финансово-кредитной сфере.

2. Усилить координацию действий финансового мегарегулятора (Банка России) и Правительства РФ можно с помощью проведения административной реформы в части изменения правового статуса Банка России посредством его подчинения Правительству. Это позволит обеспечить баланс между задачами Правительства РФ по достижению целей экономического развития и целями инфляционного таргетирования, осуществляемого

Банком России и, как следствие, — ограничить влияние финансовой политики коллективного Запада, проводником которой выступает МВФ, на денежно-кредитный механизм России.

3. В целях создания правовой модели денежного обращения, препятствующей выводу капитала и легализации доходов, полученных преступным путем, необходимо провести работу по гармонизации частноправовых и публично-правовых методов регулирования финансовых отношений. Это создаст основу для интеграции правового инструментария, регулирующего оборот денежных средств, охватываемых на сегодняшний день разными правовыми режимами в зависимости от формы их (денег) существования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Азми Д. М. Система права и ее строение: методологические подходы и решения. — Москва : ЮстицИнформ, 2014. — 391 с.
2. Ануреев С. В. Денежно-кредитная и бюджетная политика, диспропорции и кризисы : монография. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва : КноРус, 2020. — 589 с.
3. Братченко С. А. Несогласованность целей в государственном управлении // Вестник Института экономики. — 2023. — № 6. — С. 78–108.
4. Васянина Е. Л. Управление денежной эмиссией // Пролог: журнал о праве. — 2023. — № 2. — С. 62–70.
5. Докладная записка М. И. Боголепова «Основы денежной политики» 20 декабря 1944 года // Госбанк СССР и Минфин СССР в процессе ресурсного регулирования (ведомственные материалы). — Москва, 2013. — С. 66. — (По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации, Вып. 14.)
6. Егорова В. Путин предложил переходить в расчетах со странами Африки на нацвалюты // Российская газета. — 2023. — 27 июля.
7. Запольский С. В. О соотношении публичного и частного в праве // Правовая политика и правовая жизнь. — 2023. — № 2. — С. 180–191.
8. Зверев А. Г. Записки министра. — Москва : Политиздат, 1973. — 270 с.
9. Казанцев Н. М. Институты финансового права // Журнал российского права. — 2005. — № 9. — С. 97–114.
10. Кучеров И. И. Правовые основы денежно-кредитной политики, цели и методы ее осуществления // Экономика. Налоги. Право. — 2013. — № 5. — С. 116–123.
11. Лукашевич Д. А. Юридические основы формирования рыночной экономики в СССР в период перестройки. — Москва : Родина, 2021. — 478 с.
12. Медведев И. Д., Солнцев О. Г. Денежно-кредитная политика Банка России в условиях структурной трансформации экономики // Научные труды. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. — 2023. — № 2. — С. 6–28. — DOI: 10.47711/2076-3182-2023-2-6-28.
13. Поветкина Н. А., Леднева Ю. В. Бюджетные субсидии: конфликт публичного и частного // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2023. — Т. 16, № 1. — С. 46–68.
14. Право устойчивого развития и ESG-стандарты : учебник / под общ. ред. М. В. Мажориной, Б. А. Шахназарова. — Москва : Проспект, 2023. — 752 с.
15. Реформирование мировой финансовой архитектуры и российский финансовый рынок : монография / Е. А. Звонова, М. В. Ершов, А. В. Кузнецов [и др.] ; под ред. Е. А. Звоновой. — Москва : РУС-ВЙНС, 2021. — 430 с.
16. Теория государства и права / М. А. Аржанов, С. Ф. Кечежян, Б. С. Маньковский, М. С. Строгович. — Москва : Государственное изд-во юридической литературы, 1949. — 512 с.
17. Trust bridges and money flows : A Digital Marketplace to Improve Cross-Border Payments / T. Adrian, R. Garratt, D. He, T. Mancini-Griffoli // BIS Working Papers. — 2023. — No. 1112. — URL: <https://www.bis.org/publ/work1112.pdf>.

REFERENCES

1. Azmi D. M. *Sistema prava i ee stroenie: metodologicheskie podkhody i resheniya* [The legal system and its structure: methodological approaches and solutions]. Moscow, YustitsInform Publ., 2014. 391 p.
2. Anureev S. V. *Denezhno-kreditnaya i byudzhetnaya politika, disproportsii i krizisy* [Monetary and budget policy, imbalances and crises]. 2nd ed. Moscow, KnoRus Publ., 2020. 589 p.
3. Bratchenko S. A. Inconsistency of goals in public governance. *Vestnik Instituta ehkonomiki = Bulletin of the Institute of Economics*, 2023, no. 6, pp. 78 – 108. (In Russian).
4. Vasyanina E. L. Management of money issue. *Prolog: Journal o prave = Prologue: Law Journal*, 2023, no. 2, pp. 62 – 70. (In Russian).
5. Memo by M. I. Bogolepov "Fundamentals of monetary policy" December 20, 1944. *Gosbank SSSR i Minfin SSSR v protsesse resursnogo regulirovaniya (vedomstvennye materialy)* [State Bank of the USSR and the Ministry of Finance of the USSR in the process of resource regulation (departmental materials)]. Moscow, 2013, p. 66. (In Russian).
6. Egorova V. Putin proposed switching to national currencies in settlements with African countries. *Rossiiskaya gazeta*, 2023, July 27. (In Russian).
7. Zapolsky S. V. On the relationship between public and private in law. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn = Legal policy and legal life*, 2023, no. 2, pp. 180 – 191. (In Russian).
8. Zverev A. G. *Zapiski ministra* [Notes from the Minister]. Moscow, Politizdat Publ., 1973. 270 p.
9. Kazantsev N. M. Institutes of financial law. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2005, no. 9, pp. 97 – 114. (In Russian).
10. Kucherov I. I. Legal foundations of monetary policy, goals and methods of its implementation. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economy. Taxes. Law*, 2013, no. 5, pp. 116 – 123. (In Russian).
11. Lukashevich D. A. *Yuridicheskie osnovy formirovaniya rynochnoi ehkonomiki v SSSR v period perestroika* [Legal basis for the formation of a market economy in the USSR during the period of perestroika]. Moscow, Rodina Publ., 2021. 478 p.
12. Medvedev I. D., Solntsev O. G. Monetary Policy of the Bank of Russia in the Conditions of Structural Transformation of the Economy. *Nauchnye trudy. Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN = Scientific works: Institute of Economic Forecasting of the Russian Academy of Sciences*, 2023, no. 2, pp. 6 – 28. (In Russian). DOI: 10.47711/2076-3182-2023-2-6-28.
13. Povetkina N. A., Ledneva Yu. V. Budget Subsidies: Conflict Between Public and Private. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ehkonomiki = Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2023, vol. 16, no. 1, pp. 46 – 68. (In Russian).
14. Mazhorina M. V., Shakhnazarova B. A. (eds). *Pravo ustoichivogo razvitiya i ESG-standarty* [Law of sustainable development and ESG standards]. Moscow, Prospekt Publ., 2023. 752 p.
15. Zvonova E. A., Ershov M. V., Kuznetsov A. V. et al. *Reformirovanie mirovoi finansovoi arkhitektury i rossiiskii finansovyi rynek* [Reforming the global financial architecture and the Russian financial market]. Moscow, RUSVINS Publ., 2021. 430 p.
16. Arzhanov M. A., Kechekyan S. F., Mankovskii B. S., Strogovich M. S. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, 1949. 512 p.
17. Adrian T., Garratt R., He D., Mancini-Griffoli T. Trust bridges and money flows. A Digital Marketplace to Improve Cross-Border Payments. *BIS Working Papers*, 2023, no. 1112. URL: <https://www.bis.org/publ/work1112.pdf>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Васянина Елена Леонидовна (Москва) — доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук (119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10, e-mail: elenavasianna@yandex.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vasyanina, Elena L. (Moscow) — Dr. Sci. (Law), Leading Researcher of the Administrative Law and Process Sector of the Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (10 Znamenka st., Moscow, 119019, Russia, e-mail: elnavasianna@yandex.ru).

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 34.03:001.895(004.77:614.2)

М. А. Коваленко

Волгоградский государственный университет,

Волгоград, Россия

ORCID 0000-0002-8412-7900

ResearcherID: JLL-9852-2023

К ВОПРОСУ О ПРИМЕНЕНИИ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕЖИМА В ОБЛАСТИ ТЕЛЕМЕДИЦИНЫ В РОССИИ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 1. — С. 43 — 53.

ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.5.

Дата поступления 15.10.2023, дата принятия к печати 17.03.2024,
дата онлайн-размещения 30.03.2024.

АННОТАЦИЯ

Цифровизация общества приводит к переводу общественных отношений в электронную форму. Телемедицина является новым способом оказания медицинской помощи. Несомненными преимуществами телемедицины является сокращение расходов, возможность оперативного вмешательства и постоянного мониторинга за состоянием здоровья пациента, отсутствие географической привязанности. Однако введение нового способа оказания медицинской помощи в виде дистанционного взаимодействия с пациентом с помощью телемедицинских технологий невозможно без опытного проведения его использования. Также между правовыми нормами, предназначенными для регулирования телемедицинской деятельности, и правовыми нормами в сфере телемедицины могут возникать непреодолимые коллизии. Особую ценность при внесении изменений в правовое регулирование представляет соблюдение баланса интересов, противодействие нарушению прав, свобод и законных интересов личности. В действующем законодательстве Российской Федерации имеется возможность апробирования новых правовых норм с помощью экспериментальных правовых режимов. Экспериментальный правовой режим нацелен на испытание нового варианта правовой регламентации общественных отношений. В настоящее время в Российской Федерации был внедрен экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан. Однако правовые нормы, устанавливающие данный экспериментальный правовой режим, не привносят нового в законодательство о телемедицинской деятельности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Телемедицина; экспериментальный правовой режим; медицинская помощь; дистанционное наблюдение за состоянием здоровья; пациент; дистанционное взаимодействие.

ФИНАНСИРОВАНИЕ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда № 23-78-10175 «Правовое регулирование дистанционного оказания медицинской помощи (телемедицины): публично-правовые аспекты»¹.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Коваленко М. А. К вопросу о применении экспериментального правового режима в области телемедицины в России // Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 1. — С. 43–53. — DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.5.

UDC 34.03:001.895(004.77:614.2)

M. A. Kovalenko

Volgograd State University,

Volgograd, Russia

ORCID 0000-0002-8412-7900

ResearcherID: JLL-9852-2023

ON THE ISSUE OF APPLICATION OF AN EXPERIMENTAL LEGAL REGIME IN THE FIELD OF TELEMEDICINE IN RUSSIA

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2024, no. 1, pp. 43 – 53.

ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.5.

Received 15.10.2023, accepted 17.03.2024, available online 30.03.2024.

ABSTRACT

The digitalization of society leads to the transfer of public relations into electronic form. Telemedicine is a new way of providing medical care. The undoubted advantages of telemedicine are cost reduction, the possibility of surgical intervention and constant monitoring of the patient's health, and the absence of geographical attachment. However, the introduction of a new method of providing medical care in the form of remote interaction with a patient using telemedicine technologies is impossible without experimenting with its use. Also, insurmountable conflicts may arise between the legal norms intended to regulate telemedicine activities and the legal norms in the field of telemedicine. Of particular value when making changes to legal regulation is the observance of a balance of interests, countering violations of the rights, freedoms and legitimate interests of the individual. In the current legislation of the Russian Federation, it is possible to test new legal norms with the help of experimental legal regimes. The experimental legal regime is aimed at testing a new version of the legal regulation of public relations. Currently, the Russian Federation has introduced an experimental legal regime in the field of digital innovations in the field of medical activity, including the use of telemedicine technologies and technologies for collecting and processing information about the health status and diagnoses of citizens. However, the legal norms establishing this experimental legal regime do not introduce new legislation on telemedicine activities.

KEYWORDS

Telemedicine; experimental legal regime; medical care; remote health monitoring; patient; remote interaction.

¹ URL: <https://rscf.ru/project/23-78-10175/>.

ACKNOWLEDGEMENTS

The study was financially supported by the Russian Science Foundation under Scientific Project No. 23-78-10175 «Legal regulation of remote medical care (telemedicine): public law aspects».

FOR CITATION

Kovalenko M. A. On the Issue of Application of an Experimental Legal Regime in the Field of Telemedicine in Russia. *Prologue: Law Journal*, 2024, no. 1, pp. 43–53. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.5.

Современный период развития права ознаменован применением новых методов для выявления адекватных и эффективных способов правового регулирования общественных отношений. К таким методам следует отнести внедрение в различных государствах экспериментальных правовых режимов, в том числе так называемых *regulatory sandbox*. Преимущественно появление экспериментальных правовых режимов обусловлено цифровизацией экономики. Для обеспечения прав человека и предупреждения причинения значительного вреда жизни и здоровью ограниченно апробируются новые специальные способы правового регулирования общественных отношений либо уже существовавших, либо только появившихся под влиянием развития технологий.

2 июля 2021 года вступил в действие Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». Использование экспериментального правового режима предполагает его временную ограниченность и исключение действия некоторых правовых норм общего регулирования. Это позволяет проверить возможность последующего распространения данных специальных правовых норм на неопределенный круг лиц и на неопределенное время, а также выявить недостатки такого специального регулирования.

Статья 1 вышеуказанного Федерального закона предусматривает, что экспериментальные правовые режимы могут быть внедрены не во всех сферах общества. Пункт 1 части 2 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» распространяет возможность реализации экспериментального правового режима в отношении медицинской и фармацевтической деятельности².

² Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации : Федер. закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ (ред. от 2 июля 2021 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31, ч. I. Ст. 5017.

Однако введение экспериментального правового режима в области медицины не последовало сразу за принятием вышеуказанного Федерального закона. Он был утвержден постановлением Правительства Российской Федерации от 18 июля 2023 г. № 1164 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан» (далее по тексту также – Программа)³.

Стоит отметить, что использование цифровых технологий при оказании медицинской помощи было возможным и до установления экспериментального правового режима. Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 242-ФЗ была введена статья 36.2 «Особенности медицинской помощи, оказываемой с применением телемедицинских технологий» в Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»⁴. Во исполнение положений данной статьи был принят приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 965н «Об утверждении порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий»⁵. В связи с этим во многих медицинских организациях предусмотрены медицинские услуги с использованием цифровых технологий. Например, АО «Группа компаний «МЕДСИ» предоставляет возможность онлайн-консультации с врачом для наблюдения за здоровьем, корректировки лечения, получения ин-

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 30, Ст. 5693.

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48, Ст. 6724.

⁵ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201801100021>. – 10.01.2018.

формации для подготовки к осмотру⁶. Также 28 мая 2020 г. клиника «СОВА» анонсировала появление возможности онлайн-консультирования рядом врачей (терапевт, ревматолог, невролог, педиатр и т.д.)⁷. Дистанционная консультация позволяет обратиться к специалисту из любого города, получить первичную медицинскую информацию, а также ее стоимость меньше, чем очного приема из-за снижения издержек. Группа компаний ПАО «Сбербанк России» запустила сервис «Сберздоровье», в рамках которого возможно приобретение подписки на онлайн-консультации врачей⁸.

Вопросы правового регулирования оказания медицинской помощи с использованием телемедицинских услуг разрабатывались в науке как в период до введения в законодательство такой возможности, так и после. А. Ю. Чупрова констатирует, что в 2014 году медицинские работники в России усматривали назначение телемедицины в использовании ее в процессе образования [20, с. 300]. В настоящее время медицинские работники отошли от данного подхода к определению ценности телемедицины, о чем свидетельствует наличие значительного количества работ о практических вопросах использования цифровых технологий в процессе оказания медицинской помощи. Например, исследования О. А. Чопанова, С. Нурьева, М. Ш. Гурбановой [19], В. А. Герасименко, С. И. Дегтярёва [2], А. О. Григорьева, Д. С. Лобова [3], А. М. Алашеева, А. А. Белкина, Е. В. Праздничкова [1].

В законодательстве Российской Федерации отсутствует легальное определение понятия «телемедицина». В правовой науке ученые занимают различные позиции относительно определения содержания понятия дефиниции «телемедицина». Ряд авторов понимают под телемедициной непосредственно медицинскую деятельность, в ходе которой применяются цифровые технологии (С. И. Поспелова, Ю. Д. Сергеев, Н. А. Каменская) [11, с. 24]. Другие считают,

что телемедицина — это совокупность цифровых технологий, используемых в медицине (Н. Н. Штыкова) [21, с. 23]. М. Л. Давыдова акцентирует внимание на том, что в России используется узкое толкование понятия «телемедицина». В его объем включается только получение дистанционных консультаций [5, с. 567]. В. Ф. Фёдоров, В. Л. Столяр придерживаются подхода, что телемедицина является структурным компонентом здравоохранения. Она преследует цели и разрешает задачи, в целом поставленные перед медициной. При этом в ее состав включается не только непосредственно медицинская деятельность, но и медицинское образование [17, с. 37]. С. М. Поляков, В. А. Лапицкий, А. А. Гракович, И. В. Малахова, Д. Ф. Куницкий, Н. Е. Хейфец, И. И. Новик, Л. Н. Лаханько, А. Г. Батраков выделяют различный спектр сфер использования телемедицины, в которые включаются «телемедицинский депозитарий» и электронное медицинское образование [12, с. 20]. Д. М. Назаров, Ф. И. Бадаев высказывают мнение о необходимости использования широкого и узкого подхода к дефиниции «телемедицина». В соответствии с широким подходом телемедициной признается совокупность технологий, позволяющих оказывать медицинские услуги удаленно. Узкий подход позволяет отнести к телемедицине «предоставление медицинских услуг на расстоянии с помощью электронных средств» [7, с. 51]. Н. В. Путило, Н. С. Волкова также используют технический подход к определению термина «телемедицина», понимая под ней «систему обмена информацией медицинского характера» [13, с. 125].

Анализируя вышеуказанные подходы, можно отметить, что ключевым для телемедицины как явления считается использование цифровых инноваций. Телемедицина выступает современной формой предоставления медицинских услуг. Ее не следует полностью отграничивать от медицины с использованием обычных способов оказания помощи. Однако невозможно рассматривать телемедицину только как техническое использование электронных технологий, поскольку применение их создает особенности сущностного характера.

Между тем, проблемы установления экспериментального правового режима в области телемедицины в науке права детально не разработаны, что обусловлено его введением на территории Российской Федерации только в 2023 году.

Для правовой оценки программы экспериментального правового режима в сфе-

⁶ Онлайн-консультации врачей // Диалайн. URL: <https://volgograd.medsu.ru/lands/onlayn-konsultatsii-vracheu.php> (дата обращения: 20.10.2023).

⁷ Онлайн-консультирование в клинике «СОВА». URL: <https://sovamed.ru/novosti/onlayn-konsultirovanie-v-klinike-sova/?ysclid=lnfz3elv2n84860070>.

⁸ Узнайте, как проходят онлайн-консультации. URL: https://lk.sberhealth.ru/catalog-products?utm_source=main_sberhealth&utm_medium=internal&utm_campaign=body (дата обращения: 20.10.2023).

ре телемедицины необходимо определить существенные характеристики экспериментальных правовых режимов. Это поможет выявить соотношение пределов экспериментального правового регулирования и общего правового регулирования в области цифровой медицины, специфику апробируемого правового регулирования.

Исходя из правовой дефиниции, установленной в п. 1 ст. 2 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» можно выделить следующие характерные черты:

1. Ограниченность действия по лицам. Действует только в отношении участников экспериментального правового режима;

2. Ограниченность действия во времени. Предельный срок установления экспериментального правового режима — три года, однако он может быть продлен.

3. Специальность правового регулирования, предполагающая введение новых специальных правовых норм в качестве правового эксперимента.

4. Цель — разработка, апробация и внедрение цифровых инноваций по утвержденным направлениям.

Обратимся к научным исследованиям в области экспериментальных правовых режимов. О. А. Тарасенко выделяет в качестве признаков экспериментальных правовых режимов следующие:

— «дискретность, срочность правового регулирования»,

— приостановление действия некоторых правовых норм и создание новых правовых норм, действующих только в рамках экспериментального правового режима,

— действие в приоритетных направлениях экономики и государства,

— добровольность участия,

— возможность увеличения объема правоспособности участников или оставление его в том же объеме;

— ограничение по времени, кругу лиц и дополнительно по территории [16, с. 43—45].

В. О. Макаров определяет цель введения экспериментальных правовых режимов, определяющую его суть, как «апробацию предполагаемых законодательных нововведений в ограниченном масштабе для проверки эффективности, полезности и экономичности экспериментальных правовых норм и отработки оптимальных вариантов будущих правотворческих решений общего характера» [6, с. 178].

Е. Gromova, Tjaša Ivanc указывают что регулятивная песочница (regulatory sandbox) предназначена для повышения внедрения инновационных технологий путем дачи позволения субъектам предпринимательской деятельности протестировать их предложения в безопасной среде, привнесения новых способов регулирования для отхода от традиционной правовой регламентации и поддержания принципов проактивного, динамичного и быстро реагирующего на изменения законодательства [24, с. 13].

С. Chen также полагает, что регуляторная песочница представляет собой модель испытания в ограниченном масштабе инноваций частными организациями в контролируемой среде. Это позволяет избежать субъектам предпринимательской деятельности привлечения к ответственности за нарушение норм, связанных с использованием данных цифровых технологий при отсутствии экспериментального регулирования [22].

Действие экспериментального правового режима предполагает испытание новых цифровых технологий, не нарушая действующее законодательство, исследование их эффективности и социальной полезности. Это помогает проверить результаты всеобщего введения таких правовых норм впоследствии. Экспериментальный правовой режим связан с отходом от консервативного решения проблем правового регулирования. Он позволяет субъектам предпринимательской деятельности продвигать цифровые инновации, что ведет не только к росту производительности экономики, но и улучшению социальной сферы.

В качестве преимуществ телемедицины выделяют минимизация фактора географической отдаленности от инновационных медицинских центров, снижение издержек не только медицинских организаций, но и пациентов, повышение качества предоставления медицинской помощи и оперативное реагирование за изменением показателей здоровья при дистанционном наблюдении с помощью цифровых медицинских приборов.

Для оценки целесообразности введения экспериментального правового режима в области телемедицины необходимо обратиться к специальным правовым нормам в указанной сфере, которые регулировали оказание медицинской помощи с использованием телемедицинских технологий до его утверждения.

Исходя из содержания статьи 36.2 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в

Российской Федерации», можно выделить следующие формы использования телемедицинских технологий: консультация пациента (законного представителя), дистанционное наблюдение за состоянием здоровья. При этом консультация может быть осуществлена для профилактики, сбора, анализа жалоб и данных анамнеза, определения эффективности лечебно-диагностических мероприятий, корректировки ранее назначенного на очном приеме лечения, выявления необходимости очного приема. Также устанавливается, что дистанционное наблюдение возможно только после очного приема у лечащего врача (ч. 4 ст. 36.2). Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 965н детализирует порядок оказания медицинской помощи с использованием телемедицинских технологий. Он предусматривает возможность дистанционного взаимодействия не только между лечащим врачом и пациентом, но и между медицинскими работниками. Использование цифровых технологий при взаимодействии медицинских работников помогает комплексно оценить состояние здоровья пациента, в том числе, с учетом мнений врачей из разных медицинских организаций, географически друг от друга удаленных. Это позволяет получить заключение медицинского работника, имеющего высокий авторитет и заслуги в области медицины, для лечения пациентов в отдаленных местностях. В данном Приказе предусматривается использование телемедицинских технологий при:

- первичной медико-санитарной помощи,
- специализированной, в том числе, высокотехнологичной, медицинской помощи,
- скорой, в том числе скорой специализированной, медицинской помощи,
- паллиативной медицинской помощи.

Кроме того, в Приказе Министерства здравоохранения Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 965н устанавливается, что при дистанционной консультации можно получить рецепт на лекарственные препараты в рамках корректировки ранее назначенного лечения. В правовой науке обосновано критикуются положения общего регулирования, исключающие возможность назначения лечения без очной постановки диагноза. Н. И. Платонова предлагает установить компетенцию врача по определению в рамках такой консультации предварительного диагноза [10, с. 35]. Полагаем, что регламентация такой возможности в законодательстве Российской Федерации была бы целесообразной, поскольку

существуют заболевания, не требующие сложных операций для диагностирования. Однако возникает закономерный вопрос о значении такого диагноза в рамках осуществления лечения пациента и ответственности врача за его постановку.

Ряд ученых отмечают, что использование электронных технологий в медицинской деятельности не получило должного распространения из-за существенной урегулированности данной сферы (Г. С. Русман [14, с. 70], Ф. В. Цомартова [18, с. 90]). Между тем, отсутствие регулирования области применения цифровых технологий в медицине может привести к ущемлению прав и законных интересов граждан. Например, в части нерегламентации особенностей обработки персональных данных, выдачи электронных рецептов, ответственности врача за коррекцию ранее назначенного лечения. Указанные вопросы следует закрепить в законодательстве из-за важности конституционного права на оказание медицинской помощи и наличия публичного интереса в поддержании здоровья населения.

Применительно к программе экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагноза граждан, можно отметить следующее. Она предусматривает возможность дистанционной консультации при оказании медицинской помощи в плановой форме, если диагноз уже был установлен на очном приеме, а также установление возможности назначения дистанционного наблюдения за состоянием здоровья пациента по результатам такой консультации.

Установлены следующие ограничения использования дистанционной медицинской консультации:

- только при плановой форме. В экстренной и неотложной форме медицинской помощи невозможно;
- диагноз был установлен на очном приеме лечащим врачом;
- возможность обращения к другому врачу. Однако он должен работать в той же медицинской организации, что и лечащий врач, иметь стаж не менее 7 лет по специальности.
- при отсутствии противопоказаний к такой консультации. Программа определяет в качестве противопоказаний, например, несовершеннолетие пациента (п. 3 Программы).

Программа экспериментального правового режима не предусматривает возможности участия врача-консультанта при оказании дистанционной консультации, когда как в общем регулировании такое положение закреплено.

Таким образом, правила, установленные в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», Приказе Министерства здравоохранения Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 965н в целом аналогичны приведенным в Программе экспериментального правового режима в сфере телемедицины. Однако Программа экспериментального правового режима устанавливает больше ограничений для использования цифровых технологий. Например, в действующем правовом регулировании отсутствует невозможность оказания дистанционных консультаций несовершеннолетнему лицу.

Программа экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагноза граждан отменяет действие п. 3, 47 и 51 Порядка организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинской технологии. Данные пункты устанавливают цели дистанционного взаимодействия медицинского работника и пациента, возможность корректировки ранее назначенного лечения, и основания назначения дистанционного наблюдения. Также приостанавливает действие ч. 2-4 ст. 36 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Данные части предусматривают формы оказания телемедицинской помощи (п. 10 Программы).

Думается, что данный подход был бы оправдан при установлении в Программе экспериментального правового режима в области телемедицины новых правил оказания медицинской помощи, которые бы конкурировали с действующими. Именно такая позиция вытекает из существа экспериментальных правовых режимов. А. А. Панькин тоже придерживается мнения, что экспериментальный правовой режим должен приносить новое в регулирование [8, с. 159]. Е. А. Громова определяет целью введение экспериментальных правовых режимов тестирование конкурентоспособных моделей ведения деятельности [4, с. 21]. Однако данная цель не может быть достигнута при суже-

нии правовых возможностей субъектов экспериментального правового режима по сравнению с общим правовым регулированием.

Однако нормы, утвержденные в вышеуказанной Программе, наоборот, в целом сокращают возможности применения телемедицинских технологий. Также из Программы следует вывод, что продолжают применяться правовые нормы о возможности проведения дистанционных консультаций между медицинскими работниками. Расширение возможностей использования телемедицинских технологий усматривается только в предоставлении права пациенту продолжить лечение у другого врача, который должен работать в той же организации, и иметь стаж работы не менее 7 лет, в плановой форме в рамках дистанционного консультирования.

Кроме того, с 1 сентября 2023 г. вступили в силу поправки в законодательство в сфере здравоохранения, касающиеся возможности проведения дистанционных медицинских осмотров работников с применением специальных медицинских изделий. Порядок осуществления таких медицинских осмотров регулируется Постановлением Правительства Российской Федерации от 30 мая 2023 г. № 866 «Об особенностях проведения медицинских осмотров с использованием медицинских изделий, обеспечивающих автоматизированную дистанционную передачу информации о состоянии здоровья работников и дистанционный контроль состояния их здоровья»⁹. В связи с этим появилась возможность проведения предсменных, предрейсовых медицинских осмотров, медицинских осмотров в течение рабочего дня, послесменных, послерейсовых медицинских осмотров работников для выявления признаков воздействия вредных и (или) опасных производственных факторов, состояний и заболеваний, препятствующих выполнению трудовых обязанностей с использованием цифровых технологий¹⁰. В настоящее время ООО «Инновационная медицина» запустила сервис в рамках «СБЕР ЗДОРОВЬЕ», позволяющий организациям проводить дистанционные осмотры работников-водителей.

Однако Программа экспериментального правового режима в области телемедицины устанавливает запрет на проведение медицинских осмотров с использованием техно-

⁹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 23, ч. II. Ст. 4176.

¹⁰ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202305310055>. – 31.05.2023.

логий дистанционного наблюдения за состоянием пациентов.

В Программе экспериментального правового режима и общем регулировании не закрепляется возможность использования цифровых технологий для осуществления медицинской образовательной деятельности. Н. В. Путило, Н. С. Волкова акцентируют внимание на данном пробеле российского законодательства и полагают, что необходимо выделить понятие «цифровое здравоохранение». В его состав должны быть включены также функционирование цифровых аптек, «принятие управленческих решений» [13, с. 132]. Данный подход является обоснованным, поскольку использование цифровых технологий в данных сферах медицины может привести к ущемлению прав граждан (например, при передаче информации об онлайн-заказах в электронной аптеке и других видах обработки чувствительных персональных данных).

Исходя из вышеизложенного, действующее правовое регулирование предусматривает более широкое использование телемедицинских технологий, чем Программа. Это не отвечает целям ее принятия и снижает ее ценность. Например, возможно было бы установление правила о возможности консультирования у медицинского работника из другой медицинской организации для получения комплексной оценки состояния независимыми врачами, обладающими разным уровнем компетенций и навыков, назначения лечения без очного приема на основании документов о диагностических исследованиях. Giulio Nittari, Ravjyot Khuman, Simone Baldoni, Graziano Pallotta, Gopi Battineni, Ascanio Sirignano, Francesco Amenta, and Giovanna Ricci указывают, что телемедицина может быть удобной и принятой пациентами в сфере медицинских консультаций, дистанционного профессионального медицинского ухода, телерентгенологии, психотерапии [23, с. 1436]. Думается, что использование телемедицинских технологий в данных областях было обоснованным. Существо оказания медицинской помощи при психотерапии, например, не будет нарушено при использовании телемедицинских технологий.

При введении экспериментального правового режима должны соблюдаться положения Конституции Российской Федерации, поскольку она обладает свойством верховенства. Изъятие из них для целей установления экспериментального правового режима невозможно. Иное привело бы к произволу. Данная позиция поддерживается в научном сообществе. Например, А. О. Питиримова указывает на необходимость соблюдения Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров, федеральные конституционные законы [9, с. 539]. И. С. Сушильников выделяет в качестве принципа установления экспериментального правового режима «недопустимость ограничения конституционных прав и свобод граждан» [15, с. 117]. Как усматривается из вышеуказанного анализа, Программа экспериментального правового режима в области телемедицины ограничивает уже существующие права лиц на использование телемедицинских технологий. Следовательно, проведение данного экспериментального правового режима не позволит определить инновационную конкурентоспособную модель оказания медицинской помощи частными организациями.

Таким образом, экспериментальный правовой режим в области телемедицины должен быть направлен на тестирование применения инновационных технологий. Это предполагает внесение изменений в действующие варианты оказания медицинской помощи. Непосредственно экспериментальный правовой режим должен вносить новое в общее регулирование. Однако программа экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан не только дублирует положения уже действующего законодательства в данной сфере, но и уменьшает объем возможностей использования дистанционных цифровых технологий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алашеев А. М., Белкин А. А., Праздничкова Е. В. Телемедицина инсульта: вчера, сегодня и завтра // Уральский медицинский журнал. — 2023. — № 4. — С. 113–118. — DOI: 10.52420/2071-5943-2023-22-4-113-118.
2. Герасименко В. А., Дегтярёв С. И. Телемедицина на службе психиатрии: биоэтические аспекты // *Scientist*. — 2023. — № 1 (23). — С. 115–118.
3. Григорьев А. О., Лобов Д. С. Перспективы применения ушного пульсоксиметра в телемедицине // Измерение. Мониторинг. Управление. Контроль. — 2023. — № 2 (44). — С. 84–88. — DOI: 10.21685/2307-5538-2023-2-10.
4. Громова Е. А. Экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций (регуляторные песочницы) в России и зарубежных странах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2023. — Т. 19, № 3. — С. 20–30. — DOI: 10.12737/jzsp.2023.032.
5. Давыдова М. Л. Телемедицина и экспериментальные правовые режимы в области здравоохранения: проблемы и перспективы внедрения // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. — 2023. — Т. 23, № 3. — С. 564–582. — DOI: 10.22363/2313-2337-2023-27-3-564-582.
6. Макаров В. О. Проблемы теории и перспективы внедрения института «регулятивных песочниц» (экспериментальных правовых режимов) в современной России // Вестник Московского университета МВД России. — 2021. — № 6. — С. 176–182. — DOI: 10.24412/2073-0454-2021-6-176-182.
7. Назаров Д. М., Бадаев Ф. И. Оценка влияния телемедицина в сферу здравоохранения // Менеджер здравоохранения. — 2023. — № 10. — С. 49–57. — DOI: 10.21045/1811-0185-2023-10-49-57.
8. Панькин А. А. Об установлении экспериментального правового режима // Закон и право. — 2020. — № 8. — С. 158–160.
9. Питиримова А. О. Перспективы и проблемы развития экспериментальных правовых режимов в Российской Федерации // Вопросы российской юстиции. — 2022. — № 19. — С. 537–543.
10. Платонова Н. И. К вопросу об экспериментальном правовом режим в сфере телемедицинских технологий // Журнал Белорусского государственного университета. Право. — 2021. — № 3. — С. 32–37.
11. Правовой режим применения телемедицинских технологий и внедрения электронного документооборота: современное состояние правового регулирования и перспективы развития / С. И. Поспелова, Ю. Д. Сергеев, Ю. В. Павлова, Н. А. Каменская // Медицинское право. — 2018. — № 5. — С. 24–33.
12. Принципы организации и функционирования телемедицины в Республике Беларусь / С. М. Поляков, В. А. Лапицкий, А. А. Гракович [и др.] // Вопросы организации и информатизации здравоохранения. — 2007. — № 4. — С. 19–28.
13. Путило Н. В., Волкова Н. С. Телемедицина: потребности общества и возможности законодательства // Журнал российского права. — 2018. — № 6 (258). — С. 124–135.
14. Русман Г. С. Правовое регулирование внедрения и реализации телемедицины в промышленном регионе // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. — 2021. — Т. 21, № 3. — С. 68–74. — DOI: 10.14529/law210311.
15. Сушильников И. С. Конституционно-правовые основы экспериментальных правовых режимов // Теоретическая и прикладная юриспруденция. — 2023. — № 1 (15). — С. 109–121.
16. Тарасенко О. А. Экспериментальный правовой режим — полигон для инноваций и регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2023. — Т. 14, вып. 1. — С. 40–55. — DOI: 10.21638/spbu14.2023.103.
17. Фёдоров В. Ф., Столяр В. Л. Персональная телемедицина. Перспективы внедрения // Врач и информационные технологии. — 2020. — № 2. — С. 36–44.
18. Цомартова Ф. В. Роботизация в здравоохранении: правовая перспектива // Здравоохранение Российской Федерации. — 2020. — № 2. — С. 88–96. — DOI: 10.46563/0044-197X-2020-64-2-88-96.
19. Чопанова А. О., Нурьев С., Гурбанова М. Ш. Роль телемедицины в здравоохранении // Всемирный ученый. — 2023. — № 14. — С. 35–46.
20. Чупрова А. Ю. Понятие телемедицины в российском и зарубежном праве // Актуальные проблемы уголовного права и процесса в условиях реформирования законодательства : материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 13 ноября 2014 г.). — Москва : Российский университет дружбы народов, 2014. — С. 298–303.
21. Штыкова Н. Н. Сущность и проблемы реализации электронной медицины (на примере Владимирской области) // Медицинское право. — 2014. — № 5. — С. 22–27.
22. Chen C. C. Regulatory Sandboxes in the UK and Singapore: A Preliminary Survey // *Regulating FinTech in Asia: Global Context, Local Perspectives* / M. Fenwick, S. Van Uytsel, B. Ying [eds]. — Singapore : Springer, 2020. — P. 11–30. — URL: SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3448901>. 22.
23. Telemedicine practice: review of the current ethical and legal challenges / Giulio Nittari, Ravjyot Khuman, Simone Baldoni [et al.] // *Telemedicine and e-Health*. — 2020. — Vol. 26, № 12. — P. 1427–1437. — DOI: 10.1089/tmj.2019.0158.
24. Gromova E., Tjaša IVANC. Regulatory sandboxes (experimental legal regimes) for digital innovations in BRICS // *Brics Law Journal*. — 2020. — Vol. 7, iss. 2. — P. 10–36.

REFERENCES

1. Alasheev A. M., Belkin A. A., Prazdnichkova E. V. Stroke telemedicine: yesterday, today and tomorrow. *Uralskii meditsinskii zhurnal = Ural Medical Journal*, 2023, no. 22 (4), pp. 113–118. (In Russian). DOI: 10.52420/2071-5943-2023-22-4-113-118.
2. Gerasimenko V. A., Degtyarev S. I. Psychiatry telemedicine: bioethical aspects. *Scientist*, 2023, no. 1 (23), pp. 115–118. (In Russian).
3. Grigoriev A. O., Lobov D. S. Prospects for application of ear pulse oximeter in telemedicine. *Izmerenie. Monitoring. Upravlenie. Kontrol = Measuring. Monitoring. Management. Control*, 2023, no. 2 (44), pp. 84–88. (In Russian). DOI: 10.21685/2307-5538-2023-2-10.
4. Gromova E. A. Experimental Legal Regimes of Digital Innovations (Regulatory Sandboxes) in Russia and Foreign Countries. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*, 2023, vol. 19, no. 3, pp. 20–30. (In Russian). DOI: 10.12737/jzsp.2023.032.
5. Davydova M. L. Telemedicine and experimental legal regimes in the field of healthcare: problems and prospects for implementation. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*, 2023, vol. 27, no. 3, pp. 564–582. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2337-2023-27-3-564-582.
6. Makarov V. O. Theoretical problems and implementation prospects of regulatory sandboxes (experimental legal regimes) in modern Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2021, no. 6, pp. 176–182. (In Russian). DOI: 10.24412/2073-0454-2021-6-176-182.
7. Nazarov D. M., Badaev F. I. Assessment of the impact of the implementation of telemedicine in the sphere of health care. *Manager Zdravookhraneniya*, 2023, no. 10, pp. 49–57. (In Russian). DOI: 10.21045/1811-0185-2023-10-49-57.
8. Pankin A. A. On the establishment of an experimental legal regime. *Zakon i pravo = Law and Right*, 2020, no. 8, pp. 158–160. (In Russian).
9. Pitirimova A. A. Prospects and problems of development of experimental legal regimes in the Russian Federation. *Voprosy rossiiskoi yustitsii = Issues of Russian Justice*, 2022, no. 19, pp. 537–543. (In Russian).
10. Platonova N. I. To the issue of the pilot legal regime on telemedicine technologies. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Journal of the Belarusian State University. Law*, 2021, no. 3, pp. 32–37. (In Russian).
11. Polyakov S. M., Lapitskii V. A., Grakovich A. A. et al. Principles of the organization and Operation of Telemedicine in the Republic of Belarus. *Voprosy organizatsii i informatizatsii zdravookhraneniya = Issues of organization and informatization of healthcare*, 2007, no. 4, pp. 19–28. (In Russian).
12. Pospelova S. I., Sergeev Yu. D., Pavlova Yu. V., Kamenskaya N. A. The Legal Regime of Application of Telemedical Technologies and Introduction of the Electronic Document Flow: The Modern Legal Regulation Status and Development Prospects. *Meditsinskoe pravo*, 2018, no. 5, pp. 24–33. (In Russian).
13. Putilo N. V., Volkova N. S. Telemedicine: Societal needs and possibilities of legislation. *Zhurnal rossiyskogo prava = Journal of Russian Law*, 2018, no. 6 (258), pp. 124–135. (In Russian).
14. Rusman G. S. Legal regulation of introduction and implementation of telemedicine in an industrial region. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2021, vol. 21, no. 3, pp. 68–74. (In Russian). DOI: 10.14529/law210311.
15. Sushilnikov I. S. Constitutional and Legal Foundations of Experimental Legal Regimes. *Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudentsiya = Theoretical and Applied Law*, 2023, no. 1 (15), pp. 109–121. (In Russian).
16. Tarasenko O. A. Experimental legal regime – a testing ground for innovation and regulation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2023, no. 1, pp. 40–55. (In Russian). DOI: 10.21638/spbu14.2023.103.
17. Fedorov V. F., Stolyar V. L. Personal telemedicine. Prospects for implementation. *Vrach i informatsionnye tekhnologii = Medical Doctor and IT*, 2020, no. 2, pp. 36–44. (In Russian).
18. Tsomartova F. V. Robotization in healthcare: legal perspective. *Zdravookhranenie Rossiiskoi Federatsii = Health Care of the Russian Federation*, 2020, no. 2, pp. 88–96. (In Russian). DOI: 10.46563/0044-197X-2020-64-2-88-96.
19. Chohanova A. O., Nuryev S., Gurbanova M. Sh. Role of telemedicine in health care. *Vsemirnyi uchenyi = World Scientist*, 2023, no. 14, pp. 35–46. (In Russian).
20. Chuprova A. Yu. The Concept of Telemedicine in Russian and Foreign Law. *Aktualnye problemy ugovolnogo prava i protsessa v usloviyakh reformirovaniya zakonodatelstva. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii [Actual Problems of Criminal Law and Process in the Context of the Reform of Legislation. Materials of International Research Conference, Moscow, November 13, 2014]. Moscow, People's Friendship University of Russia Publ.*, 2014, pp. 298–303. (In Russian).
21. Shtykova N. N. The essence and problems of implementation of e-medicine (on the example of Vladimir Region). *Meditsinskoe pravo = Medical Law*, 2014, no. 5, pp. 22–27. (In Russian).

22. Chen, Christopher Chao-hung. Regulatory Sandboxes in the UK and Singapore: A Preliminary Survey. In Fenwick Mark, Van Uytsel Steven and Bi Ying (eds). *Regulating FinTech in Asia: Global Context, Local Perspectives*. Singapore, Springer, 2020, pp. 11 – 30. URL: SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3448901>. 22.

23. Nittari Giulio, Khuman Ravjyot, Baldoni Simone et al. Telemedicine practice: review of the current ethical and legal challenges. *Telemedicine and e-Health*, 2020, vol. 26, no. 12, pp. 1427 – 1437. DOI: 10.1089/tmj.2019.0158.

24. Gromova E., Ivanc Tjaša. Regulatory sandboxes (experimental legal regimes) for digital innovations in BRICS. *BRICS Law Journal*, 2020, vol. 7, iss. 2, pp. 10 – 36.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Коваленко Мария Андреевна (Волгоград) – младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Правовое регулирование в условиях цифровизации» Волгоградского государственного университета (400062, Россия, г. Волгоград, Университетский проспект, 100, e-mail: veruver@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kovalenko, Maria A. (Volgograd) – Junior Researcher at the Research Laboratory «Legal Regulation in the context of digitalization». Volgograd State University (100 Prospect Universitetsky, Volgograd, Russia, 400062, e-mail: veruver@mail.ru).

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

УДК 34.03

Б. Г. Рысай

Южно-Российский институт управления –
филиал РАНХиГС,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
ORCID: 0009-0004-9024-5518
ResearcherID: P-5598-2018

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СРОКА ИСПОЛНЕНИЯ КОНТРАКТА В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. – 2024. – № 1. – С. 54–60.

ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.6.

Дата поступления 23.07.2023, дата принятия к печати 17.03.2024,
дата онлайн-размещения 30.03.2024.

АННОТАЦИЯ

Предметом исследования в рамках данной статьи является порядок определения сроков исполнения контрактов для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Автором определен перечень принципов, на основе которых осуществляется функционирование контрактной системы в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд: открытость и прозрачность, конкуренция, единство контрактной системы, профессионализм заказчика, стимулирование инноваций. Обозначены распространенные ошибки, совершаемые заказчиком в процессе проведения закупок для государственных и муниципальных нужд: нарушения, связанные с завышением цены, заключением с одним и тем же исполнителем множества контрактов и др. Проведен анализ норм административного и гражданского законодательства Российской Федерации, устанавливающих существенные условия контрактов для обеспечения государственных и муниципальных нужд и порядок и проблематика определения сроков исполнения таких контрактов. Определен основной круг негативных последствий, связанных с правом заказчика определять по своему усмотрению сроки исполнения контракта: нарушение законодательства о конкуренции, образование штрафных санкций, нарушение бюджетного плана государственных и муниципальных заказчиков и неисполнение органами власти своих обязательств.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Государственные закупки; существенные условия контракта; исполнение контракта; срок исполнения контракта; Министерство финансов РФ.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Рысай Б. Г. Проблема правового регулирования определения срока исполнения контракта в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Пролог: журнал о праве. – 2024. – № 1. – С. 54–60. – DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.6.

THE PROBLEM OF LEGAL REGULATION OF DETERMINING THE TERM OF EXECUTION OF A CONTRACT IN THE FIELD OF PROCUREMENT OF GOODS, WORKS, SERVICES FOR PUBLIC PROCUREMENT AND MUNICIPAL NEEDS

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2024, no. 1, pp. 54 – 60.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.6.
Received 23.07.2023, accepted 17.03.2024, available online
30.03.2024.

ABSTRACT

The subject of the research in this article is the procedure for determining the deadlines for the execution of contracts to meet state and municipal needs. The author defines a list of principles on the basis of which the functioning of the contract system in the field of procurement is carried out to ensure state and municipal needs: openness and transparency, competition, unity of the contract system, professionalism of the customer, stimulation of innovation. The common mistakes made by the customer in the process of procurement for state and municipal needs are indicated: violations related to overcharging, concluding multiple contracts with the same contractor, etc. The analysis of the norms of the administrative and civil legislation of the Russian Federation, which establish the essential terms of contracts to meet state and municipal needs and the procedure and problems of determining the deadlines for the execution of such contracts, is carried out. The main range of negative consequences associated with the customer's right to determine the terms of the contract at his discretion has been determined: violation of competition law, the formation of penalties, violation of the budget plan of state and municipal customers and non-fulfillment by authorities of their obligations.

KEYWORDS

Government procurement; essential terms of the contract; execution of the contract; term of execution of the contract; Ministry of Finance of the Russian Federation.

FOR CITATION

Rysai B. G. The Problem of Legal Regulation of Determining the Term of Execution of a Contract in the Field of Procurement of Goods, Works, Services for Public Procurement and Municipal Needs. *Prologue: Law Journal*, 2024, no. 1, pp. 54 – 60. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.6.

Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹ (далее — Закон № 44-ФЗ) вступил в силу 1 января 2014 г. При этом многие законодательно закрепленные положения были подвергнуты серьезной модернизации. Данный нормативный правовой акт является основным источником правового регулирования в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Характерной особенностью Закона № 44-ФЗ является динамичность его совершенствования. Законодатель постоянно вносит поправки в Закон, и не один раз за текущий финансовый год. Так, например, в 2016 году количество принятых актов, вносящих изменения в Закон № 44-ФЗ, достигло 13-ти, в 2022 г. — также 13-ти, в 2023 г. было внесено 9 поправок.

Функционирование контрактной системы в сфере закупок осуществляется на основе принципов открытости и прозрачности, конкуренции, единства контрактной системы, профессионализма заказчика, стимулирования инноваций [2, с. 2; 7, с. 2].

В своей совокупности данные принципы предполагают создание и функционирование такой системы закупок для государственных и муниципальных нужд, которая будет отвечать требованиям недискриминации, правомерной и качественной конкуренции, прозрачности, отвечающей всем требованиям российского законодательства, при которой бюджетные средства государства будут использоваться эффективно и рационально.

На практике же проявляются определенные недостатки действующей системы закупок, нарушающие вышеназванные принципы, а следовательно, возникает необходимость законодательного реформирования данной сферы правоотношений [1, с. 64–69]. Тем не менее, существуют обстоятельства, создающие препятствия для полноценного реформирования и применения норм права на практике сторонами в соответствии с буквой закона. Например, когда речь заходит об информации с ограниченным доступом — государственной тайне [5, с. 101].

Так, весьма распространенной проблемой является то, что в процессе размещения государственного заказа заказчики допуска-

ются те или иные нарушения, связанные с завышением цены, заключением с одним и тем же исполнителем множества контрактов, осуществлением процедур закупок у поставщиков без проведения конкурентных процедур, наблюдаются факты мошенничества, коррупции [6, с. 4]. Возникают даже ситуации, когда участники закупки предоставляют документы не в полном объеме [9, с. 5]. В итоге на практике с вышеназванными проблемами сталкиваются соответствующие органы власти, например, прокуратура РФ [8, с. 15–18].

На наш взгляд, одной из причин возникновения таких проблем является неурегулированная процедура определения срока исполнения контракта на этапе формирования проекта контракта и размещения его в единой информационной системе (ЕИС) для осуществления закупки. Вместе с тем, срок исполнения контракта является его существенным условием. Из этого следует, что неурегулированная процедура определения срока исполнения контракта напрямую влияет на одно из существенных условий для всех контрактов — срок исполнения контракта.

Согласно ст. 34 Закона № 44-ФЗ контракт заключается на условиях, предусмотренных извещением об осуществлении закупки или приглашением, документацией о закупке, заявкой участника закупки, с которым заключается контракт. При заключении контракта цена контракта является твердой и определяется на весь срок исполнения контракта. После заключения и в процессе исполнения контракта изменение его существенных условий не допускается, за исключением случаев, предусмотренных Законом № 44-ФЗ, в частности (статья 95).

Основным условием относительно разработки проекта контракта указывается цена контракта. Относительно вопроса срока исполнения и порядка его установления информации практически нет. Упоминание условий изменения сроков исполнения контракта находятся в ст. 95 Закона № 44-ФЗ. Таким образом, порядок определения срока исполнения контракта не регулируется данным нормативно-правовым актом.

Однако при регулировании сферы закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд правоприменитель обращается не только к нормам Закона № 44-ФЗ, но и нормам гражданского законодательства — Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ).

Вопросы, связанные с содержанием и условиями заключения договора, содержатся в гл. 27–28 ГК РФ. В названных положе-

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 14. Ст. 1652.

ниях ГК РФ также не урегулирован вопрос порядка определения срока исполнения контракта. Даже ст. 472 ГК РФ напрямую не определяет срок исполнения как существенное условие договора, а определяет лишь условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение.

Изучив два основных нормативно-правовых акта, регулирующих сферу закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, можно сделать вывод, что сроки исполнения контракта и не только явно не указаны в законе как существенное условие исполнения контракта — законодатель также не предлагает никакого порядка их определения. В законе отсутствует фиксированный срок с минимальными и максимальными сроками исполнения контракта, рекомендаций по установлению примерных сроков выполнения тех или иных работ, оказания услуг или поставки товаров, отсутствует порядок (или хотя бы рекомендация) расчета срока исполнения контракта в зависимости от его характера. Получается, что заказчик вправе определять по своему усмотрению сроки исполнения контракта.

Такое обстоятельство влечет за собой ряд негативных правовых последствий для всех сторон контракта. К таковым можно отнести следующие:

1. Нарушение законодательства о конкуренции.

На практике нормы о закупках часто нарушаются в части соблюдения требований поддержания здоровой конкуренции [4, с. 24–26]. Исходя из содержания ст. 33 Закона № 44-ФЗ правила описания закупки преращают заказчику указывать требования в закупочной документации, которые ограничивают численность участников. Здесь также нет речи о сроках исполнения контракта.

Участники закупочной процедуры нередко обращают внимание на нереальные сроки поставки товара, выполнения работ или оказания услуг в закупочной документации заказчика. Из этого следует, что условия ставят исполнителя контракта в ситуацию, когда он не может исполнить контракт и его искусственно вытесняют из процедуры закупки. В результате Федеральная антимонопольная служба РФ и ее территориальные подразделения (далее — ФАС РФ) получают жалобы, разбирательства по которым могут

затянуться или, что еще хуже, переместиться в зал судебных заседаний при обжаловании решения вышеназванной службы.

Но доказать факт ограничения конкуренции непросто. Для этого исполнителю необходимо документально подтвердить в ФАС РФ реальные сроки исполнения контракта, а также доказать, что заказчиком были введены сроки для обеспечения победы определенному исполнителю, а не по реально существующим основаниям, когда сжатые сроки являются объективной необходимостью. Но доказательства, предъявленные исполнителем, нередко не принимаются в расчет сотрудниками ФАС РФ. Связано это с тем, что официальные письма исполнителей не всегда подтверждают нереальность сроков, в то время как заказчик может предоставить свои доказательства, что другие поставщики готовы исполнить контракт в установленные сроки.

Если взглянуть на законодательство (ст. 17 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»² (далее — Закон № 135-ФЗ), то мы видим, что прямого запрета на указание в закупочной документации минимальных сроков, за которые нереально исполнить контракт, не установлено.

2. Образование штрафных санкций.

При участии в закупках для государственных и муниципальных нужд участник закупки должен трезво оценивать свои возможности. Если исполнитель не сделает этого, не оценит объективно сроки исполнения контракта, то такое обстоятельство может привести к финансовым потерям. Данная проблема заключается в том, что если заказчик не насчитает штрафные санкции по контракту, то возможно заподозрить его в неправомерных действиях и намерении совершить коррупционное преступление. Поэтому заказчик обязательно выставит пени и штрафы за нарушение сроков исполнения контракта.

Вместе с тем, в зависимости от характера и размера контракта санкции могут быть весьма значительными, и исполнитель, в лучшем случае, просто ничего не заработает. Ярким примером служит Постановление Правительства РФ от 30 августа 2017 г. № 1042 «Об утверждении Правил определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, неисполнения или ненадлежащего исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств,

² Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31, ч. I. Ст. 3434.

предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем), о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 мая 2017 г. № 570 и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 25 ноября 2013 г. № 1063»³, которое устанавливает высокие штрафные санкции. Законодатель устанавливает такие санкции с целью обеспечения исполнения контракта, то есть исполнитель должен эффективнее исполнять контракт, а главное – не нарушать сроков исполнения. Но как указано ранее, сроки исполнения могут быть невыполнимы настолько, что будут нарушать природу баланса интересов сторон.

3. Нарушение бюджетного плана государственных и муниципальных заказчиков и неисполнение органами власти своих обязательств.

Ограничивая участников закупки невыполнимыми сроками, заказчик создает неблагоприятные условия работы и для себя самого. Это выражается, во-первых, в нарушении плана-графика, который формируется и реализуется каждым органом власти ежегодно, что влияет на формирование соответствующего бюджета и отчетности его соблюдения; во-вторых, нарушение сроков исполнения контракта для государственных и муниципальных нужд может привести к нарушению сроков исполнения своих обязательств органов власти и их должностных лиц перед населением страны, к нарушению сроков и качества оказываемых услуг, что, в свою очередь, приведет к увеличению жалоб со стороны населения в вышестоящие или контрольно-надзорные органы исполнительной власти.

Конечно в данной ситуации нужно учитывать некоторые обязательства заказчика. Например, план-график разрабатывается в начале финансового года, а для некоторых закупок есть определенные требования по срокам процедуры (например, ч. 2 ст. 93 Закона № 44-ФЗ). Это в некоторой степени оправдывает возможность установления в закупочной документации сжатых сроков для исполнителей. Получается, что из-за сжатых сроков в результате составления плана-графика и длительности закупочной процедуры, заключение контракта возможно только во второй половине января [3, с. 4].

Подводя итог, можно сказать что отсутствие законодательно закрепленного порядка определения сроков исполнения контракта для государственных и муниципальных нужд является серьезной проблемой, в результате которой могут возникать финансовая нестабильность как исполнителя, так и заказчика, а также серьезные нарушения законодательства РФ. Необходимо брать во внимание и возможность возникновения юридической ответственности сторон, вплоть до уголовной [10, с. 51–70].

В 2023 году Министерство финансов РФ (далее – Минфин РФ) своим письмом от 6 июля 2023 г. № 24-06-06/62944 «Об определении заказчиком срока исполнения контракта»⁴ начало делать верные шаги в направлении решения проблемы и сегодня существует разъяснение, что заказчик при формировании извещения об осуществлении закупки имеет возможность определить срок исполнения контракта с учетом предполагаемых сроков исполнения каждого этапа контракта в соответствии с Законом № 44-ФЗ. Также было дано разъяснение, что срок исполнения контракта зависит от ряда финансовых действий органа власти: формирование плана-графика заказчиком в соответствии с Законом № 44-ФЗ при планировании его финансово-хозяйственной деятельности; заказчик составляет и утверждает план финансово-хозяйственной деятельности в соответствии с Приказом Минфина России от 31 августа 2018 г. № 186н «О Требованиях к составлению и утверждению плана финансово-хозяйственной деятельности государственного (муниципального) учреждения»⁵. Таким образом, расчеты расходов на закупку товаров, работ, услуг должны соответствовать в части планируемых выплат показателям плана-графика, формируемого в соответствии с требованиями Закона № 44-ФЗ. Выходит, что формирование сроков исполнения контракта должно базироваться на планах финансово-хозяйственной деятельности органа власти. Но данный документ не дает четкого ответа как объективно сформировать сроки исполнения контракта, при которых соблюдались интересы сторон, а результат исполнения не страдал от неоправданно сжатых сроков контракта. В итоге письмо Минфина РФ 2023 года, во-первых,

³ Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 36. Ст. 5458.

⁴ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407621872/>.

⁵ URL: <https://base.garant.ru/72078274/>.

носит рекомендательный характер с разъяснением некоторых положений законодательства РФ о закупках для государственных и муниципальных нужд, во-вторых, при таком сухом расчете сложно объективно рассчитать сроки исполнения многомиллионных контрактов, исполнение которых зависит от экономического, политического положения дел в стране и мире.

Названные документы только положили начало долгого пути разрешения сформиро-

вавшейся проблемы. Одним из направлений такой деятельности является совершенствование ГК РФ, КоАП РФ, Закона № 44-ФЗ, Закона № 135-ФЗ относительно определения сроков исполнения контракта как существенного условия договора, а также комплексная разработка новых нормативно-правовых актов подзаконного характера.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Александрова А. Дополнительные требования к участникам закупок: практическая реализация и распространенные ошибки // Прогосзаказ.РФ. — 2022. — № 11. — С. 64–69.
2. Борисова Е. Р. Контрактная система государственных закупок как фактор развития российской экономики // Вестник Российского университета кооперации. — 2018. — № 2 (12). — С. 8–12.
3. Гурин О. Ю. Срок действия контракта и срок исполнения обязательств: проблемы и решения // Прогосзаказ.РФ. — 2016. — № 12. — С. 60–76.
4. Деменина Е. А., Гусев В. В. Односторонний отказ заказчика от исполнения контракта как легальный способ устранения конкуренции // Юрист. — 2015. — № 21. — С. 24–26.
5. Кириллов П. В. Порядок заключения и исполнения контракта на выполнение подрядных работ // Право в Вооруженных Силах — Военно-правовое обозрение. — 2014. — № 4. — С. 94–101.
6. Кренева А. А., Попова Т. С. Система государственных и муниципальных закупок в Российской Федерации // Аудитор. — 2022. — № 7. — С. 46–50.
7. Раев К., Гурин О. О рассмотрении заявок участников закупки на предмет соответствия дополнительным требованиям // Прогосзаказ.РФ. — 2022. — № 7. — С. 21–37.
8. Токтанызов А. Б. Надзор в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Законность. — 2023. — № 1. — С. 15–18.
9. Трофимовская А. В., Вершинина А. А. Государственные закупки в условиях цифровизации // Лизинг. — 2021. — № 1. — С. 19–26.
10. Шурпаев Ш. М. Специальный субъект в составах злоупотреблений и подкупа в сфере государственных и муниципальных закупок // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2022. — Т. 15, № 4. — С. 51–70.

REFERENCES

1. Aleksandrova A. Additional Requirements for Procurement Participants: Practical Implementation and Common Mistakes. *Progoszakaz.RF*, 2022, no. 11, pp. 64–69. (In Russian).
2. Borisova E. R. Contract system of public procurement as a factor of development of the Russian economy. *Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii = Vestnik of the Russian University of Cooperation*, 2018, no. 2 (12), pp. 8–12. (In Russian).
3. Gurin O. Yu. The term of the Contract and the Deadline for Fulfilling Obligations: Problems and Solutions. *Progoszakaz.RF*, 2016, no. 12, pp. 60–76. (In Russian).
4. Demenina E. A., Gusev V. V. Unilateral refusal of the customer to perform the contract as a legal way of elimination of competition. *Yurist = Jurist*, 2015, no. 21, pp. 24–26. (In Russian).
5. Kirillov P. V. Creating a service contract (contract manager) state customer — the law enforcement agency. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh — Voенно-pravovoe obozrenie = Law in the Armed Forces — Military-Legal Review*, 2014, no. 4, pp. 94–101. (In Russian).
6. Kreneva A. A., Popova T. S. The system of state and municipal procurement in the Russian Federation. *Auditor*, 2022, no. 7, pp. 46–50. (In Russian).
7. Raev K., Gurin O. On the Consideration of Applications from Procurement Participants for Compliance with Additional Requirements. *Progoszakaz.RF*, 2022, no. 7, pp. 21–37. (In Russian).
8. Toktanyazov A. B. Supervision in the sphere of procurements for the state and municipal needs. *Zakonnost = Legality*, 2023, no. 1, pp. 15–18. (In Russian).
9. Trofimovskaya A. V., Vershinina A. A. Government procurement in the conditions of digitalization of economy. *Lizing = Leasing*, 2021, no. 1, pp. 19–26. (In Russian).
10. Shurpaev S. M. Issues of Legislator Approach to Features of a Special Subject in Corpus Delicti of Abuse and Bribery in the Public Procurement. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Journal of the Higher School of Economics*, 2022, vol. 15, no. 4, pp. 51–70. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Рысай Борис Георгиевич (Ростов-на-Дону) – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и служебного права Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС (344002, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 70/54, e-mail: borchik91@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Rysai, Boris G. (Rostov-on-Don) – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Administrative and Service Law Department. South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (SRIM RANEPА/Institute) (70/54 Pushkinskaya St., Rostov-on-Don, Russia, 344002, e-mail: borchik91@mail.ru).

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES

УДК 34.347.5

Я. В. Земляченко

*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет (НИУ «БелГУ»)
Белгород, Российская Федерация
ORCID 0000-0001-7713-1330
Researcher ID: HJH-0378-2022*

РИСКИ ОБЪЕКТСПОСОБНОСТИ КРИПТОВАЛЮТ В РЕАЛИЯХ НАРАСТАЮЩЕЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 1. — С. 61 — 70.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.7.
Дата поступления 12.09.2023, дата принятия к печати 17.03.2024,
дата онлайн-размещения 30.03.2024.

АННОТАЦИЯ

Цифровизация национальной и мировой экономики привносит в сложившийся характер торгово-экономических отношений новые элементы. К числу таковых относится криптовалюта. На современном этапе развития частного права Российской Федерации в законодательстве прослеживаются признаки выработанной позиции по вопросу о месте и роли криптовалюты как вида цифрового финансового актива. Вместе с тем, тенденциозность принятой в Российской Федерации концепции с общемировой системой правовых способов идентификации криптовалют порождают риски как правового, так и финансового характера для национальной финансовой системы. Прежде всего стоит отметить риск обретения негласной платежной силы в условиях неконтролируемого оборота криптовалют. Латентная природа указанного актива не может быть незамеченной при разработке системы правовых условий гражданского оборота цифровых валют. Предложенный законодателем избирательный способ защиты прав владельцев криптовалюты не убеждает в том, что он допустим в условиях высоко рискованной экономической природы криптовалют и все ещё не до конца изученной правовой природы цифровых активов как объектов гражданских прав и обязанностей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Криптовалюта; биткойн; блокчейн; фиатные деньги; риски торгового оборота криптовалют.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Земляченко Я. В. Риски объектоспособности криптовалют в реалиях нарастающей цифровизации российской экономики // Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 1. — С. 61 — 70. — DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.7.

RISKS OF THE CRYPTOCURRENCY'S OBJECTABILITY IN THE REALITIES OF THE GROWING DIGITALIZATION OF THE RUSSIAN ECONOMY

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2024, no. 1, pp. 61 – 70.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.7.
Received 12.09.2023, accepted 17.03.2024, available online
30.03.2024.

ABSTRACT

Digitalization of the national and world economy brings new elements to the years established character of trade and economic relations. Cryptocurrency is one of them. At the current stage of development of private law of the Russian Federation, the legislation shows signs of a developed position on the issue of the place and role of cryptocurrency as a type of digital financial asset. At the same time, the tendentiousness of the concept adopted in the Russian Federation with the global system of legal methods of identification of cryptocurrencies gives rise to risks of both legal and financial nature for the national financial system. First of all, it is worth noting the risk of acquiring tacit payment power in the conditions of uncontrolled circulation of cryptocurrencies. The latent nature of the said asset cannot be unnoticed in the development of the system of legal conditions of civil turnover of digital currencies. The selective way of protecting the rights of cryptocurrency owners proposed by the legislator does not convince that it is admissible in the conditions of high-risk economic nature of cryptocurrencies and the legal nature of digital assets as objects of civil rights and obligations has not been studied yet.

KEYWORDS

Cryptocurrency; bitcoin; blockchain; fiat money; cryptocurrency trading risks.

FOR CITATION

Zemlyachenko Y. V. Risks of the Cryptocurrency's Objectability in the Realities of the Growing Digitalization of the Russian Economy. *Prologue: Law Journal*, 2024, no. 1, pp. 61 – 70. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.7.

В современном торгово-экономическом обороте цифровые активы все больше и больше приобретают характер «экономической доминанты».

С учетом высокого удельного веса дистанционной формы торговли, развития ИТ-технологий и искусственного интеллекта как системообразующей основы современных экономических и финансовых отношений, термин «цифровой актив» находится в центре внимания российской экономической повестки. В такой ситуации российское право не могло остаться в стороне и в достаточно сжатые сроки были приняты нормы права, посвященные цифровым правам и финансовым активам, анализ которых является целью настоящего исследования.

Следует особо подчеркнуть глобальную мировую «рефлексию» на первый цифровой актив, которой, с точки зрения его правовой характеристики, до сих пор находится в центре научной дискуссии. Речь идет о цифровой валюте (digital currency). В каком-то смысле курьезность появления данного актива заключалась в том, что в сознании большинства покупателей первых биткоинов (bitcoin), сам биткойн не ассоциировался с чем-то конкретным. Как отмечают ряд экспертов, биткойн за сравнительно короткий промежуток времени успел пройти путь от непонятого феномена до самой популярной криптовалюты, в каком-то смысле создав конкуренцию традиционной банковской системе и серьезную угрозу целым отраслям¹.

Как представляется, «непонятный феномен», наверное, впервые за всю историю развития права стал товаром высокого спроса, цена которого росла в геометрической прогрессии на фоне шока от того, что его стало возможным продать или купить. Определенная ценовая предсказуемость изучаемого явления стала возможной в 2018 году, когда производные финансовые инструменты от цены на биткойн стали торговаться на крупных американских торговых площадках Euronext и на NASDAQ².

Вместе с тем нельзя не отметить, что на современном этапе экономическое и правовое сообщество достаточно глубоко изучило тему цифровизации экономики. Понятие криптовалюты с разной степенью детализации известно всем и каждому, но, несмотря

на определенную ясность в изучении криптовалюты как объекта гражданских прав, все ещё существует высокая степень риска для финансовой системы от скрытых возможностей цифровой природы рассматриваемого явления.

Следует особо подчеркнуть, что еще в 2015 году в докладе Всемирного экономического форума был сделан прогноз, что к 2027 году около 10 процентов мирового валового внутреннего продукта будет сконцентрировано в технологиях, построенных на системе блокчейн³. В Российской Федерации на потребность развития цифровой экономики на официальном уровне было обращено внимание в 2017 году. Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203 была утверждена стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 – 2030 годы. Во исполнение Указа Президента Российской Федерации 28 июля 2017 года Распоряжением Правительства Российской Федерации № 1632-р утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации».

Право Российской Федерации в отличие от ряда иностранных юрисдикций достаточно оперативно среагировало на появление нового финансового актива в мировом пространстве. В 2019 году в Гражданском кодексе Российской Федерации появилась статья 141.1, которая дала правовую коннотацию понятию цифровых прав. Так, в соответствии с частью первой указанной статьи цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе *обязательственные и иные права*, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом возможны только в информационной системе без обращения к третьему лицу. Развивая положения указанной нормы права, в 2020 году в Российской Федерации был принят Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

¹ URL: <https://vc.ru/crypto/591150-istoriya-sozdaniya-i-voshozhdeniya-bitkoina> (дата обращения: 23.08.2023).

² URL: <https://bank.yuga.ru/analitika/6504.html> (дата обращения: 23.08.2023).

³ Deep Shift: Technology Tipping Points and Societal Impact. World Economic Forum. Survey Report. September 2015. URL: https://www3.weforum.org/docs/WEF_GAC15_Technological_Tipping_Points_report_2015.pdf (дата обращения: 23.09.2023).

Федерации» (далее также — Закон, Закон о ЦФА), который вступил в силу 1 декабря 2022 года. Указанный нормативный правовой акт дает классификацию цифровым правам. К их числу Закон относит *цифровой финансовый актив и цифровую валюту*. В контексте настоящей статьи научный интерес обращен к понятию цифровой валюты, под который Закон признает совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам.

Таким образом, впервые торговый оборот столкнулся с вызовом цифровой реальности, признав совокупность электронных данных не только в качестве товара, но и в качестве средства платежа (валюты).

В этой связи возникает вопрос: насколько приемлемо такое решение и какие риски возникают вследствие его принятия? Ранее отмеченная виртуальная основа рассматриваемого цифро-правового явления, требует выделения основных качеств криптовалюты, как объекта права. Главный вопрос, который часто игнорируется учеными-юристами: что же дает криптовалюте характер объекта экономического оборота, почему криптовалюта заставила по-разному, но вместе с тем очень масштабно определить свой правовой статус и пределы обращения в юрисдикциях всех игроков мирового рынка капиталов? Ответ на это вопрос кроется в цифровой природе изучаемого объекта права. Рассмотрим экономическое содержание криптовалюты на примере биткоина.

Биткоин — это вид криптовалюты, построенный на системе распределенного реестра блокчейн, который не может существовать без указанной системы и соответственно является исключительно продуктом майнинга блоков системы⁴.

⁴ Указанное определение сформулировано автором на основе анализа технических особенностей эмиссии биткоина и сделок с ним.

Соответственно, биткоин и аналогичная ему криптовалюта не может выступать самостоятельным надстроенным элементом над системой блокчейн. Биткоин инкорпорирован (встроен) в тело каждого блока и не может быть отделен от него.

Система распределенного реестра обеспечивает экономическую ценность высокой степени защищенности хранимой в ней информации, а цифровой код монетизируется за счет высокой степени конфиденциальности. Таким образом, один биткоин в экономическом смысле — это составляющий элемент системы распределенного реестра блокчейн, обеспечивающий монетизацию её блока и гарантирующий его владельцу высокую степень защиты информации о нем самом.

Однако следует отметить, что указанная сумма могла бы существовать и без своей монетизации, как простая совокупность электронных свойств, то есть как любая цифровая программа для ЭВМ. В таком случае рынок получил бы новый объект патентного права, и правовая дискуссия на этом закончилась. Добавление же к рассмотренным свойствам криптовалюты придает ей совершенно иные потребительские качества со свойством средства платежа, о чем указано в части 3 статьи 1 Закона. Таким образом система распределенного реестра блокчейн плюс ей же порождаемая криптовалюта (в нашем примере биткоин) создают *альтернативную финансовую систему*. Указанная система сама по себе является главным риском, вызванным самим фактом признания криптовалюты в качестве объекта гражданских прав. Так как в юридическом смысле происходит объектозамещение программы для ЭВМ на её производную — криптовалюту (совокупность электронных данных).

Используя сложившуюся в науке гражданского права систему взглядов на природу денег, криптовалюта единогласно российскими учеными, изучающими её правовую природу, признана частными деньгами. Безусловно, с таким выводом невозможно спорить, но современная коннотация частных денег перешла рубежи того понятия, о котором писал Л. А. Лунц: «Частные деньги — это денежные знаки, не снабженные законною платежною силою и поэтому являющимися "провизорными" деньгами, то есть такими, которые по требованию держателя размениваются на денежные знаки, обладающие платежною силою по закону» [4, с. 56]. К числу таковых автор относит векселя, чеки, государственные кредитные билеты [Там же]. Цифровая валюта не является закон-

ным платежным средством, но по природе своей претендует на признание её таковой. Это факт признан авторами Закона в определении цифровой валюты. Цифровая валюта — это совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, одновременно не обладая качествами национальной или межнациональной валюты. Вексель и чек по своей правовой природе всегда были и остаются ценными бумагами. Их платежная функция носит сугубо условный характер, обусловленный особенностями их использования в гражданском обороте. Векселедержатель, передавая вексель своему кредитору в качестве способа оплаты долга погашает свои обязательства и одновременно переуступает свои права требования к векселедателю. Это не что иное, как форма движения капитала. Не следует также забывать о том, что экономическая ценность векселя сама по себе не выходит за рамки объема денежной эмиссии той валюты, в которой она номинирована. Да и сам вексель не является эмиссионной ценной бумагой, что в равной степени с его производностью от базовой валюты его номинала обеспечивает незыблемость основ финансовой системы государства. Природа чека, как вида частных денег, связанных с валютой платежа, более очевидна и не требует анализа.

Цифровая валюта по определению уже является средством платежа и главный вопрос заключается в том, какова цель такого признания, что заставило законодателя в норме дефиниции признать за цифровой валютой свойство платежной силы?

На первый взгляд ответ достаточно очевиден. Понятие денег формируется не законодателем, а рынком; оно экономическое, а не юридическое. Государство может лишь ограничить или запретить использование того или иного вида денег, а также определить, какие виды денег обязательны к приему на его территории (определить законное платежное средство). Для целей гражданского права важно, признается ли передача актива участниками оборота собственно платежом по денежному обязательству или речь идет о замене исполнения [4, с. 49; 6, с. 4].

Таким образом, цифровая валюта по идее её создателей, это частная валюта, награда за правильное решение математической задачи. Она может передаваться со счета на счет и также имеет свою рыночную стоимость. Это юридическая констатация объ-

ективных свойств криптовалюты. Как пишет Е. А. Суханов, криптовалюта — это «частные деньги», что по сути своей является денежным суррогатом. В частности, автором отмечается: «Поскольку цифровой валютой является "совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа", но при этом не являющейся ни денежной единицей Российской Федерации, ни денежной единицей иностранного государства, ни международной денежной или расчетной единицей, допустимо утверждение, что при известных условиях криптовалюта может выполнять экономические функции платежного средства. Однако юридически она не становится ни валютой, ни деньгами, из чего следует условность данного понятия с позиций гражданского оборота. По правовому режиму криптовалюта не может приравниваться к безналичным денежным средствам уже потому, что последние юридически представляют собой разрешенные законом формы безналичных (денежных) расчетов. Бесконтрольный, ничем не ограниченный свободный выпуск частными лицами «платежных средств» (а по сути «частных денег», каковыми являются криптовалюта) неизбежно ведет к вытеснению из имущественного оборота эмитированных государством денег, а потому не может быть разрешен публичной властью (государством), которая в силу экономических причин не должна утрачивать монополию на денежную эмиссию и контроль за денежным обращением [12, с. 7–29].

А. И. Савельев также для себя решил указанную проблему посредством разделения юридического и экономического понятия денег. Автор подчеркивает, что юридическое понятие денег непосредственно связано с понятием законного платежного средства (*legal tender*) и также с появлением государственной монополии на денежную эмиссию [8, с. 136–153].

В рамках исследования данного вопроса невозможно не отметить позицию зарубежной доктрины.

Так, Юридическое Сообщество Англии и Уэльса (*Law Society of England and Wales*) совместно с Лондонской Ассоциацией Адвокатов в области наукоемких технологий (*Tech London Advocates*), изучая вопрос понятия криптовалюты отмечали следующее: «Из-за большого разнообразия используемых систем и видов представленных активов трудно сформулировать четкое определение

условных платежных токенов, таких как биткоины. Задача усложняется также тем, что сфера технологий показывает очень стремительное развитие, что также не позволяет определиться с дефиницией понятия криптовалюты⁵.

Банк Англии на своем официальном сайте дал следующее определение понятию криптовалюта: «Для начала давайте разберем слово "криптовалюта". Первая часть слова, "крипто", означает "скрытый" или "секретный", отражая безопасную технологию, используемую для записи того, кто чем владеет, и для платежей между пользователями. Вторая часть слова, "валюта", говорит нам о причине, по которой криптовалюты были созданы в первую очередь как разновидность электронных денег»⁶.

Следует также особо подчеркнуть итоги работы государственной рабочей группы Великобритании (UK Cryptoassets Taskforce), проводимой для целей анализа потребительских свойств криптовалют. Рабочая группа пришла к выводу, что криптовалюта является альтернативой фиатным валютам [15, с. 7]. Указанный вывод рабочей группы основан на заключении о том, что криптовалютам присущи общепризнанные качества национальной валюты Великобритании (средство обмена, мера стоимости, средство накопления) [15, с. 7; 16, с. 7; 17, с. 67]. При этом в общей системе объектов права криптовалюта, в частности bitcoin, в праве Англии признается имуществом, а не национальной валютой [17, с. 67].

Право ФРГ, рассматривая криптовалюту как объект гражданских прав с присущей ей системностью и последовательностью, на первый взгляд не признает её ни отдельным объектом права, ни формой относительных правоотношений.

Так, немецкая доктрина и судебная практика понимают деньги в узком смысле как платежное средство, которое в силу законодательного установления является обязательным к приему для погашения денежных обязательств. Аналогичное определение

применяется и к иностранным деньгам (иностранной валюте) [13]. Криптовалюта может не приниматься в качестве исполнения обязательства и не является законным платежным средством, а значит, и деньгами [19, с. 477; 20, с. 479–484].

Вместе с тем, несмотря на качественный доктринальный анализ и выводом о недопустимости признания гражданско-правовой объектоспособности у криптоденег, как у валюты, следует особо подчеркнуть, что немецкая доктрина отходит от собственных убеждений и допускает использование криптовалюты, в том числе как средства платежа, исходя из общественной теории денег, опираясь на их общие функции. В частности, отмечается, что криптовалюта могла бы рассматриваться в качестве денег с позиций общественной теории, в соответствии с которой деньги возникают в силу признания их оборотом, а не государством. Отдельные виды криптовалют, например, биткоин, получили уже достаточное распространение, чтобы выполнять присущие деньгам экономические функции — быть средством обращения, мерой стоимости и средством сбережения. Функция средства обращения предполагает, что при дальнейшем обмене актива не возникнет высоких транзакционных издержек. В случае с биткоином это условие выполняется частично ввиду его невысокой сравнительно с фиатными деньгами распространенности. Высокая волатильность биткоина негативно отражается на его функции средства сбережения, однако подобный недостаток свойствен и государственным валютам. В то же время в случае с биткоинами нет центрального регулятора, который мог бы контролировать его рост. Биткоины также являются мерой стоимости для многих товаров, что снижает транзакционные издержки при принятии криптовалюты в качестве оплаты. Тем не менее их волатильность может негативно сказаться на эффективности такой меры стоимости.

Особого внимания заслуживает позиция Европейского парламента, отраженная в его июльском отчете 2018 года по вопросу Криптовалюты и системы Блокчейн (The European Parliament's Cryptocurrencies and Blockchain Report of July 2018). В указанном документе особенно подчеркивается альтернативность криптовалюты фиатным валютам: «Криптовалюта — это цифровое представление стоимости, которое предназначено для того, чтобы представлять собой одноранговую (P2P) альтернативу, используемую в качестве средства обмена общего назначения (неза-

⁵ Blockchain: Legal and Regulatory Guidance. 2nd ed. January 2022, p. 166. URL: <https://www.lawsociety.org.uk/topics/research/blockchain-legal-and-regulatory-guidance-report> ; URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/752070/cryptoassets_taskforce_final_report_final_web.pdf (дата обращения: 19.09.2023).

⁶ URL: <https://www.bankofengland.co.uk/knowledgebank/what-are-cryptocurrencies> (дата обращения: 05.09.2023).

висимо от центрального банка), которая обеспечена механизмом, известным как криптография, и может быть конвертирована в законное платежное средство и наоборот» [15, с. 5; 18, с. 23];

Вышеизложенное с высокой степенью очевидности показывает, что западноевропейская традиция перестает обуздывать стремление цифровых форм проникать над фундаментальными категориями экономического порядка. Рассуждая о природе криптовалюты, даже высоко систематизированная пандектная традиция немецкого права, начиная традиционалистски проводить анализ в рамках сопоставления классической правовой догмы с природой криптовалюты, приходит к логическому выводу об отсутствии оснований признать её в качестве валюты. Вместе с тем, под воздействием возможностей цифровой формы криптовалют, используя категории сугубо конъюнктурного порядка: выгодно, удобно, доступно допускает факт признания за криптовалютой, как инновационным продуктом качества объекта права в форме валюты со всеми присутствующими для неё признаками.

Указанная тенденция даёт все основания полагать, что ведущие представители европейского бизнес-сообщества не исключают вероятности признания за криптовалютой платежной силы равной национальным валютам, и тогда вопрос о роли и правовом статусе ныне используемой европейской валюты может заставить пересмотреть официальное отношение к валютным токенам. Как справедливо отмечает А. И. Савельев: «Как только биткоин или какая-либо иная валюта будет признана законным платежным средством хотя бы в одной стране, то такая криптовалюта станет признаваться валютной ценностью и по российскому законодательству. Это уже заложено в действующем законодательстве о валютном регулировании и валютном контроле, и никаких дополнительных дозволений со стороны законодателя для этого не требуется» [8, с. 136–153]. В этом смысле не разубеждает в обратном позиция о том, что в контексте криптоэкономики слово «валюта» обобщенно используется для обозначения «единицы ценности, которая может быть заработана и использована в определенной экономической системе», а также обменена на что-то равноценное в других экономических системах. То есть вместо слова «coin» с таким же успехом можно использовать термин token (токен) — цифровой маркер или средство доступа или механизм отслеживания некой активности [9, с. 241].

Безусловно, наименование объекта права не может влиять на характер права, применимого для его регулирования. То, что coin это условное наименование цифрового кода, именуемого token не меняет природы криптовалюты и целей их использования. В частности, биткоин активно используется именно для валютных переводов и в качестве валюты платежа, как цифровой актив, обеспечивающий высокий уровень анонимности, трансграничности и защиты транзакции при помощи возможностей системы блокчейн⁷.

Принимая во внимание вышеизложенное, следует особо подчеркнуть особое свойство криптовалют, которое несет в себе риски создания, если не альтернативных, то по крайней мере параллельных финансовых систем. Это их эмиссионность. В исследуемом ракурсе эмиссия, как юридическое понятие сама по себе обуславливает наличие фактора риска для национальной финансовой системы. Поскольку именно объем денежных суррогатов наравне с их востребованностью торговым оборотом порождает угрозу для национальных валют. Вместе с тем следует особо подчеркнуть, что вопрос эмиссии криптоденег не имеет своей легитимации, но техника процесса их создания позволяет однозначно утверждать об их эмиссионной природе. Как отмечает Л. А. Новоселова, к определению цифровой валюты, закрепленного в Законе о ЦФА, возникает много вопросов, начиная с самых очевидных. Например, что имеется в виду, когда речь идет об отсутствии лица, обязанного перед каждым обладателем данных? Какая именно обязанность подразумевается? Если, например, это система, в которой есть лицо, эмитировавшее «электронные данные», и оно в конечном итоге обязалось их принимать с выплатой законных платежных средств определенного государства по определенному курсу, это уже не будет цифровой валютой?

Одним из квалифицирующих признаков цифровой валюты, как следует из текста нормы, является то, что перед каждым ее обладателем оператор и (или) узлы информационной системы обязаны обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такой информационной системе её правилам. Вместе с тем в экспертном заключении Совета по кодификации гражданского зако-

⁷ URL: <https://vas3k.blog/blog/blockchain/> (дата обращения: 10.11.2023).

нодательства обоснованно отмечалось, что «данный квалифицирующий признак не характерен ни для одного из известных видов криптовалют, существующих в публичных распределенных реестрах. У криптовалют, как правило, отсутствует оператор, а узлы сети не имеют никаких обязанностей перед пользователями сети в связи с обращением таких объектов» [6, с. 5].

С технической точки зрения эмиссия криптовалюты называется майнингом, который в российском праве не получил своего нормативного определения, в отличие, к примеру, от права Белоруссии [7]. В науке также данному понятию уделялось внимание [10, с. 42–54; 11, с. 88–92]. В целом под майнингом понимается процесс создания электронного токена и передача его в качестве награды за правильное решение математической задачи с результатом в виде хэш-кода. В отличие от эмиссии национальных валют, эмиссия криптовалют имеет свой математический предел. В частности, предельно возможное количество биткоинов ограничено 21 000 000 [5, с. 198]. К моменту написания настоящей статьи объем капитализации только самой популярно криптовалюты биткоина составляет почти 730 миллиардов долларов США⁸, что равно ¼ части доходной части бюджета Российской Федерации на 2023 год⁹. Капитализация другой популярной криптовалюты эфира составляет почти 256 миллиардов долларов США¹⁰. В периоды повышенного спроса на латентный актив в 2022 году капитализация рынка криптовалют составляла около 5-6 триллионов долларов США¹¹, что почти в два раза больше доходной части бюджета Российской Федерации на 2023 год¹².

Таким образом, в 2023 году около 5–6 триллионов долларов США находится в официально признанной законодательством Российской Федерации теневой финансовой системе.

Следует особо подчеркнуть, что такого рода рассуждения могли бы казаться «досужими домыслами», принимая во внимание, например, объем капитализации рынка цен-

ных бумаг. Однако Банк России в 2022 году в своем отчете дал крайне негативные отзывы о возможности признания права на криптовалюты. Потенциальное использование криптовалют в качестве средства платежа за товары и услуги создает риск подрыва денежного обращения и утраты суверенитета национальной валюты. Данная проблема (криптоизация) аналогична проблеме валютизации. Высокий уровень валютизации или криптоизации означает, что эффект от проведения денежно-кредитной политики центрального банка будет очень ограниченным, а уровень инфляции постоянно повышенным. Для сдерживания инфляции необходимо будет поддерживать на постоянной основе более высокий уровень ключевой ставки. Это снизит доступность кредитования для граждан и бизнеса. Также вследствие перетока капитала из традиционной финансовой системы на криптовалютный рынок существует риск снижения объемов финансирования реального сектора экономики.

Отток средств из традиционных ценных бумаг (акций, облигаций) в криптовалюты приведет к падению капитализации российского фондового рынка и ограничит возможности эмитентов по привлечению инвестиций. Это негативно отразится на развитии экономики, снизит потенциальные темпы роста доходов граждан и увеличит безработицу. С точки зрения платежного баланса массовая покупка населением криптовалюты означает отток капитала из страны, ослабление курса рубля¹³. Таким образом, Банк России видит глобальную угрозу всей финансовой системы от признания права на оборот криптовалют. Он не признает право на криптовалюту не только, как на конкурентную валюту российскому рублю, но и как на финансовый актив в целом. Представляется, что причиной тому выступают главные факторы монетизации криптовалют. Это *латентность правообладателя, трансграничная природа их эмиссии и бесконтрольность переводов*. Данные признаки следует также отнести к очередным факторам риска признания права на криптовалюты. Об указанных рисках для национальной экономики высказывались также и представители правоохранительных органов Российской Федерации¹⁴.

Таким образом, подводя итог проведенному анализу, следует отметить следующее.

⁸ URL: <https://myfin.by/crypto-rates/bitcoin> (дата обращения: 10.11.2023).

⁹ URL: <http://duma.gov.ru/news/55836/> (дата обращения: 10.11.2023).

¹⁰ URL: <https://myfin.by/crypto-rates/ethereum-usd> (дата обращения: 10.11.2023).

¹¹ URL: <https://www.finam.ru/publications/item/kriptovalyutnyiy-rynok-chto-eto-i-kakimiosobennostyami-obladaet-20230311-211700/> (дата обращения: 10.11.2023).

¹² URL: <http://duma.gov.ru/news/55836/> (дата обращения: 10.11.2023).

¹³ URL: http://www.cbr.ru/content/document/file/132241/consultation_paper_20012022.pdf (дата обращения: 15.09.2023).

¹⁴ URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/news-86432/> (дата обращения: 20.09.2023).

Криптовалюты в том виде, в котором они признаны российским правом, это денежный суррогат с присущими ему такими факторами риска для национальной финансовой системы, как *эмиссионная природа, недоступность для государственного контроля за законным оборотом в виду цифровой латентности, возможность трансграничных переводов с нарушением норм валютного законодательства.*

Неопределенность самого явления как объекта права, несмотря на нормативное закрепления его понятия в части третьей статьи 1 Закона, подтверждается его идейным принятием со стороны органов государственной власти, стоящих на страже финансовой стабильности российской экономики. Ученые и практики практически все едины во мнении, что правовой статус криптовалюты и принципы его оборота остаются все ещё туманными [2, с. 6–15; 3, с. 41–47; 6, с. 3–8; 12, с. 7–29; 14, с. 31–54]. Латентная и, как следствие, криминальная природа криптовалюты не позволяет говорить о ней как о новом витке популярности частных денег. Биткоин, эфир и другие

виды популярных криптовалют — это денежные суррогаты в значении формы подмены фиатных валют. Так или иначе сами по себе криптовалюты не имеют ценности и не являются производными от какого-нибудь вида базового актива. Это технически совершенная форма для финансовых злоупотреблений, о чем свидетельствуют факты их использования в криминальных целях¹⁵ [1, с. 13–16].

Безусловно, не следует «вместе с водой выплескивать и ребенка». Криптовалюта в техническом смысле — это производная от системы распределенного реестра — блокчейн, которая сама по себе признана значимым открытием в условиях цифровизации экономики¹⁶. Однако формы контроля за её правомерным использованием не могут носить ограничено-определенный характер, как это представлено в части 3 статьи 14 Закона о ЦФА. Представляется, что риски, обусловленные природой явления, требуют их устранения посредством использования альтернативных экономически привлекательных законных форм, чем возможно может стать цифровой рубль.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гринько С. Д. Проблемы квалификации коррупционных преступлений при использовании цифровой валюты в качестве взятки // Юрист. — 2022. — № 6. — С. 13–16.
2. Ефимова Л. Г. О правовой природе безналичных денег, цифровой валюты и цифрового рубля // Цивилист. — 2022. — № 4. — С. 6–15.
3. Костикова Е. Г. Криптовалюты в финансовой системе России: новые подходы к правовому регулированию // Безопасность бизнеса. — 2022. — № 4. — С. 41–47.
4. Лунц Л. А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. — Изд. 2-е, испр. — Москва : Статут, 2004. — 348 с.
5. Максуров А. А. Блокчейн, криптовалюта, майнинг: понятие и правовое регулирование : монография. — Москва : Дашков и К, 2020. — 198 с.
6. Новоселова Л. А. О запрете использования криптовалют в Законе о цифровых финансовых активах // Хозяйство и право. — 2021. — № 3. — С. 3–8.
7. Полякова В. Э. Правовые аспекты майнинга криптовалюты // СПС «КонсультантПлюс».
8. Савельев А. И. Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // Закон. — 2017. — № 8. — С. 136–153.
9. Свон М. Блокчейн. Схема новой экономики : пер. с англ. — Москва : Олимп-Бизнес, 2017. — 234 с.
10. Ситник А. А. Технология блокчейн в платежных системах // Актуальные проблемы российского права. — 2021. — № 5. — С. 42–54.
11. Субботин Г. В. Заменят ли криптовалюты обычные деньги? // Хозяйство и право. — 2022. — № 3. — С. 88–92.
12. Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. — 2021. — № 6. — С. 7–29.
13. Федоров Д. В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта // Вестник гражданского права. — 2018. — № 2. — С. 30–74.
14. Цифровые права как новый объект гражданского права / Л. Новоселова, А. Габов, А. Савельев [и др.] // Закон. — 2019. — № 5. — С. 31–54.
15. Armstrong Dean, Samuels Marc. Cryptocurrency in Matrimonial Finance. — London : Dublin : Edinburg : New York : New Dalhi : Sidney : Bloomsbury Professional Ltd, 2022. — 153 p.

¹⁵ URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/6393332a9a794718443ac7a5> (дата обращения: 11.11.2023).

¹⁶ URL: https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/71f/Doklad_FINAL.pdf (дата обращения: 11.11.2023).

16. Gleeson Simon. *The Legal Concept of Money*. — Oxford University Press, 2018. — 256 p.
17. Financial Technology and the Law: Combating Financial Crime / Doron Goldbarsht, Louis de Koker (eds). — Springer, 2022. — 328 p. — (Law, Governance and Technology Series, 47).
18. Houben Robby, Snyers Alexander. *Cryptocurrencies and Blockchain: Legal context and implications for financial crime, money laundering and tax evasion*. European Parliament, 2018. — URL: <https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/150761/TAX3%20Study%20on%20cryptocurrencies%20and%20blockchain.pdf>.
19. Kaulartz Markus. *Die Blockchain-Technologie: Hintergründe zur Distributed Ledger Technology und zu Blockchains* // *Computer und Recht*. — 2016. — Vol. 32 (7). — S. 474–480.
20. Sorge Christoph, Krohn-Grimberghe Artus. *Bitcoin: Eine erste Einordnung* // *Datenschutz und Datensicherheit*. — 2012. — Band. 36 (7). — S. 479–484.

REFERENCES

1. Grinko S. D. Problems of qualification of corruption-related crimes in the use of the digital currency as a bribe. *Yurist = Jurist*, 2022, no. 6, pp. 13–16. (In Russian).
2. Efimova L. G. On the legal nature of non-cash money, digital currency and digital ruble. *Tsivilist = Civil Lawyer*, 2022, no. 4, pp. 6–15. (In Russian).
3. Kostikova E. G. Cryptocurrencies in the Russian financial system: New approaches to the legal regulation. *Bezopasnost biznesa = Business security*, 2022, no. 4, pp. 41–47. (In Russian).
4. Lunts L. A. *Dengi i denezhnye obyazatelstva v grazhdanskom prave* [Money and Liabilities in Civil Law]. 2nd ed. Moscow, Statut Publ., 2004. 348 p.
5. Maksurov A. A. *Blokchein, kriptovalyuta, maining: ponyatie i pravovoe regulirovanie*. [Blockchain, Cryptocurrency, Mining: The Concept and Legal Regulation]. Moscow, Dashkov and K Publ., 2020. 298 p.
6. Novoselova L. A. On the Prohibition of the Use of Cryptocurrencies in the Law on Digital Financial Assets. *Khozyaistvo i pravo = Economy and Law*, 2021, no. 3, pp. 3–8. (In Russian).
7. Polyakova V. Eh. *Legal Aspects of Cryptocurrency Mining*. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=145499>. (In Russian).
8. Savelyev A. I. Cryptocurrencies in the system of civil law objects. *Zakon = Statute*, 2017, no. 8, pp. 136–153. (In Russian).
9. Swan Melanie. *Blockchain: Blueprint for a New Economy*. Beijing : Cambridge : Farnham : Koln : Sebastopol : Tokyo : O'Reilly, 2017. 240 p.
10. Sitnik Aleksandr A. Blockchain Technology in Payment Systems. *Aktualnye problemy rossiiskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2021, no. 5, pp. 42–54. (In Russian).
11. Subbotin G. V. Will Cryptocurrencies Replace Ordinary Money? *Khozyaistvo i pravo = Economy and Law*, 2022, no. 3, pp. 88–92. (In Russian).
12. Sukhanov E. A. On the civil legal nature of "digital property". *Vestnik grazhdanskogo prava = Civil Law Review*, 2012, no. 6, pp. 7–29. (In Russian).
13. Fedorov D. V. Tokens, Cryptocurrency and Smart Contracts in Domestic Bills from the Perspective of Foreign Experience. *Vestnik grazhdanskogo prava = Civil Law Review*, 2018, no. 2, pp. 30–74. (In Russian).
14. Novoselova L., Gabov A., Savelev A. et al. Digital rights as a new object of civil rights. *Zakon = Statute*, 2019, no. 5, pp. 31–54. (In Russian).
15. Armstrong Dean, Samuels Marc. *Cryptocurrency in Matrimonial Finance*. Bloomsbury Professional Ltd, 2022. 153 p.
16. Gleeson Simon. *The Legal Concept of Money*. Oxford University Press, 2018. 256 p.
17. Goldbarsht Doron, Koker, Louis, de (eds). *Financial Technology and the Law: Combating Financial Crime*. Springer, 2022. 328 p. (Law, Governance and Technology Series, 47).
18. Houben Robby, Snyers Alexander. *Cryptocurrencies and Blockchain: Legal context and implications for financial crime, money laundering and tax evasion*. European Parliament, 2018. URL: <https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/150761/TAX3%20Study%20on%20cryptocurrencies%20and%20blockchain.pdf>.
19. Kaulartz Markus. *Die Blockchain-Technologie: Hintergründe zur Distributed Ledger Technology und zu Blockchains*. *Computer und Recht*, 2016, Vol. 32 (7), SS. 474–480. (In German).
20. Sorge Christoph, Krohn-Grimberghe Artus. *Bitcoin: Eine erste Einordnung*. *Datenschutz und Datensicherheit*, 2012, Band. 36, Vol. 7, SS. 479–484. (In German).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Земляченко Ярослав Владимирович (Белгород) — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Белгородского государственного национального исследовательского университета (НИУ «БелГУ») (308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85, e-mail: zemlychenko@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Zemlyachenko, Yaroslav V. (Belgorod) — Cand. Sci. (Law), Assoc. Professor of the Civil Law and Procedure Department, Belgorod State National Research University (85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia, e-mail: zemlychenko@mail.ru).

ПРОЛОГ:

ЖУРНАЛ О ПРАВЕ

PROLOGUE:

LAW JOURNAL

Zemlyachenko Y. V. Risks of the Cryptocurrency's Objectability in the Realities of the Growing Digitalization of the Russian Economy

Земляченко Я. В. Риски объектоспособности криптовалют в реалиях нарастающей цифровизации российской экономики

**ДЕПОНИРОВАНИЕ КАК СПОСОБ ФИКСАЦИИ СОЗДАНИЯ
ОБЪЕКТОВ АВТОРСКИХ И СМЕЖНЫХ ПРАВ В СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»**

**ИНФОРМАЦИЯ
О СТАТЬЕ**

Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 1. — С. 71 — 79.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.8.
Дата поступления 03.10.2023, дата принятия к печати 17.03.2024,
дата онлайн-размещения 30.03.2024.

АННОТАЦИЯ

В современном мире проблема защиты авторских и смежных прав в сети «Интернет» вызвана стремительным развитием цифровых технологий и несовершенством законодательного регулирования по вопросам защиты указанных прав. Самыми распространенными нарушениями интеллектуальных прав в сети «Интернет» являются плагиат и пиратство. В основном такие нарушения связаны с затруднительностью их выявления правообладателем, а также сложностью доказывания принадлежности авторских и смежных прав на результаты интеллектуальной деятельности конкретному лицу. В статье автор рассматривает депонирование как современный и актуальный способ фиксации создания результатов интеллектуальной деятельности, распространяемых в сети «Интернет». В настоящее время в интернете существует множество сервисов (специальных платформ), которые позволяют осуществлять депонирование объектов авторских и смежных прав. Большинство таких сервисов используют технологии блокчейн, которые представляют собой технологии распределенного реестра. На практике применение таких технологий вызывает определенные сложности, так как на законодательном уровне отсутствует правовое регулирование указанных технологий. Записи в блокчейне удостоверяют наличие прав владельца на цифровые активы. Такие записи именуются токенами и содержат в себе информацию о правообладателях на результаты интеллектуальной деятельности. На законодательном уровне депонирование результатов интеллектуальной деятельности не является обязательным и не регулируется законом. Кроме того, депонирование не подтверждает авторство конкретного лица на объект авторского или смежного права. В целях фиксации создания результатов интеллектуальной деятельности в цифровой среде и защиты авторских и смежных прав, подтверждения авторства на такие результаты, автор предлагает создать общедоступный всероссийский реестр интеллектуальных прав — единый реестр результатов интеллектуальной деятельности, ведение которого может быть отнесено к компетенции Роспатента.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Авторские и смежные права; сеть «Интернет»; плагиат и пиратство; депонирование; блокчейн; невзаимозаменяемый токен.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Адамян К. М. Депонирование как способ фиксации создания объектов авторских и смежных прав в сети «Интернет» // Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 1. — С. 71 — 79. — DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.8.

UDC 347.78**К. М. Adamyan**

*The Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg, Russian Federation
ORCID: 0009-0003-6815-6503
ResearcherID: JGC-8064-2023*

**DEPOSITING AS A WAY OF FIXING THE CREATION OF
COPYRIGHT AND RELATED RIGHTS OBJECTS ON THE INTERNET****PUBLICATION DATA**

Prologue: Law Journal, 2024, no. 1, pp. 71 — 79.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.8.
Received 03.10.2023, accepted 17.03.2024, available online 30.03.2024.

ABSTRACT

In the modern world the problem of protecting copyright and related rights on the Internet is caused by the rapid development of digital technologies and the imperfection of legislative regulation on the protection of these rights. The most common violations of intellectual property rights on the Internet are plagiarism and piracy. Such violations are related to the difficulty of their identification by the copyright holder, as well as the difficulty of proving the ownership of copyright and related rights to the results of intellectual activity to a specific person. In the article, the author considers depositing as a modern and relevant way of recording the creation of the results of intellectual activity distributed on the Internet. Currently, many services (special platforms) on the Internet allow depositing objects of copyright and related rights. Most of these services use blockchain technologies, which are distributed registry technologies. In practice, the use of such technologies causes certain difficulties, since there is no legal regulation of these technologies at the legislative level. Records in the blockchain certify the existence of the owner's rights to digital assets. Such records are called tokens and contain information about the copyright holders for the results of intellectual activity. At the legislative level, the deposit of the results of intellectual activity is not mandatory and is not regulated by law. In addition, the deposit does not confirm the authorship of a particular person for an object of copyright or related rights. In order to fix the creation of the results of intellectual activity in the digital environment and protect copyright and related rights, confirm authorship of such results, the author proposes to create a publicly available All-Russian register of intellectual rights as an unified register of intellectual activity results, the maintenance of which can be attributed to the competence of Rospatent.

KEYWORDS

Copyright and related rights; the Internet; plagiarism and piracy; deposit; blockchain; non-fungible token.

FOR CITATION

Adamyan K. M. Depositing as a Way of Fixing the Creation of Copyright and Related Rights Objects on the Internet. *Prologue: Law Journal*, 2024, no. 1, pp. 71 — 79. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.8.

На современном этапе развития цифровых технологий актуальным становится вопрос защиты авторских и смежных прав в сети «Интернет» (далее также — интернет). Количество нарушений таких прав в интернет-пространстве с каждым годом увеличивается.

Прежде всего это связано с тем, что правонарушения, совершаемые с использованием сети «Интернет», достаточно сложно поддаются выявлению и пресечению. Например, нарушитель может действовать анонимно или находиться в другой стране, с которой у Российской Федерации не заключен международный договор. Кроме того, используя специальные компьютерные программы (например, VPN-сервисы), нарушитель может искусственно изменять свое местоположение на другое государство, что влечет за собой определенные сложности не только в установлении местонахождения нарушителя, но и в привлечении его к ответственности, которое фактически становится невозможным.

Согласно отчетам о работе арбитражных судов субъектов РФ за 2019, 2020, 2021 и первое полугодие 2022 года арбитражными судами первой инстанции в 2019 году рассмотрено 20140 дел, связанных с охраной интеллектуальных прав, из которых 24 % дел относится к защите авторских и смежных прав (4 925 дел). В 2020 году этот показатель составил 21 % (5 528 дел) от общего количества рассмотренных дел, связанных с защитой интеллектуальных прав (25 863 дела). В 2021 году — 29 782 дела, из которых 21 % составляют дела о защите авторских и смежных прав (6 265 дел). В первом полугодии 2022 года количество рассмотренных дел, связанных с охраной интеллектуальных прав, увеличилось и составило 17 984 дела, из которых 25 % дел относится к защите авторских и смежных прав (4 503 дела)¹.

Согласно отчетам о работе судов общей юрисдикции за 2019, 2020, 2021 и первое полугодие 2022 года, судами общей юрисдикции первой инстанции в 2019 году рассмотрено с вынесением решения 1 806 дел о защите интеллектуальной собственности, из них 395 о защите авторских и смежных прав, а также 1 002 дела о защите авторских и (или) смежных прав в сети «Интернет». В 2020 году число рассмотренных судами дел с вынесением решения составило 1 707 дел, из

которых 379 относятся к защите авторских и смежных прав, 1 089 — к защите авторских и (или) смежных прав в сети «Интернет». В 2021 году с вынесением решения рассмотрено 2 433 дела, из них 793 о защите авторских и смежных прав, 1 118 о защите авторских и (или) смежных прав в сети «Интернет». В первом полугодии 2022 года судами рассмотрено с вынесением решения 1 402 дела, из которых 427 о защите авторских и смежных прав, 521 — о защите авторских и (или) смежных прав в сети «Интернет».

Из анализа статистики арбитражных судов РФ прослеживается ежегодный рост числа рассматриваемых по первой инстанции арбитражными судами дел о защите интеллектуальных прав. При этом процентное соотношение рассматриваемых дел о защите авторских и смежных прав к общему количеству рассматриваемых дел о защите интеллектуальных прав остается практически неизменным. Показатели работы судов общей юрисдикции в части рассмотрения ими дел по первой инстанции о защите интеллектуальной собственности, включая авторские и смежные права, отражают несущественные изменения в сторону увеличения числа рассматриваемых дел.

Механизмы защиты результатов интеллектуальной деятельности от незаконного копирования и скачивания в сети «Интернет» без согласия правообладателя являются уязвимыми и не способны в полной мере обеспечить защиту таких результатов от их незаконного использования. Технические средства, позволяющие обходить системы защиты интеллектуальных прав, активно развиваются и пользуются спросом среди пользователей таких средств.

Кроме того, доступность сети «Интернет» предоставляет возможности авторам и исполнителям размещать результаты своей интеллектуальной деятельности в виртуальном пространстве достаточно быстро без предъявления каких-либо требований к такому размещению, что приводит к их распространению не только в пределах территории Российской Федерации, но и за ее пределами.

Такой трансграничный характер распространения результатов интеллектуальной деятельности является предпосылкой к росту числа нарушений интеллектуальных прав на такие результаты и возникновению сложностей защиты указанных прав.

Объективные сложности в защите авторских и смежных прав в интернете связаны с принципом территориальности права интеллектуальной собственности, который

¹ Судебная статистика // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [официальный сайт]. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 03.08.2023).

закрепляет, что законодательство любого государства действует только в пределах юрисдикции этого государства.

В то же время для тех стран, которые являются членами международных договоров в области авторских и смежных прав, принцип территориальности распространяется на территории этих стран в соответствии с этими договорами, и приобретает экстерриториальный характер.

К таким международным договорам, в частности, относятся Всемирная конвенция об авторском праве от 6 сентября 1952 года², Бернская конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 года³, Международная конвенция об охране прав исполнителей, изготовителей фонограмм и вещательных организаций от 26 октября 1961 года⁴, Конвенция об охране интересов производителей фонограмм от незаконного воспроизводства их фонограмм от 29 октября 1971 года⁵, Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности по авторскому праву от 20 декабря 1996 года⁶ и Договор Всемирной организации интеллектуальной собственности по исполнениям и фонограммам от 20 декабря 1996 года⁷, Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 года⁸.

В силу части 1 статьи 44 Конституции РФ интеллектуальная собственность охраняется законом, в связи с чем государство гарантирует защиту интеллектуальной собственности, в том числе авторских и смежных прав на результаты интеллектуальной деятельности.

Интеллектуальные права являются по своей природе субъективными правами на интеллектуальную собственность [6, с. 61] и включают в себя исключительное право, являющееся имущественным правом, а также личные неимущественные права и иные

права, в том числе право следования, право доступа и другие права на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации.

Как отмечалось выше, существенное количество нарушений авторских и смежных прав происходит в связи с использованием сети «Интернет». Среди таких нарушений выделяют плагиат и пиратство, определенных которых действующее гражданское законодательство не содержит [2, с. 168–171].

На практике под плагиатом понимают присвоение авторства на чужой результат интеллектуальной деятельности, которое выражается в незаконном использовании такого результата творческого труда или распоряжении им, а также распространении его под своим именем без указания действительного автора.

В свою очередь, пиратство — это незаконное копирование, а также распространение произведения без согласия правообладателя (например, музыкального произведения, аудиовизуального произведения, программ для ЭВМ и т.д.).

Среди нарушений незаконного использования объектов авторских или смежных прав распространено незаконное размещение и доведение до неограниченного круга пользователей в сети «Интернет» таких объектов, в том числе фотографических произведений⁹.

Использование объектов авторских и (или) смежных прав в сети «Интернет» может подтверждаться сделанными и заверенными правообладателем распечатками материалов, размещенных в сети «Интернет» (скриншотов), с указанием адреса интернет-страницы и точного времени ее получения. Использование сложного объекта авторских и (или) смежных прав (в том числе аудиовизуальных изображений, фонограмм) может подтверждаться среди прочего средствами видеофиксации с применением обеспечивающих возможность идентификации и исследования всех характеристик спорного объ-

²Собрание постановлений Правительства СССР. 1973. № 24. Ст. 139.

³Бернская Конвенция по охране литературных и художественных произведений от 9 сентября 1886 г. (ред. от 28 сент. 1979 г.) // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9.

⁴Там же. 2005. № 7.

⁵Там же. 1999. № 8.

⁶Там же. 2016. № 12.

⁷Там же.

⁸Договор о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.) (ред. от 24 марта 2022 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 3 апр. 2023 г.) // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <http://www.eurasiancommission.org/>, 05.06.2014 (дата обращения: 03.08.2023).

⁹См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 20 сентября 2022 г. № 58-КГ22-7-К9; Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 12 мая 2022 г. по делу № 88-10733/2022; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 25 августа 2021 г. № С01-1291/2021 по делу № А56-48588/2020; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 23 апреля 2021 г. № С01-366/2021 по делу № А60-4938/2020 и др. // СПС «Консультант-Плюс».

екта программ для захвата видео с экрана (например, аудио-, видеозапись полного хронометража размещенного объекта)¹⁰.

К объектам авторского права относятся в том числе программы для электронно-вычислительных машин (ЭВМ), которые подлежат правовой охране как литературные произведения, и базы данных, на которые распространяется правовой режим составных произведений [8, с. 22–26]. При этом базы данных могут являться как объектами авторского права, так и объектами смежных прав. В свою очередь, исключительное право изготовителя базы данных является самостоятельным и не зависит от наличия авторских прав на указанную базу данных. Следует отметить, что до 1 января 2008 года базы данных подлежали правовой охране исключительно как объекты авторского права. База данных как объект смежных прав получила правовую охрану с момента введения в действие части четвертой Гражданского кодекса РФ [3, с. 69–85].

Для возникновения, осуществления и защиты как авторских, так и смежных прав не требуется государственная регистрация их объекта, в том числе соблюдение иных формальностей. Действующее законодательство в сфере интеллектуальной собственности предусматривает добровольную регистрацию прав только для программ для ЭВМ и баз данных по желанию авторов, правообладателей.

Авторское и смежное право возникает в силу факта создания объекта, отвечающего условиям охраноспособности, предусмотренным законом. В этом случае первоначальный правообладатель, как правило, автор (соавторы), автоматически приобретает исключительные права на такой результат [5, с. 68].

Важно подчеркнуть, что правообладатель программы для ЭВМ или базы данных вправе их зарегистрировать в Роспатенте. При этом такая регистрация возможна в течение срока действия исключительного права на программу для ЭВМ или базу данных. Следует учитывать, что указанная регистрация не устанавливает право конкретного обладателя на указанные объекты, а только

подтверждает регистрацию объекта за данным лицом, в связи с чем указанное в реестре лицо считается правообладателем до тех пор, пока не доказано иное [8, с. 22–26].

В настоящее время для фиксации факта создания результатов интеллектуальной деятельности активно стало использоваться депонирование.

Депонирование представляет собой передачу (фиксацию) сведений о произведениях (объектах смежных прав) депозитарию, а также представление экземпляра такого произведения (объекта смежных прав), целью которого является свидетельствование факта создания результата интеллектуальной деятельности под именем автора на определенную дату. При этом депонирование не устанавливает авторство на конкретное произведение, в связи с чем право авторства на такое произведение может быть оспорено в судебном порядке при условии, что истец сможет подтвердить свое авторство на данное произведение [1, с. 119–123]. Результатом депонирования, как правило, является выдача свидетельства о депонировании объекта интеллектуальной собственности.

При этом депонирование имеет как отрицательные, так и положительные стороны. Плюсы депонирования: быстрый способ доказать, что произведение было создано в определенный момент и оно принадлежит конкретному лицу, недорогой способ фиксации создания произведения. Минусы депонирования: депонирование может быть оспорено, так как подтверждает только факт создания произведения, но не подтверждает авторство; отсутствует реестр (единая база) задепонированных произведений, что затрудняет проверку таких произведений, их принадлежности.

Гражданский кодекс РФ предусматривает возникновение презумпции авторства в случае, если лицо указано в качестве автора на экземпляре произведения или в реестре программ для ЭВМ или баз данных¹¹. Указанное означает, что такое лицо является автором произведения, пока не доказано иное.

В свою очередь, депонирование является именно тем инструментом, который доказывает факт создания произведения. Депонировать можно различные тексты, фотографии, изображения, аудио- и видеоматериалы и т.д.

¹⁰ О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2023 г. № 15 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 8.

¹¹ См.: п. 109 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

Таким образом, депонированию подлежат именно объекты авторских и смежных прав, а не сами авторские или смежные права.

В одном из дел Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации определила, что факт депонирования подтверждает лишь существование объектов авторского права на момент депонирования, но само по себе не подтверждает право авторства на эти объекты. Депонирование произведения является добровольной, не предусмотренной законом процедурой, с которой закон не связывает наступление каких-либо последствий. Депонирование лишь подтверждает существование в определенный момент времени экземпляра определенного произведения. С фактом депонирования произведения также не связывается установленная статьей 1257 Гражданского кодекса РФ презумпция¹².

Из указанного следует, что депонирование не устанавливает авторство конкретного лица на объект авторского права, а лишь подтверждает существование такого объекта в определенный момент времени. Приведенные разъяснения следует применить и к объектам смежного права.

Авторство конкретного лица могут установить только доказательства, подтверждающие факт создания произведения конкретным лицом (например, свидетельские показания, публикации, черновики, доказательства, основанные на установлении творческого стиля автора и др.).

Депонирование не является доказательством презумпции авторства. При этом суды принимают свидетельство о депонировании как одно из нескольких предоставленных по делу доказательств авторства. В случае, если доказывание авторства будет основываться только на свидетельстве о депонировании, с большой долей вероятности суд посчитает факт авторства недоказанным¹³.

¹² См.: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17 сентября 2020 г. № 305-ЭС20-8198 по делу № А40-46622/219 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³ См.: Решение Арбитражного суда Республики Татарстан от 21 мая 2021 г. по делу № А65-25434/2020; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 30 марта 2022 г. по делу № А56-115787/2020 // СПС «КонсультантПлюс». Определением Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2022 г. № 307-ЭС22-11826 отказано в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации.

Таким образом, депонирование по своей сути не является государственной регистрацией результатов интеллектуальной деятельности, не гарантирует того, что право авторства на такие результаты не будет нарушено в будущем, не предоставляет никаких преимуществ их авторам и правообладателям по сравнению с иными средствами доказывания авторства, а подтверждает лишь существование таких результатов на момент депонирования.

Депонирование произведений в сети «Интернет» осуществляется с помощью специальных сервисов. Среди таких сервисов следует отметить российский сервис IPChain¹⁴, который является специальной площадкой (платформой), используемой в целях защиты прав на различные произведения и научные труды, авторы которых могут получать вознаграждение за их использование. При этом для работы платформы применяется технология блокчейн (технология распределенного реестра).

Указанные сервисы обеспечивают фиксацию и сохранение информации в первоначальном виде, что гарантирует правообладателю неизменность такой информации. Кроме того, стоимость услуг по депонированию результатов интеллектуальной деятельности с использованием указанных сервисов является достаточно низкой и доступной для правообладателей.

При этом владельцы таких платформ не несут ответственность за внесение недостоверной информации их пользователями. Кроме того, действующее законодательство не устанавливает правового статуса таких платформ, в связи с чем возникают сложности в регулировании отношений, возникающих между правообладателями и указанными платформами. Следует отметить, что технология блокчейн также не определена на законодательном уровне и отсутствует ее правовое регулирование, что затрудняет восприятие такой цифровой технологии российской судебной системой.

Блокчейн (blockchain — цепочка блоков) является технологией распределенного реестра, представляет собой распределенную базу данных [7, с. 103]. Технология блокчейн обладает такими свойствами, как: цифровая форма, децентрализация, автономность, использование шифровальных (криптографических) алгоритмов, а также неизменность

¹⁴ Интернет-сайт IPChain. URL: <https://www.ipchain.ru/> (дата обращения: 03.08.2023).

и прозрачность записей. Записи в блокчейне представлены в виде информационных блоков, которые соединены в цепочку и связаны между собой специальными ключами, и образуют реестр. Каждый из блоков такого реестра содержит информацию о предшественнике и совершенных транзакциях, которая не подлежит изменению и удалению. Технология блокчейн применяется в целях хранения и передачи цифровых активов, при этом такая технология способна работать как в публичной, так и в частной сети. Записи в блокчейне именуют токенами, которые содержат в себе записанную в них информацию, например, о результатах интеллектуальной деятельности.

Иными словами, блокчейн представляет собой непрерывную последовательность взаимосвязанных информационных элементов (блоков), которые подтверждены пользователями сети с помощью механизмов консенсуса (согласия), то есть заданного алгоритмом правила подтверждения нового блока в системе [6, с. 11].

Блокчейн предназначен для внесения (добавления) в информацию, которая записывается блоками с применением криптографических алгоритмов таким образом, что каждый последующий блок включает информацию о предыдущем блоке [4, с. 146].

Записи в блокчейне, так называемые токены, удостоверяют наличие прав владельца на цифровые активы. При депонировании объектов авторских и смежных прав с применением технологии блокчейн используются NFT (англ. non-fungible token — «невозменяемый токен»).

Основным преимуществом NFT является то, что он подтверждает факт владения цифровыми активами, такой токен является уникальным и не может быть заменен или замещен другим аналогичным токеном. Владелец NFT имеет право на уникальный цифровой объект, который привязан к определенному NFT, представляющий собой код, записанный в блокчейне [10, с. 114–117].

Таким образом, NFT является способом подтверждения факта создания результата интеллектуальной деятельности, даты его создания, содержит сведения об авторе произведения, приобретателе, а также о передаваемых правах на указанный результат и др. [9, с. 29–39]. Однако право авторства указанного лица может быть оспорено в судебном порядке.

При этом правовая природа NFT в настоящее время не определена, отсутствует правовое регулирование правоотношений, свя-

занных с использованием NFT, в том числе в процессе гражданского оборота объектов авторских и смежных прав. Сам по себе NFT не является подтверждением права на владение цифровыми активами в контексте законодательства об авторских и смежных правах.

Следует отметить, что депонирование объектов авторских и смежных прав с применением технологии блокчейн отвечает современным реалиям в эпоху стремительного развития цифровых технологий и пользуется высоким спросом среди правообладателей таких объектов. Необходимо учитывать, что депонирование не подтверждает авторство лица на конкретный объект авторского или смежного права, а только доказывает факт создания такого объекта. Кроме того, отсутствие правового регулирования технологии блокчейн затрудняет использование такой технологии, так как отсутствует единое понятие и правовой режим данной технологии.

В целях фиксации создания результатов интеллектуальной деятельности в цифровой среде и защиты авторских и смежных прав, а также подтверждения авторства на такие результаты, целесообразно создать общедоступный всероссийский реестр интеллектуальных прав — единый реестр результатов интеллектуальной деятельности. Данный реестр может включать следующие сведения: номер реестровой записи, дата внесения записи, информация о правообладателе, информация об авторе (если он не отказался быть упомянутым в качестве такового), название результата интеллектуальной деятельности, а также представление экземпляра произведения или объекта смежных прав.

Создание единого реестра результатов интеллектуальной деятельности позволит правообладателям объектов авторских и смежных прав заявить о своих правах на такие объекты путем внесения сведений в указанный реестр, систематизировать результаты интеллектуальной деятельности, защитить права авторов и правообладателей и снизить риск их нарушения.

При этом внесение указанных сведений обладателями авторских и смежных прав на результаты интеллектуальной деятельности должно носить исключительно добровольный характер.

Для создания и ведения названного реестра целесообразно использовать современные цифровые технологии, к которым в том числе относится технология блокчейн. Однако прежде чем применять такую технологию в законодательстве следует закрепить понятие и правовой режим данной технологии.

Ведение такого реестра может быть поручено Роспатенту как федеральному органу исполнительной власти, оказывающему государственные услуги в сфере правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации юридических лиц, товаров, работ, услуг и предприятий, нормативно-правовому регулированию вопросов, касающихся контроля, надзора и оказания государственных услуг в установленной сфере деятельности, аналогично иным реестрам, которые ведет Роспатент согласно пункту 5.9 Положения о Федеральной службе по интеллектуальной собственности, утвержденного постановлением Правительства РФ от 21 марта 2012 г. № 218¹⁵.

В настоящее время в России ведутся различные реестры объектов авторских и смежных прав. Так, существует реестр произведений российских правообладателей и реестр произведений зарубежных правообладателей, которые ведет Российское авторское общество (РАО)¹⁶. Указанные реестры содержат информацию об авторе произведения, жанре произведения, а также названии произведения. Ранее РАО также вело реестр депонированных произведений. В июне 2018 года РАО передало полномочия по предоставлению услуги депонирования необнародованных произведений своим официальным партнерам — сервисам, которые специализируются на онлайн-регистрации авторского права и выдают соответствующие свидетельства правообладателям. Организации, осуществляющие депонирование необнародованных произведений: АО «Национальный реестр интеллектуальной собственности» (n'RIS) и ООО «Айрег» (Интеллектуальный регистратор авторских прав IREG).

Российский союз правообладателей (РСП) ведет реестры объектов прав (произведений, фонограмм, аудиовизуальных произведений), а также их правообладателей¹⁷.

¹⁵ О Федеральной службе по интеллектуальной собственности : Постановление Правительства РФ от 21 марта 2012 г. № 218 (ред. от 21 апр. 2022 г.) (вместе с «Положением о Федеральной службе по интеллектуальной собственности») (с изм. и доп., вступ. в силу с 31 дек. 2022 г.) // Российская газета. 2012. 30 марта.

¹⁶ Реестр произведений российских правообладателей и реестр произведений зарубежных правообладателей. URL: <https://rao.ru/information/reestry/> (дата обращения: 03.08.2023).

¹⁷ Реестры произведений, фонограмм, аудиовизуальных произведений и их правообладателей. URL: <https://rp-union.ru/reestr/> (дата обращения: 25.02.2024).

Всероссийская организация интеллектуальной собственности (ВОИС) ведет реестр исполнителей и изготовителей фонограмм¹⁸. Такой реестр включает в себя сведения об исполнителях, изготовителях фонограмм, названии фонограмм, авторах музыки и текста, годе публикации и др.

Российское авторское общество, Российский союз правообладателей, Всероссийская организация интеллектуальной собственности являются аккредитованными организациями по управлению правами на коллективной основе.

В соответствии с законом названным организациям предоставлено право выступать в интересах обладателей интеллектуальных прав на результаты интеллектуальной деятельности. Указанные организации вправе от имени правообладателей, от своего имени или от имени неопределенного круга правообладателей предъявлять требования в суде, а также совершать иные юридические действия, необходимые для защиты прав, управление которыми они осуществляют (п. 5 ст. 1242, ст. 1244 ГК РФ). Однако закон не предусматривает обязательного создания и ведения организациями по управлению правами на коллективной основе указанных реестров и не возлагает на такие организации соответствующих обязанностей по их созданию и ведению. Кроме того, внесение сведений в такой реестр не приравнивается к депонированию, так как для депонирования необходимо представление экземпляра произведения или объекта смежных прав.

Указанные реестры не относятся к федеральным реестрам и их ведение не закреплено на законодательном уровне, следовательно, информация, содержащаяся в таких реестрах, не является обязательной для использования.

В свою очередь, создание общедоступного всероссийского реестра интеллектуальных прав — единого реестра результатов интеллектуальной деятельности (объектов авторских и смежных прав) обеспечит установление правообладателей на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой среде, а также защиту их интеллектуальных прав на такие результаты.

Действующее законодательство, регулирующее вопросы охраны и защиты интеллектуальных прав, требует существенных доработок, в частности по вопросам защиты авторских и смежных прав в сети «Интернет».

¹⁸ Реестр исполнителей и изготовителей фонограмм. URL: <https://rosvois.ru/reestr/> (дата обращения: 03.08.2023).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Асташкина А. В. К вопросу о доказательствах авторских прав на фотографические произведения // Образование и право. – 2020. – № 10. – С. 119–123.
2. Батоболотова Е. Б., Гнеушева Т. Б. О некоторых проблемах защиты авторских прав в сети интернет // Право и практика. – 2020. – № 4. – С. 168–171. – DOI: 10.24412/2411-2275-2020-4-168-171.
3. Бузова Н. В. Государственные реестры – базы данных, охраняемые как объекты смежных прав? // Журнал российского права. – 2019. – № 10. – С. 69–85. – DOI: 10.12737/jrl.2019.10.6.
4. Былинкина Е. В. Блокчейн: правовое регулирование и стандартизация // Право и политика. – 2020. – № 9. – С. 143–155.
5. Васильева Е. Н. Правовая охрана результатов интеллектуальной деятельности, созданных за счет федерального бюджета // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2019. – № 5 (212). – С. 66–81.
6. Волков В. Э. Публично-правовое регулирование цифровых технологий: блокчейн, искусственный интеллект, виртуальная реальность : учеб. пособие. – Самара : Изд-во Самарского университета, 2023. – 118 с.
7. Гринь Е. С. Реестры сложных объектов интеллектуальных прав (на примере аудиовизуальных произведений) // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 8 (81). – С. 99–105.
8. Ламанов С. А. Базы данных как объекты авторских и смежных прав: критерии разграничения // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2011. – № 3 (16). – С. 22–26.
9. Рожкова М. А. NFT и иные токены: право на запись и право из записи // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2022. – Вып. 4 (38). – С. 29–39. – DOI: 10.58741/23134852_2022_4_29.
10. Ходова М. Т., Дзюбанова В. В. Технологии NFT как способ защиты прав интеллектуальной собственности // Юридическая наука. – 2022. – № 8. – С. 114–117.

REFERENCES

1. Astashkina A. V. On the issue of copyright proofs on photographic works. *Obrazovanie i pravo = Education and Law*, 2020, no. 10, pp. 119–123. (In Russian).
2. Batobolotova E. B., Gneusheva T. B. About some problems of copyright protection on the Internet. *Pravoipolitika = Law and Politics*, 2020, no. 4, pp. 168–171. (In Russian). DOI: 10.24412/2411-2275-2020-4-168-171.
3. Buzova N. V. Are Public Registers Being Databases Protected as Objects of Allied Rights? *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2019, no. 10, pp. 69–85. (In Russian). DOI: 10.12737/jrl.2019.10.6.
4. Bylinkina E. V. Blockchain: Legal regulation and standardization. *Pravo i politika = Law and Politics*, 2020, no. 9, pp. 143–155. (In Russian).
5. Vasilyeva E. N. Legal protection of the results of intellectual activity, created at the account of federal budget means. *Imushchestvennye otnosheniya v Rossiiskoi Federatsii = Property relations in the Russian Federation*, 2019, no. 5 (212), pp. 66–81. (In Russian).
6. Volkov V. E. *Publichno-pravovoe regulirovanie tsifrovyykh tekhnologii: blokchein, iskusstvennyy iintellekt, virtualnaya realnost* [Public Law Regulation of Digital Technologies: Blockchain, Artificial Intelligence, Virtual Reality]. Samara University Publ., 2023. 118 p.
7. Grin E. S. Registers of complex objects of intellectual property rights (As exemplified by audiovisual works). *Aktualnye problem rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2017, no. 8, pp. 99–105. (In Russian). DOI: 10.17803/1994-1471.2017.81.8.099-105.
8. Lamanov S. A. Databases as Objects of Copyright and Related Rights: Criteria for Differentiation. *Vestnik Uralskogo instituta ehkonomiki, upravleniya i prava = Bulletin of the Ural Institute of Economics, Management and Law*, 2011, no. 3 (16), pp. 22–26. (In Russian).
9. Rozhkova M. A. NFT and other tokens: right to record and right under record. *Zhurnal Suda po intellektualnym pravam = Journal of the Intellectual Property Rights Court*, 2022, no. 4 (38), pp. 29–39. (In Russian). DOI: 10.58741/23134852_2022_4_29.
10. Khodova M. T., Dzyubanov V. V. NFT Technologies as a way to protect intellectual property rights. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*, 2022, no. 8, pp. 114–117. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Адамян Карина Мартиковна (Санкт-Петербург) – аспирант кафедры гражданского права Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (191186, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48, e-mail: karinaptz2211@yandex.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Adamyan, Karina M. (St. Petersburg) – Postgraduate Student of the Civil Law Department. The Herzen State Pedagogical University of Russia (48 Moika Embankment, St. Petersburg, 191186, Russia, e-mail: karinaptz2211@yandex.ru).

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES

УДК 347.963

Е. В. Михайлова

*Институт государства и права
Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-0313-3813
ResearcherID: HMD-3152-2023*

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ПУБЛИЧНЫХ ПРАВ В РОССИИ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 1. — С. 80 — 88.

ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.9.

Дата поступления 23.08.2023, дата принятия к печати 17.03.2024,
дата онлайн-размещения 30.03.2024.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема процессуальных особенностей рассмотрения судами дел публично-правового характера. Автор исходит из того, что обязательной стороной публично-правового отношения выступает государство, его субъекты, муниципальные образования в лице соответствующих органов и уполномоченных должностных лиц. При этом в публичном правоотношении его субъекты находятся в отношениях власти и подчинения. Специфика публичного права обусловлена его принадлежностью неограниченному кругу лиц, что закономерно продуцирует невозможность распоряжения им конкретным, индивидуальным субъектом, в том числе в процессуальной сфере. В силу этого процессуальные распорядительные права (отказ от иска, признание иска, право на заключение мирового соглашения) в производстве по делам, возникающим из публичных правоотношений (административном судопроизводстве), должны быть ограничены, а судебный контроль при их совершении — усилен. Автор дифференцирует дела, подлежащие рассмотрению по правилам административного судопроизводства, на дела административные и публично-правовые, утверждая, что в публично-правовых делах должно быть закреплено обязательное участие прокурора, при положительном заключении которого у сторон появляется возможность совершать распорядительные процессуальные действия. Отмечено, что государство, его субъекты и органы могут становиться участниками и гражданско-правовых отношений, споры из которых разрешаются в гражданском и арбитражном процессе, исковом производстве, правила которого также должны быть модифицированы с учетом этого обстоятельства. Так, предлагается закрепить обязательное участие прокурора в исковых делах, если одной из сторон правового конфликта является орган публичной власти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Частное и публичное право; государство как субъект права; административное судопроизводство; административный иск; распорядительные права; мировое соглашение; отказ от иска; признание иска; прокурор; диспозитивность.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Михайлова Е. В. О некоторых аспектах судебной защиты публичных прав в России // Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 1. — С. 80—88. — DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.9.

UDC 347.963

E. V. Mikhailova

*Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0003-0313-3813
ResearcherID: HMD-3152-2023*

**ABOUT SOME ASPECTS OF JUDICIAL PROTECTION
OF PUBLIC RIGHTS IN RUSSIA****PUBLICATION DATA**

Prologue: Law Journal, 2024, no. 1, pp. 80—88.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.9.
Received 23.08.2023, accepted 17.03.2024, available online
30.03.2024.

ABSTRACT

The article deals with the problem of procedural features of consideration by courts of cases of a public law nature. The author proceeds from the fact that the state, its subjects, municipalities represented by the relevant bodies and authorized officials are the obligatory party of the public law relationship. At the same time, in a public legal relationship, its subjects are in a relationship of power and subordination. The specificity of public law is due to its belonging to an unlimited circle of persons, which naturally produces the impossibility of disposing of it by a specific, individual subject, including in the procedural sphere. Because of this, procedural administrative rights (refusal of a claim, recognition of a claim, the right to conclude a settlement agreement) in proceedings on cases arising from public legal relations (administrative proceedings) should be limited, and judicial control in their commission should be strengthened. The author differentiates cases subject to consideration according to the rules of administrative proceedings into administrative and public law cases, arguing that in public law cases, the mandatory participation of the prosecutor should be fixed, with a positive conclusion of which the parties have the opportunity to perform administrative procedural actions. It is noted that the state, its subjects and bodies can become participants in civil law relations, disputes from which are resolved in civil and arbitration proceedings, claims proceedings, the rules of which should also be modified taking into account this circumstance. Thus, it is proposed to fix the mandatory participation of the prosecutor in lawsuits, if one of the parties to the legal conflict is a public authority.

KEYWORDS

Private and public law; the state as a subject of law; administrative proceedings; administrative claim; administrative rights; settlement agreement; withdrawal of the claim; recognition of the claim; prosecutor; discretion.

FOR CITATION

Mikhailova E. V. About Some Aspects of Judicial Protection of Public Rights in Russia. *Prologue: Law Journal*, 2024, no. 1, pp. 80—88. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.9.

1. Постановка проблемы

В соответствии с положением ст. 45 Конституции Российской Федерации в нашем государстве гарантируется защита прав и свобод человека и гражданина. При этом о защите прав и интересов самого государства прямо не говорится.

Между тем бесспорно, что государственные интересы, основы конституционного строя, суверенитет Российского государства представляют собой первоочередную ценность, без поддержания и защиты которой невозможно решение никаких других задач, в том числе обеспечения прав, свобод и законных интересов граждан. Неслучайно в ст. 2 ГПК РФ среди задач гражданского судопроизводства названа защита прав и интересов публично-правовых образований.

Представляется, что указанная проблематика может быть дифференцирована на два больших блока вопросов: первый связан с защитой государства во внутренних отношениях, второй — на международном уровне.

Первична, подчеркну именно внутригосударственная защита интересов России, без которой она как суверенное государство не сможет в полной мере выступать во внешних отношениях, с другими государствами.

Также необходимо помнить, что «правовая защита» — это деятельность уполномоченного субъекта, направленная на восстановление нарушенного права или интереса, независимо от того, кому они на самом деле принадлежат.

Поэтому защита прав и интересов государства как участника спорного публичного правоотношения, противоположной стороной которого является физическое или юридическое лицо, предполагает одновременно защиту частноправового субъекта: в случае, если будет установлено, что нарушенное право или интерес принадлежат ему, и с его стороны правонарушения не было.

Строго говоря, интересы частного лица и государства нельзя противопоставлять друг другу, поскольку государственный интерес представляет собой не что иное, как совокупность частноправовых интересов, общих для большинства населения государства. Об этом писал еще А. С. Алексеев: «Материальным субстратом государства являются территория и люди, юридическим же отношением является та связь, которую государственная организация объединяет в одно целое и наделяет как органов, так и членов государства правами и обязанностями» [1, с. 5].

Поэтому любые рассуждения о защите государственных интересов не будут «однобокими»: так или иначе, но процессуальный

порядок рассмотрения споров с участием государства будет связан с проблематикой обеспечения прав другой стороны — гражданина или организации.

Здесь надо отметить, что до настоящего времени тенденции охвата вопросов, связанных с защитой прав и интересов государства при рассмотрении вопросов защиты публичных прав физических и юридических лиц, не наблюдалось: акцент всегда делался на обеспечении прав частноправового участника спора, которого традиционно считали «слабой стороной спорного правоотношения».

По нашему мнению, это неверный подход, и научные исследования защиты публичных прав и интересов необходимо строить на принципе «симметричности», а состязательное начало, характерное для цивилистического процесса, не должно нивелироваться в рамках административного судопроизводства до полного его отрицания и обязания государства доказывать законность и обоснованность своих актов, решений, действий при заявлении гражданином соответствующего требования.

2. Публичное право как объект судебной защиты

В первую очередь нужно определиться с терминологией, а именно выявить соотношение понятий «публичное право» и «публичный интерес».

Поскольку законодатель к объектам судебной защиты относит не только субъективные права, но и законные интересы, очевидно, что это — разные понятия. Этому мнения придерживался видный советский процессуалист Р. Е. Гукасян. Он писал, что интерес не является правовой категорией, представляет собой социальное явление и опосредуется субъективным правом, которое его охраняет [8, с. 23 — 24]. Однако, если бы это было так, то в законах не нужно было бы отдельно называть законные интересы как объекты правовой защиты (наряду с субъективными правами). Думается, что законный интерес имеет такое название, в том числе потому, что по замыслу законодателя является самостоятельной правовой категорией.

Следует признать, что очень часто в научной литературе понятия «право» и «интерес» смешиваются, отождествляются. Представляется, что права и интересы взаимосвязаны, и из содержания того или иного субъективного права может вытекать несколько интересов. Так, С. А. Бурмистрова предлагает под законными интересами понимать «прямо предусмотренные законодательством либо вытекающие из его общего смысла дозволения», при этом интерес может, по мысли уче-

ного, выступать предметом как гражданского, так и административного судопроизводства [5, с. 134–147].

Все же представляется, что законный интерес — это не отдельный предмет судебной защиты. Будучи прямо закрепленными в законе, они, по сути, есть права, а не интересы. Отсутствие прямого легального закрепления конкретных законных интересов не позволяет их определить, причем, ни заявителю, ни самому суду. Поэтому как частные, так и публичные интересы целесообразно рассматривать только «в привязке» к конкретным опосредующим их правам.

Напротив, процессуальный интерес — это самостоятельная правовая категория. Нельзя допустить, чтобы к суду могло обратиться любое лицо — нужно, чтобы такую возможность имели лишь те субъекты, на которых будут распространяться правовые последствия принятого по делу решения. Следует согласиться с мнением о том, что «отсутствие у заявителя юридической (материально-правовой) заинтересованности в деле означает, что для административного истца даже отрицательное решение суда не будет иметь никаких материально-правовых последствий» [13, с. 127].

Необходимо различать материально-правовой и процессуальный интерес (заинтересованность в деле). М. С. Шакарян отмечала, что, в отличие от сторон и третьих лиц, органы государственной власти и управления, участвуя в гражданском процессе, имеют не личную заинтересованность в деле, а государственную, общественную [15, с. 769]. В этом аспекте со знаменитым ученым трудно согласиться: ведь органы государственной власти и есть само государство, следовательно, их заинтересованность в деле все равно является личной в том смысле, что присутствуя государству как субъекту спорного правоотношения, рассматриваемого судом.

А. С. Алексеев указывал, что публичное право отличается от гражданского по следующим признакам: его субъектом являются не отдельные индивиды, а их союз; вследствие первого признака публичные права и интересы не могут, в отличие от гражданских прав и интересов, быть свободно изменяемы отдельным индивидом, а могут быть изменены лишь волею союза [2, с. 4]. Об этом же говорил Н. М. Коркунов, подчеркивая, что передача объекта «к совместному пользованию» затрагивает всех участвующих в нем лиц и потому требует мер охраны, независимых от индивидуальных усмотрений [10, с. 228].

Известные процессуалисты советского периода поддерживали этот подход — так,

указывали, что в делах административно-правового характера принцип диспозитивности связан лишь с возможностью распоряжения процессуальными средствами защиты, но не распространяется на материальное право; неприменим в этих делах и институт мирового соглашения [11, с. 304].

Современные ученые тоже часто разделяют это мнение. Указывают, например, что «субъект государственно-властных полномочий как сторона в публичном правоотношении не является полностью распорядителем своих правомочий, поскольку за ним непосредственно стоит государство как некое третье лицо, права и обязанности которого осуществляет данный субъект» [3, с. 269–271].

Таким образом, публичное право отличается от частного тем, что не допускает свободного им распоряжения со стороны отдельных лиц. Для процессуалиста это чрезвычайно важное положение, которое в процессуальной плоскости будет основанием для целого ряда умозаключений.

Современные ученые выделяют такие признаки публичного интереса, как: общественная значимость; государственная направленность; неопределенный круг лиц; императивность; реализация в рамках определенных установлений; властно-организационный механизм воздействия [9, с. 928–939]. Отмечают, что метод регулирования публичных отраслей права характеризуется строгой императивностью и неравенством субъектов [4, с. 44–48].

Очевидно, большинство авторов сходятся в том, что публичные права и вытекающие из них интересы регулируются императивным образом, и этот досудебный императив не может не найти своего отражения в процессуальной плоскости.

3. Публично-правовые отношения и процессуальный порядок рассмотрения споров, вытекающих из них

Публичные права и интересы точно так же, как и частные, реализуются в рамках конкретных правоотношений. Частное право есть предмет частноправового отношения, а право публичное — предмет публичного правоотношения.

Связь материального и процессуального в праве проявляется самым непосредственным образом. Споры, возникающие из тех или иных правоотношений, должны рассматриваться и разрешаться в соответствующей их материально-правовой природе процессуальной форме.

Е. В. Васьковский указывал, что публично-правовые требования принадлежат органам государственной власти по отношению к частным лицам и исполняются в

принудительном порядке без предварительной их проверки судом. При этом, если государственное учреждение действует не как представитель власти, а как собственник спорного имущества, то такой спор является гражданско-правовым и подлежит ведению судом. Если же спор возник из реализации властных установлений, то он является публично-правовым [6, с. 133–134].

Вместе с тем, по справедливому мнению В. Е. Чиркина, хозяйственная деятельность органов публичной власти, связанная, например, с закупкой мебели, письменных принадлежностей и проч., носит столь незначительный характер, что не может являться достаточным основанием для отождествления их с юридическими лицами частного права [14, с. 87–101].

Думается, что для государства, его органов, должностных лиц, муниципальных образований управленческая функция является основной в любом случае — даже тогда, когда они вступают в гражданские правоотношения в целях реализации тех или иных хозяйственных задач.

Нужно отметить, что законодатель закрепил признаки гражданских правоотношений. Прежде всего, гражданские правоотношения основаны на равенстве и автономии воли, а также имущественной самостоятельности их участников (ч. 1 ст. 2 ГК РФ). Кроме того, гражданские права диспозитивны, так как осуществляются гражданами и юридическими лицами по своему усмотрению (ч. 1 ст. 9 ГК РФ).

Понятие публичного правоотношения в законодательных актах не раскрыто. Однако в ч. 3 ст. 2 ГК РФ указано, что к имущественным отношениям, основанным на властном подчинении одной стороны другой, гражданское законодательство не применяется. Следовательно, признак равного соотношения правовых статусов участвующих в правоотношении субъектов имеет характер основного.

Подтверждением этому служит и правовая позиция, сформулированная Пленумом Верховного Суда РФ. Пленум указал, что публично-правовыми являются дела, возникающие из правоотношений, не основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников, в рамках которых один из участников правоотношений реализует административные и иные публично-властные полномочия по исполнению и применению законов и подзаконных актов по отношению к другому участнику¹.

¹ П. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 36 (ред. от 17 дек. 2020 г.) «О некоторых вопросах применения судами Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

Однако вполне отвечающими признаку «власти и подчинения» являются отдельные категории дел, регулируемых гражданским законодательством. Так, норма ч. 3 ст. 279 ГК РФ закрепляет, что решение об изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд принимается федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации или органами местного самоуправления. Правообладатель земельного участка должен быть лишь уведомлен о принятом решении об изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд (ч. 5 ст. 279 ГК РФ). Таким образом, уже по этому признаку отношения, связанные с изъятием земельных участков для государственных и муниципальных нужд, нельзя признать гражданско-правовыми. При этом все споры, возникающие из отношений по изъятию земельного участка, рассматриваются в порядке гражданского, а не административного, судопроизводства.

Дела, возникающие в сфере реализации пенсионного законодательства и законодательства, регулирующего отношения по социальному обеспечению граждан, также в полной мере отвечают всем признакам публично-правовых отношений. Однако возникающие из них правовые конфликты тоже рассматриваются и разрешаются в гражданском судопроизводстве.

Процессуальная форма защиты нарушенных или оспоренных субъективных гражданских прав и законных интересов представляет собой совокупность нормативно закрепленных правил, в строгом соответствии с которыми суд разрешает правовой спор или иное дело, отнесенное к его компетенции.

Процессуальная форма детерминирована природой спорного правоотношения, являющегося предметом судебной деятельности. Именно диспозитивность гражданских правоотношений порождает диспозитивные черты гражданского и арбитражного процесса. Т. В. Сахнова верно указывает, что арбитражное судопроизводство есть диспозитивное правосудие [12, с. 29].

Конституционный Суд Российской Федерации постановил, что природой гражданских прав, материальных по своей сути, обусловлено диспозитивное начало гражданского судопроизводства, находящее выражение в законодательстве при конкретизации таких общих принципов, как состязательность и равноправие сторон. Диспозитивность в гражданском судопроизводстве означает, что процессуальные отношения возникают, из-

меняются и прекращаются, главным образом, по инициативе непосредственных участников спорного материального правоотношения, которые имеют возможность с помощью суда распоряжаться своими процессуальными правами, а также спорным материальным правом².

Соответственно, главный признак гражданского процесса (гражданского и арбитражного судопроизводства) состоит в свободном распоряжении участвующими в деле лицами процессуальными правами и материально-правовым предметом спора. Следовательно, в административном судопроизводстве должны существовать законодательные ограничения процессуальной свободы участников дела. Подтверждением моего мнения служит то обстоятельство, что и дореволюционное гражданское процессуальное законодательство, и ГПК РСФСР не допускали примирения в делах публично-правового характера.

Эти ограничения всегда были. Так, по свидетельству Е. В. Васьковского, так называемые «дела казны» (под которыми в то время понимали споры, в которых одной стороной были органы государственной власти, выступающие не как представители государственного суверенитета, а как субъекты частноправового оборота) не могли быть ни оканчиваемы мировыми сделками, ни разрешены на основании присяги одной стороны [6, с. 338 – 341].

В советский период признавалось, что, поскольку административный спор отличается от спора гражданско-правового, при разрешении их не применяется институт мирового соглашения [11, с. 304].

На то, что мировое соглашение — порождение воли спорящих сторон и следствие диспозитивного начала гражданских правоотношений, указывал и Р. Е. Гукасян [8, с. 122].

Но к распорядительным процессуальным правам относится не только право заключить мировое соглашение. Это и право отказаться от иска полностью или в части, признание иска в части или полностью, а также изменение предмета или основания иска.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2020 г. № 37-П по делу о проверке конституционности части 3 статьи 59, части 4 статьи 61 и части 4 статьи 63 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Александра» и гражданина К. В. Бударина // СПС «Консультант-Плюс»; Постановление Конституционного Суда РФ от 14 февраля 2002 г. № 4-П по делу о проверке конституционности статьи 140 Гражданского процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданки Л. Б. Фишер // Там же.

Так, в соответствии с ч. 1 ст. 46 КАС РФ административный истец вправе до принятия судебного акта, которым заканчивается рассмотрение административного дела по существу в суде первой инстанции, изменить основание или предмет административного иска.

Как известно, предмет иска представляет собой материально-правовое требование истца, адресованное ответчику. В этой связи если гражданско-правовое требование предполагает свободу своего обладателя в распоряжении им, то публично-правовое требование, как было показано выше, не предусматривает возможности распоряжения им отдельными индивидами. Субъектом публичного права выступает общество в целом, неограниченный круг лиц, и это, соответственно, предопределяет особенности распоряжения им.

Представляется, что предъявление публично-правового требования в суд должно быть обусловлено наличием того обстоятельства, что административным ответчиком нарушено не право конкретного субъекта (административного истца), но всего общества в целом. Это требование должно касаться не всех дел, подлежащих рассмотрению и разрешению в порядке административного судопроизводства, а только тех, которые имеют публичный правовой характер.

Все дела, отнесенные к рассмотрению судами общей юрисдикции по правилам КАС РФ, следует разделить на две группы: административные дела и дела публично-правовой природы. В основу этой классификации может быть положен признак характера нарушенного публичного права или интереса. Если оно принадлежит одному лицу, то спор имеет административный характер. Если же судебное решение окажет влияние на права и обязанности неограниченного круга лиц, то дело является публично-правовым. Разница между ними заключается в следующем.

Административно-правовые дела прямо связаны с функцией осуществления органами государственной власти управления. Таковы, например, отношения в области налогообложения. Публично-правовые дела непосредственно функцию государственного управления не реализуют, однако построены по типу «власть и подчинение» и связаны с применением одной стороной правоотношения к другой стороне нормативных и ненормативных правовых актов.

В публично-правовых спорах, к которым относятся, к примеру, дела о признании недействующими нормативных правовых актов и актов, содержащих обязательные толкования действующего законодательства

(глава 21 КАС РФ), не должны быть допустимы распорядительные действия, являющиеся прямым процессуальным проявлением диспозитивного начала частноправового регулирования.

В ч. 10 ст. 213 КАС РФ закреплено, что отказ лица, обратившегося в суд, от своего требования, а также признание требования органом государственной власти, органом местного самоуправления, уполномоченной организацией или должностным лицом, принявшими оспариваемый нормативный правовой акт, не влечет за собой обязанность суда прекратить производство по административному делу об оспаривании нормативного правового акта.

Однако то, что признание иска, равно как и отказ от иска, не имеют для суда обязательного характера, не является чем-то новым и специфичным. В гражданском и арбитражном процессе при рассмотрении дел в порядке искового производства точно так же суд может не принять отказ от иска и признание иска, если совершение этих распорядительных действий противоречит действующему законодательству или нарушает права третьих лиц (ст. 2 ст. 39 ГПК РФ, ч. 5 ст. 49 АПК РФ).

В этой связи весьма интересно мнение, высказанное Н. А. Грешновой. Автор считает, что отказ истца от иска, признание иска ответчиком в принципе не могут противоречить закону, поскольку в этом случае у истца изначально отсутствовали полномочия на обращение в суд, а закрепленное в процессуальном законодательстве право ответчика признать иск не может противоречить закону. Если же отказ от иска, признание иска нарушают права других лиц, они должны быть привлечены с удом в процесс в качестве третьих лиц. Таким образом, по мысли ученого, у суда не должно быть полномочий на принятие признания иска и отказа от иска, речь лишь может идти об отказе в утверждении мирового соглашения [7, с. 64 – 68]. С этим мнением можно согласиться: при условии, что рассмотрение вопроса ограничивается рамками цивилистического процесса, то есть гражданского и арбитражного судопроизводства. Но к производству по делам, возникающим из публичных правоотношений (административному судопроизводству), эта теория неприменима.

Поскольку нарушенное или оспоренное публичное право, являющееся предметом судебной защиты, принадлежит не конкретному лицу, обратившемуся в суд с административным иском заявлением, а неограниченному кругу лиц, то правовые последствия отказа от иска и признания иска коснутся не только са-

мого заявителя, но и всех прочих обладателей соответствующего права и интереса.

Поэтому видится правильным закрепить обязательное участие прокурора при рассмотрении всех дел публично-правового характера. Лишь при его положительном заключении судопроизводство может быть прекращено в случае отказа от иска, признания иска или заключения мирового соглашения по делу. Заключение прокурора при этом не может рассматриваться в качестве одного из доказательств в деле, а, являясь актом публичной власти, должно быть обязательно для суда, рассматривающего дело по существу. При несогласии суда с выводами прокурора это необходимо мотивировать.

Административные дела, связанные со спорами по поводу применения административных мер к одному, конкретному лицу (например, дела об оспаривании кадастровой стоимости) могут быть прекращены в связи с примирением сторон, отказом истца от иска полностью либо в части или в связи с полным или частичным признанием иска — так как правовые последствия это действие повлечет лишь в отношении конкретного лица. Участие прокурора в этих делах не должно быть обязательным.

Как уже было сказано, государство, его субъекты, уполномоченные органы, муниципальные образования могут быть участниками частноправовых отношений (в порядке ст. 124 ГК РФ). Они при этом выступают «на равных» с противоположной стороной правоотношения и реализуют не управленческие, властные, а хозяйственные функции. Однако, несмотря на это, следует признать, что эти функции не являются для публично-правовых субъектов основными и призваны способствовать наиболее эффективному осуществлению публично-правовых функций.

Частноправовые споры с участием публичных образований разрешаются в гражданском и арбитражном судопроизводстве, по правилам искового производства. Диспозитивное начало гражданских прав и искового судебного процесса позволяет сторонам спора как заключать мировые соглашения, так и свободно распоряжаться всеми прочими процессуальными возможностями. Тем не менее, правовые последствия злоупотреблений при совершении органами публичной власти гражданско-правовых действий также будут иметь значение для всего общества в целом. Следовательно, судам необходимо учитывать это обстоятельство, а законодательно — установить участие прокурора в указанных делах.

4. Выводы

Публичные права и интересы являются таким же самостоятельным предметом судебной защиты, как и частные. Порядку осуществления их защиты должно быть уделено не меньшее внимание, поскольку одной стороной публичного правоотношения, из которого может развиться правовой конфликт, является государство в лице его органов, должностных лиц, субъекты государства, муниципальные образования. При рассмотрении судами этих дел правовые последствия как соверша-

емых ими процессуальных действий, так и действий, совершаемых участвующими в деле лицами, коснутся не только участников дела, но распространятся на неограниченный круг лиц. Поэтому процессуальная форма защиты публичных прав должна отличаться от порядка рассмотрения и разрешения частноправовых дел: в первую очередь, сужением круга дозволенных распорядительных действий, высокой процессуальной активностью суда и обязательным участием прокурора в делах публично-правового характера.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алексеев А. С. К учению о юридической природе государства и государственной власти. — Москва : Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1895. — 35 с.
2. Алексеев А. С. Русское государственное право. Конспект лекций. — Изд. 4-е. — Москва : Тип. О-ва распространения полезных книг, 1897. — 582 с.
3. Бекбаев Е. З. Частные и публичные правоотношения // Теория и практика общественного развития. — 2011. — № 3. — С. 269–271.
4. Беляева Г. С. Правовые режимы в публичном праве: понятие, особенности и краткий анализ // Правовая политика и правовая жизнь. — 2011. — № 3. — С. 44–48.
5. Бурмистрова С. А. Правовой интерес как отдельная правовая возможность: механизм защиты в цивилистическом процессе // Журнал российского права. — 2020. — № 6. — С. 134–147.
6. Васильковский Е. В. Учебник гражданского процесса / под ред. В. А. Томсинова. — Москва : Зерцало, 2003. — 441 с.
7. Грешнова Н. А. Отказ истца от иска и признание сторонами обстоятельств дела как важнейшие условия реализации принципа состязательности в юридическом процессе России // Правовая политика и правовая жизнь. — 2017. — № 1. — С. 64–68.
8. Гукасян Р. Е. Избранные труды по гражданскому процессу. — Москва : Проспект, 2008. — 480 с.
9. Дудиков М. В. Публичные интересы в горном праве: понятие и признаки // LexRussica. — 2014. — № 8. — С. 928–939.
10. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. — Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2003. — 430 с.
11. Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР / под ред. Р. Ф. Каллистратовой, Л. Ф. Лесницкой, В. К. Пучинского. — Москва : Юридическая литература, 1976. — 600 с.
12. Сахнова Т. В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. — Москва : Волтерс Клувер, 2008. — 676 с.
13. Цивилистический процесс в современной России: проблемы и перспективы : монография / А. Т. Боннер, Н. А. Громошина, Т. В. Докучаева [и др.] ; под ред. Н. А. Громошиной. — Москва : Проспект, 2017. — 208 с.
14. Чиркин В. Е. О понятии и классификации юридических лиц публичного права // Журнал российского права. — 2010. — № 6. — С. 87–101.
15. Шакарян М. С. Избранные труды. — Санкт-Петербург : ИД Р. Асланова «Юридический центр», 2014. — 880 с.

REFERENCES

1. Alekseev A. S. *K ucheniyu o yuridicheskoi prirode gosudarstva i gosudarstvennoi vlasti* [To the Doctrine of the Legal Nature of the State and State Power]. Moscow, I. N. Kushnerev and K° Publ., 1895. 35 p.
2. Alekseev A. S. *Russkoe gosudarstvennoe pravo. Konspekt lektcii* [Russian State Law. Lecture Notes]. 4th ed. Moscow, Printing House of the Society for the Distribution of Useful Books, 1897. 582 p.
3. Bekbaev E. Z. Private and Public Legal Relations. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2011, no. 3, pp. 269–271. (In Russian).
4. Belyaeva G. S. Legal Regimes in Public Law: Concept, Features and Brief Analysis. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn = Legal Policy and Legal Life*, 2011, no. 3, pp. 44–48. (In Russian).
5. Burmistrova S. A. Legal Interest as a Separate Legal Possibility: The Protection Mechanism in the Civil Process. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2020, no. 6, pp. 134–147. (In Russian).
6. Vaskovskii E. V., Tomsinov V. A. (ed.). *Uchebnik grazhdanskogo protsessa* [Textbook of Civil Procedure]. Moscow, Zertsalo Publ., 2003. 464 p.
7. Greshnova N. A. Nolle prosequi and the recognition by the parties of the case as the most important conditions for the implementation of the principle of adversarial legal process in Russia. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn = Legal Policy and Legal Life*, 2017, no. 1, pp. 64–68. (In Russian).

8. Ghukasyan R. E. *Izbrannye trudy po grazhdanskomu protsessu* [Selected Works on Civil Procedure]. Moscow, Prospekt Publ., 2008. 480 p.
9. Dudikov M. V. Public interests in the Mining law: Concept and features. *LexRussica*, 2014, no. 8, pp. 928 – 939. (In Russian).
10. Korkunov N. M. *Lektsii po obshchei teorii prava* [Lectures on the General Theory of Law]. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr Press, 2003. 430 p.
11. Kallistratova R. F., Lesnitskaya L. F., Puchinskii V. K. (eds). *Nauchno-prakticheskii kommentarii k GPK RSFSR* [Scientific and Practical Commentary on the Code of Civil Procedure of the RSFSR]. Moscow, Yuridicheskaya Literature Publ., 1976. 600 p.
12. Sakhnova T. V. *Kurs grazhdanskogo protsessa: teoreticheskie nachala i osnovnye instituty* [Course of Civil Procedure: Theoretical Beginnings and Basic Institutions]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2008. 676 p.
13. Bonner A. T., Gromoshina N. A., Dokuchaeva T. V. et al.; Gromoshina N. A. (ed.) *Tsivilisticheskii protsess v sovremennoi Rossii: problemy i perspektivy* [Civilistic Process in Modern Russia: Problems and Prospects]. Moscow, Prospekt Publ., 2017. 208 p.
14. Chirkin V. E. On the concept and classification of legal entities of public law. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2010, no. 6, pp. 87 – 101. (In Russian).
15. Shakaryan M. S. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Saint Petersburg, Yuridicheskii tsentr R. Aslanov Publ., 2014. 880 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Михайлова Екатерина Владимировна (Москва) — доктор юридических наук, доцент, исполняющая обязанности заведующего сектором процессуального права Института государства и права РАН, главный научный сотрудник (119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10, e-mail: e.v.mihailova@bk.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhailova, Ekaterina V. (Moscow) — Dr. Sci. (Law), Docent, Acting Head of the Procedural Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher (10 Znamenka st., Moscow, 119019, Russia, e-mail: e.v.mihailova@bk.ru).

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ CRIMINAL LAW SCIENCES

УДК 344.13

Е. Д. Болотова

*Министерство юстиции Российской Федерации,
Москва, Россия
ORCID: 0009-0008-6228-1123
ResearcherID: JNS-6259-2023*

А. Ю. Решетников

*Московский государственный юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-9876-4014
ResearcherID: JNS-8801-2023*

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ПОРОХА И ВОПРОСЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 1. — С. 89—97.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.10.
Дата поступления 10.11.2023, дата принятия к печати 17.03.2024,
дата онлайн-размещения 30.03.2024.

АННОТАЦИЯ

В статье раскрываются особенности иноотраслевого регулирования для целей реализации уголовной ответственности за незаконный оборот взрывчатых веществ и взрывных устройств в Российской Федерации. Подчеркивается повышенная общественная опасность преступлений, связанных с незаконным оборотом таких предметов, отмечается их связь с ростом террористических и экстремистских преступлений. В работе показаны результаты изменений в законодательство о противодействии обороту оружия, их влияние на пределы и интенсивность уголовной ответственности. Выявлены недостатки уголовно-правового регулирования и правоприменения по делам о незаконном обороте взрывчатых веществ и взрывных устройств: неясность границ административной и уголовной ответственности, противоречия в вопросах регулирования оборота пороха, избыточность уголовной репрессии в условиях фактически невысокой общественной опасности оборота пороха лицами, имеющими разрешение на хранение и ношение оружия и патронов к нему, неразрешенность на уровне норм права и практики вопроса об изъятии пороха у граждан и др. Предлагается внести дополнения в уголовное законодательство, уточнить понятия малозначительности и оценки общественной опасности в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, разработать методические рекомендации для правоприменителей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Оружие; незаконный оборот; охотничий порох; хранение; уголовный закон; дифференциация ответственности.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Болотова Е. Д., Решетников А. Ю. Общественная опасность незаконного оборота пороха и вопросы дифференциации ответственности // Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 1. — С. 89—97. — DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.10

PUBLIC DANGER OF ILLEGAL GUNPOWDER TRAFFICKING AND ISSUES OF DIFFERENTIATION OF RESPONSIBILITY

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal, 2024, no. 1, pp. 89 – 97.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.10.
Received 12.09.2023, accepted 17.03.2024, available online
30.03.2024.

ABSTRACT

The article reveals the features of foreign industry regulation for the purpose of implementing criminal liability for illegal trafficking of explosives and explosive devices in the Russian Federation. The increased public danger of crimes related to the illegal trafficking of such items is emphasized, and their connection with the growth of terrorist and extremist crimes is noted. The paper shows the results of changes in legislation on countering arms trafficking, their impact on the limits and intensity of criminal liability. The shortcomings of criminal law regulation and law enforcement in cases of illegal trafficking of explosives and explosive devices are revealed: the ambiguity of the boundaries of administrative and criminal liability, contradictions in the regulation of gunpowder turnover, the redundancy of criminal repression in conditions of virtually low public danger of gunpowder trafficking by persons who have permission to store and carry weapons and ammunition, the unresolved level of norms of law and practice of the issue of the seizure of gunpowder from citizens, etc. It is proposed to amend the criminal legislation, clarify the concepts of insignificance and assessment of public danger in the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, and develop methodological recommendations for law enforcement officers.

KEYWORDS

Weapons; illegal trafficking; hunting powder; storage; criminal law; differentiation of responsibility.

FOR CITATION

Bolotova E. D., Reshetnikov A. Yu. Public Danger of Illegal Gunpowder Trafficking and Issues of Differentiation of Responsibility. *Prologue: Law Journal*, 2024, no. 1, pp. 89 – 97. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.10.

Взрывные устройства и вещества, из которых они состоят, обладают специфическими характеристиками, ввиду чего их незаконный оборот представляет повышенную общественную опасность. Из-за их разрушительных свойств и возможности использования для нанесения вреда множеству людей они подлежат особому контролю, а за незаконный оборот таких предметов установлены повышенные меры ответственности.

Практика расследования преступлений террористического и экстремистского характера свидетельствует о высокой степени общественной опасности преступлений, совершаемых путем взрыва либо с использованием взрывных устройств. В подавляющем большинстве случаев преступления, предусмотренные статьей 205 («Террористический акт») Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), совершаются с использованием оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, в том числе и самодельных [2, с. 86 — 91; 5, с. 148 — 150; 9, с. 153 — 156]. Специалисты, детально изучающие проблемы борьбы с преступностью в сфере незаконного оборота оружия, отмечают высокую динамику роста вооруженных преступлений в России и увеличение оборота оружия в мире [1, с. 52; 7, с. 439].

В качестве одной из правовых мер противодействия возросшим случаям незаконного оборота указанных предметов стало принятие Федерального закона от 24 ноября 2014 г. № 370-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹.

Указанным Федеральным законом действия по незаконному обороту взрывчатых веществ были обособлены в рамках отдельных уголовно-правовых норм в ст. 222¹ «Незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение взрывчатых веществ или взрывных устройств» и ст. 223¹ «Незаконное изготовление взрывчатых веществ, незаконные изготовление, перделка или ремонт взрывных устройств» УК РФ.

Впоследствии Федеральным законом от 1 июля 2021 г. № 281-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс

Российской Федерации»² усилены меры наказания, предусмотренные статьями 222, 222¹, 223 и 223¹ УК РФ.

За незаконные *приобретение, передачу, хранение, перевозку, пересылку или ношение взрывчатых веществ или взрывных устройств* без отягчающих обстоятельств законодатель установил наказание — от шести до восьми лет лишения свободы со штрафом. За незаконный *сбыт* указанных предметов — лишение свободы на срок от восьми до одиннадцати лет со штрафом.

Незаконное *изготовление взрывчатых веществ, а равно незаконные изготовление, перделка или ремонт взрывных устройств* без отягчающих обстоятельств наказываются лишением свободы на срок от восьми до десяти лет со штрафом.

Тогда как незаконные *приобретение, передача, хранение, перевозка, пересылка или ношение* огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему и незаконный *сбыт* указанных предметов без отягчающих обстоятельств наказываются ограничением свободы на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до четырех лет, либо арестом на срок до шести месяцев, либо лишением свободы на срок от трех до пяти лет со штрафом и лишением свободы на срок от пяти до восьми лет со штрафом соответственно.

Тем самым оборот взрывных устройств и взрывчатых веществ стал признаваться деянием, обладающим повышенной степенью опасности по сравнению с оборотом иных видов оружия.

В результате обозначенных законодательных преобразований по ч. 1, 2 ст. 222 УК РФ («Незаконные приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка, пересылка или ношение оружия, основных частей огнестрельного оружия, боеприпасов») наказуемыми являются действия по незаконному приобретению, передаче, хранению, перевозке, пересылке или ношению следующих предметов: огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему. Кроме того, в этой же статье установлена ответственность за незаконный сбыт огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов к нему.

Следует отдельно отметить, что незаконные приобретение, передача, пересылка,

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федер. закон от 24 ноября 2014 г. № 370-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 48. Ст. 6651.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 1 июля 2021 г. № 281-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27, ч. I. Ст. 5109.

хранение, перевозка или ношение патронов к гражданскому огнестрельному гладкоствольному длинноствольному оружию не влекут уголовной ответственности.

В то же время за незаконный сбыт патронов к указанному оружию предусмотрено наказание в соответствии с частью седьмой статьи 222 УК РФ.

В соответствии со статьей 222¹ УК РФ наступление уголовной ответственности влекут незаконные *приобретение, сбыт, передача, хранение, перевозка, пересылка или ношение взрывчатых веществ или взрывных устройств.*

В пункте 2 примечания к указанной статье законодатель разъяснил, что под взрывчатыми веществами следует понимать химические соединения или смеси веществ, способные под влиянием внешних воздействий к быстрому самораспространяющемуся химическому превращению (взрыву).

Аналогичные разъяснения содержатся в пункте 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. №5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»³ (далее — Постановление Пленума Верховного Суда РФ №5), в соответствии с которыми к взрывчатым веществам, незаконный оборот которых влечет ответственность по статье 222¹ УК РФ, отнесен, в том числе порох.

Указанные положения, по смыслу, придаваемому им формируемой правоприменительной практикой, привели к ситуации, когда за действия с порохом, предназначенным для самостоятельного снаряжения патронов к гражданскому огнестрельному длинноствольному оружию, в том числе приобретенным на законных основаниях, привлекают к уголовной ответственности по статье 222¹ УК РФ, как за незаконные действия с взрывчатым веществом, при том, что иные нормативно-правовые акты определяют порох как иницирующее вещество.

Так, например, К. был осужден за незаконное хранение взрывчатых веществ по ст. 222¹ УК РФ. Содеянное им, согласно приговору суда, заключалось в том, что он, имея специальное разрешение на хранение гражданско-

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12 марта 2002 г. № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» (в ред. от 11 июня 2019 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2002. № 5.

го оружия и патронов к нему, приобрел смесь промышленно изготовленного бездымного пироксилинового пороха марки «Сокол» и промышленно изготовленного дымного охотничьего пороха марки «ДОП», общей массой 462,7 гр., а также промышленно изготовленный дымный охотничий порох марки «ДОП» массой 981,2 г., и хранил по месту своего фактического проживания. Указанные вещества были изъяты у виновного в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий⁴.

По другому делу, при похожих обстоятельствах Х. был осужден по ст. 222¹ УК РФ за незаконное хранение взрывчатых веществ. Виновный, не являясь законным владельцем огнестрельного оружия и не имея специального разрешения, дающего право на хранение взрывчатых веществ, незаконно приобрел взрывчатое вещество — бездымный нитроцеллюлозный пластинчатый порох массой не менее 110,12 гр, и незаконно хранил его в погребе жилого дома. В дальнейшем порох был обнаружен и изъят сотрудниками ОМВД в ходе осмотра места происшествия⁵.

Как отмечается в одном из определений Конституционного Суда Российской Федерации, для решения вопроса о том, являются ли предметы, которые лицо незаконно приобрело и хранило, боеприпасами к гражданскому гладкоствольному оружию либо взрывчатыми веществами, необходимо обращение к нормативным правовым актам, устанавливающим правила оборота оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ, а в тех случаях, когда для его решения требуются специальные познания, необходимо проведение экспертизы⁶.

Правоотношения, возникающие при обороте оружия, в целях защиты жизни и здоровья граждан, собственности, обеспечения

⁴ См.: Приговор Евпаторийского городского суда Республики Крым от 16 августа 2023 г. по делу № 1-371/2023. URL : http://evpatoriya.krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=154975972&case_uid=81c09783-db59-4661-9350-7ab92c4b8b50&delo_id=1540006 (дата обращения: 12.10.2023).

⁵ См.: Приговор Кунашакского районного суда Челябинской области от 22 августа 2023 г. по делу № 1-149/2023 : URL : http://kunash.chel.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=495790923&case_uid=2cae8bbd-0f30-4864-8bbc-e74795d8338a&delo_id=1540006 (дата обращения: 12.10.2023).

⁶ См.: Определение от 9 ноября 2010 г. № 1432-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Пожарского районного суда Приморского края о проверке конституционности части первой статьи 222 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

общественной безопасности, охраны природы и природных ресурсов, обеспечения развития связанных с использованием спортивного оружия видов спорта, укрепления международного сотрудничества в борьбе с преступностью и незаконным распространением оружия регулируются Федеральным законом от 13 декабря 1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии»⁷ (далее — Закон об оружии). Положения Закона об оружии распространяются также на оборот боеприпасов и патронов к оружию, а также пороха, используемого для самостоятельного снаряжения патронов к указанному оружию.

Порядок торговли гражданским и служебным оружием и патронами к нему урегулирован Законом об оружии, а также Правилами оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации⁸ (далее — Правила оборота оружия).

Нормативное определение понятия «взрывчатые вещества» раскрыто в пп. «г» приложения 1 к Федеральному закону от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов»⁹, согласно которому взрывчатые вещества — вещества, которые при определенных видах внешнего воздействия способны на очень быстрое самораспространяющееся химическое превращение с выделением тепла и образованием газов.

Аналогичное определение взрывчатых веществ содержится в разделе IV Примечаний к постановлению Правительства Российской Федерации от 19 июля 2022 г. № 1299 «Об утверждении списка товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники и в отношении которых осу-

ществляется экспортный контроль»¹⁰. Этим документам к взрывчатым веществам отнесены, в том числе *пороха, а также взрывчатые и пиротехнические составы*.

Порох отнесен к взрывчатым веществам и рядом положений иных нормативных правовых актов, в том числе международно-правового характера¹¹.

Пороха, вне зависимости от их целевого назначения (использования в изделиях конкретных систем применения, в том числе для гражданского гладкоствольного огнестрельного длинноствольного оружия) относятся к метательным взрывчатым веществам.

Таким образом, для целей законодательного регулирования порох рассматривается в качестве иницирующего и воспламеняющего вещества, что вместе с тем не отменяет его правовую (и физическую) природу в качестве взрывчатого вещества.

Отдельно стоит обратить внимание на тот факт, что, устанавливая повышенные меры ответственности за оборот взрывчатых веществ, законодатель не определил минимальный размер (вес) указанных веществ, запрещенных к обороту.

Пункт 2 примечания к ст. 222¹ УК РФ не содержит формулировок, позволяющих учесть количественные либо качественные характеристики взрывчатого вещества, а сама статья не учитывает мотивы и цель, которыми руководствовалось лицо, совершающее преступления.

Кроме того, в пункте 22.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 5, разъясняющем порядок применения уголовно-правовых предписаний о малозначительности при правовой оценке действий обвиняемых по де-

⁷ Об оружии : Федер. закон от 13 декабря 1996 №150-ФЗ (в ред. от 6 февраля 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 51. Ст. 5681.

⁸ О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» (вместе с «Правилами оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации», «Положением о ведении и издании Государственного кадастра гражданского и служебного оружия и патронов к нему») : Постановление Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 г. № 814 (в ред. от 29 мая 2023 г.) // Российская газета. 1998. 20 авг.

⁹ О промышленной безопасности опасных производственных объектов : Федер. закон от 21 июля 1997 г. № 116-ФЗ (в ред. от 29 декабря 2022 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 30. С. 3588.

¹⁰ Об утверждении списка товаров и технологий двойного назначения, которые могут быть использованы при создании вооружений и военной техники и в отношении которых осуществляется экспортный контроль : Постановление Правительства Российской Федерации от 19 июля 2022 г. № 1299 (в ред. от 26 января 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15 октября 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 30. Ст. 5630.

¹¹ См., например: О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности взрывчатых веществ и изделий на их основе» (вместе с «ТР ТС 08/2012. Технический регламент Таможенного Союза. О безопасности взрывчатых веществ и изделий на их основе») : Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 20 июля 2012 г. № 57 (в ред. от 23 декабря 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс»; Об утверждении Федеральных норм и правил в области промышленной безопасности «Правила безопасности при производстве, хранении и применении взрывчатых материалов промышленного назначения» : Приказ Ростехнадзора от 3 декабря 2020 г. № 494 (в ред. от 25 мая 2022 г.) // Там же.

лам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, отсутствует указание на статью 222¹ УК РФ.

Подобное «упущение» привело к тому, что в судебно-следственной практике встречается множество примеров (один из таких примеров приведен выше), когда к уголовной ответственности по статье 222¹ УК РФ привлекаются граждане, хранившие охотничий порох для самостоятельного снаряжения патронов к гражданскому огнестрельному длинноствольному оружию в отсутствие разрешения на хранение и ношение такого оружия [3, с. 30 – 33]. Вместе с тем, граждане, хранившие патроны к гражданскому огнестрельному длинноствольному оружию, уже снаряженные аналогичным порохом, к уголовной ответственности не привлекаются.

Подобные ситуации стоит рассмотреть более подробно.

В соответствии с пунктом 9.1 Федерального закона от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности»¹² хранение и торговля гражданским и служебным оружием и основными частями огнестрельного оружия, патронами к гражданскому и служебному оружию и составными частями патронов относится к деятельности, подлежащей лицензированию.

Закон об оружии в ст. 1 допускает самостоятельное снаряжение патронов к гражданскому огнестрельному длинноствольному оружию, которое представляет собой самостоятельную сборку патронов для личного использования гражданами, являющимися владельцами охотничьего огнестрельного длинноствольного оружия и (или) спортивно-огнестрельного длинноствольного оружия.

В ч. 4 ст. 16 Закона об оружии закреплено, что граждане Российской Федерации, являющиеся владельцами гражданского огнестрельного длинноствольного оружия, при наличии разрешения на хранение и ношение данного оружия вправе для личного использования производить самостоятельное снаряжение патронов к указанному оружию.

В отношении граждан, не имеющих такого разрешения, п. 12 ст. 6 Закона об оружии установлен запрет на территории Российской Федерации на продажу или передачу иницирующих и воспламеняющих веществ и материалов (пороха, капсюлей) для самостоятель-

ного снаряжения патронов к гражданскому огнестрельному длинноствольному оружию.

Торговлю гражданским и служебным оружием и патронами к нему на территории Российской Федерации имеют право осуществлять юридические лица, производящие гражданское и служебное оружие и патроны к нему на основании лицензии на их производство, а также юридические лица, осуществляющие торговлю на основании лицензии на торговлю гражданским и служебным оружием и патронами к нему (ч. 1 ст. 18 Закона об оружии).

В ч. 4 ст. 18 Закона об оружии установлен запрет на продажу иницирующих и воспламеняющих веществ и материалов (порох, капсюли) для самостоятельного снаряжения патронов к гражданскому огнестрельному длинноствольному оружию гражданам, не представившим разрешение на хранение и ношение гражданского огнестрельного длинноствольного оружия.

Исходя из вышеизложенных правовых норм в их системном прочтении, Законом об оружии регламентирован только оборот пороха, предназначенного для самостоятельного снаряжения патронов к гражданскому огнестрельному гладкоствольному длинноствольному оружию. Отдельный порядок оборота пороха, входящего в состав патронов к гражданскому огнестрельному гладкоствольному длинноствольному оружию, Законом об оружии не установлен, он осуществляется в порядке, предусмотренном для оборота патронов.

В то же время законодательством Российской Федерации введено ограничение на оборот боеприпасов (патронов), изготовленных заводским способом путем самостоятельного снаряжения гражданами патронов.

В соответствии с п. 59 Правил оборота оружия, принадлежащие гражданам Российской Федерации оружие и патроны, а также иницирующие и воспламеняющие вещества и материалы (порох, капсюли) для самостоятельного снаряжения патронов к гражданскому огнестрельному длинноствольному оружию должны храниться по месту их жительства с соблюдением условий, обеспечивающих их сохранность, безопасность хранения и исключающих доступ к ним посторонних лиц.

Ответственность за нарушение правил хранения иницирующих и воспламеняющих веществ и материалов (пороха, капсюлей) для самостоятельного снаряжения патронов к гражданскому огнестрельному длинноствольному оружию гражданами, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния, предусмотрена в соответствии с ч. 4.4 ст. 20.8 Кодекса Российской Федерации об

¹² О лицензировании отдельных видов деятельности: Федер. закон от 4 мая 2011 г. № 99-ФЗ (в ред. от 4 августа 2023 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 19. Ст. 2716.

административных правонарушениях (далее – КоАП).

Незаконный оборот оружия, его основных частей и боеприпасов к нему и незаконный оборот взрывчатых веществ (в том числе пороха) отличаются от друга по предмету правонарушения.

Представляется, что основанием для разграничения преступления, предусмотренного ст. 222¹ УК РФ, и правонарушения, предусмотренного ч. 4.4 ст. 20.8 КоАП, является содержание их объективных сторон.

Под сферу административного законодательства подпадают деяния, связанные с законным хранением иницирующих и воспламеняющих веществ и материалов (пороха, капсюлей) для самостоятельного снаряжения патронов к гражданскому огнестрельному длинноствольному оружию гражданами, но с нарушением установленных правил, а уголовным законом установлена ответственность за хранение указанных предметов без права на таковое.

Таким образом, если порох находится у лица, имеющего разрешение на хранение и ношение оружия, на законном основании, однако нарушены правила его хранения, установленные в пункте 59 Правил оборота оружия, содеянное является основанием для привлечения виновного лица к административной ответственности.

В свою очередь, нахождение пороха у лица, не имеющего разрешения на его хранение, а также на ношение оружия (то есть без законных оснований), создает условия привлечения его к уголовной ответственности по ст. 222¹ УК РФ.

Изложенное свидетельствует о признании законодателем отличия в степени общественной опасности оборота пороха, предназначенного для самостоятельного снаряжения патронов к гражданскому гладкоствольному огнестрельному длинноствольному оружию, от оборота патронов к такому оружию.

Вместе с тем ст. 27 Закона об оружии предусмотрен порядок изъятия Федеральной службой войск национальной гвардии Российской Федерации, ее территориальными органами, органами внутренних дел и другими уполномоченными на то федеральным законодательством органами, оружия и патронов к нему, в том числе в случаях аннулирования или изъятия в установленном порядке лицензии и (или) разрешения на хранение и ношение оружия; возникновения обстоятельств, исключающих возможность получения указанных лицензии и (или) разрешения; смерти собственника гражданского оружия.

Однако порядок изъятия пороха для самостоятельного снаряжения патронов к гражданскому гладкоствольному огнестрельному длинноствольному оружию законодательством Российской Федерации не установлен, что в свою очередь приводит к возникновению ситуаций, когда граждане, имевшие ранее разрешение или лицензию на ношение оружия, в случае окончания срока действия указанных документов фактически (и формально) начинают выполнять объективную сторону преступления, предусмотренного статьей 222¹ УК РФ. Аналогичная ситуация возникает у родственников умершего владельца указанного разрешения и оставившего «в наследство» баночку охотничьего пороха для самостоятельного снаряжения патронов (нередко на практике такое происходит на основании фактического наследования).

Указанные ситуации, как представляется, нуждаются в детальном осмыслении и требуют иного правового решения [4, с. 82; 8, с. 67 – 68; 10, с. 43]. К примеру, показанные в работе решения о дифференциации ответственности следует отобразить в методических рекомендациях по квалификации преступлений для лиц, осуществляющих уголовное преследование по делам о незаконном обороте оружия. Однако, учитывая прикладное значение постановлений высшей судебной инстанции, воспринимаемых практикой не только в качестве ориентира, но зачастую и в виде источника уголовного права, видится целесообразным дать соответствующие разъяснения в рамках доработки Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 5 (учитывая, что соответствующая судебная практика в стране имеется [5, с. 303]).

Равным образом, обеспечение уголовно-правовой идеи справедливости, как представляется, требует повышения уровня правовой определенности в ситуациях, когда граждане становятся фактическими владельцами общественно опасных предметов (пороха), не преследуя цели нарушать уголовный закон. С отсылкой на имеющуюся практику видится, что имеющихся уголовно-правовых предписаний о вине, весьма по-разному (а нередко и на основании объективных данных) трактуемых правоприменителями, недостаточно для обеспечения эффективного и избыточного уголовно-правового воздействия. Вопросы о реальной степени общественной опасности и малозначительности в таких случаях, как правило, не разрешаются. Видится, что в этом случае современной практике нужны четкие и понятные ориентиры (методические рекомендации, результаты интерпретационной деятельности Верховного суда РФ и т.п.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бычков В. В. Оружие и боеприпасы как признак преступлений, образующих криминальный оборот предметов вооружения // *Lex Russica*. — 2016. — № 4. — С. 61–74.
2. Исаенко В. Н. Отдельные вопросы организации расследования преступлений террористической направленности // *Союз криминалистов и криминологов*. — 2023. — № 1. — С. 86–91.
3. Ищенко Д. П., Ткаченко Н. Н. Актуальные вопросы уголовной ответственности за незаконное хранение охотничьего пороха // *Юристы-правовед*. — 2019. — № 3. — С. 28–34.
4. Кокин Д. М. Предмет преступлений в сфере незаконного оборота оружия // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. — 2017. — № 3. — С. 80–82.
5. Краев Д. Ю. Малозначительность деяния (ч. 2 ст. 14 Уголовного кодекса Российской Федерации): вопросы правоприменения // *Сибирское юридическое обозрение*. — 2022. — Т. 19, № 3. — С. 294–309.
6. Кумышева М. К. Особенности производства следственных действий в процессе расследования террористических актов, совершенных посредством взрывов // *Пробелы в российском законодательстве*. — 2018. — № 2. — С. 148–150.
7. Муркштис М. Й. Противодействие незаконному обороту оружия: уголовно-правовое и криминологическое исследование : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. — Москва, 2019. — 570 с.
8. Сичкаренко А. Ю. Боеприпасы как предмет незаконного оборота // *Юристы-правовед*. — 2021. — № 3. — С. 65–68.
9. Соболев С. В. Криминалистические аспекты первоначального этапа расследования преступлений террористической направленности, связанных с использованием взрывных устройств // *Вестник Удмуртского университета*. — 2015. — Т. 25, вып. 2. — С. 153–156.
10. Харитонов С. С., Шарапов С. Н. Уголовная ответственность за незаконный оборот оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств: не любые изменения к лучшему // *Право в Вооружённых Силах — Военно-правовое обозрение*. — 2021. — № 3. — С. 36–45.

REFERENCES

1. Bychkov V. V. Arms and ammunition as the aspect that forms criminal trafficking of weapons. *Lex Russica*, 2016, no. 4, pp. 61–74. (In Russian).
2. Isaenko V. N. Individual issues of the organization of the investigation of terrorist crimes. *Soyuz kriminalistov i kriminologov = Union of Criminalists and Criminologists*, 2023, no. 1, pp. 86–91. (In Russian).
3. Ishchenko D. P., Tkachenko N. N. Opical issues of criminal liability for illegal storage of hunting powder. *Yurist"-pravoved = Jurist-Pravoved*, 2019, no. 3, pp. 28–34. (In Russian).
4. Kokin D. M. Subject of crimes in illegal arms trafficking. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii = Saint-Petersburg University of Ministry of Internal Affairs of Russia Bulletin*, 2017, no. 3, pp. 80–82. (In Russian).
5. Kraev D. Yu. Insignificance of an act (Part 2 of article 14 of the Criminal Code of the Russian Federation): issues of law enforcement. *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie = Siberian Law Review*, 2022, vol. 19, no. 3, pp. 294–309. (In Russian).
6. Kumysheva M. K. Features of production of investigative actions in the course of investigation of the terrorist attacks conducted by means of explosions. *Probely v rossiyskom zakonodatelstve = Lacks in Russian legislation*, 2018, no. 2, pp. 148–150. (In Russian).
7. Murkshtis M. I. *Protivodeistvie nezakonnomu oborotu oruzhiya: ugovolno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie. Dokt. Diss.* [Combating Illicit Arms Trafficking: Criminal and Criminological Research. Doct. Diss.]. Moscow, 2019. 570 p.
8. Sichkarenko A. Yu. Ammunition as a subject of illicit trafficking. *Yurist"-pravoved = Jurist-Pravoved*, 2021, no. 3, pp. 65–68. (In Russian).
9. Sobolev S. V. Forensic aspects of the initial stage of the investigation of terroristic crimes associated with the use of explosive devices. *Vestnik Udmurtskogo universiteta = Bulletin of Udmurt university*, 2015, vol. 25, iss. 2, pp. 153–156. (In Russian).
10. Kharitonov S. S., Sharapov S. N. Criminal Liability for Illegal Trafficking of Weapons, Their Main Parts, Ammunition, Explosives and Explosive Devices: Not Any Changes for The Better. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh — Voенно-pravovoe obozrenie = Law In The Armed Forces — Military-Legal Review*, 2021, no. 3, pp. 36–45. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Болотова Екатерина Дмитриевна (Москва) — кандидат юридических наук, советник отдела уголовного законодательства Министерства юстиции Российской Федерации (119991, Россия, г. Москва, ул. Житная, д. 14, стр. 1, e-mail: bolotovakaterina@yandex.ru).

Решетников Александр Юрьевич (Москва) — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) (125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, e-mail: criminal-law@mail.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bolotova, Ekaterina D. (Moscow) — Cand. Sci. (Law), Advisor to the Criminal Law Department of the Ministry of Justice of the Russian Federation (14/1 Zhitnaya St., Moscow, 119991, Russia, e-mail: bolotovakaterina@yandex.ru).

Reshetnikov, Alexander Yu. (Moscow) — Cand. Sci. (Law), Docent, Assoc. Professor of the Criminal Law Department, of the law of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA) (9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow, 125993, Russia, e-mail: criminal-law@mail.ru).

УДК 347.73

М. Н. Кобзарь-Фролова

*Институт государства и права
Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-2885-6401.*

Е. Л. Васянина

*Институт государства и права
Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-6128-2668
Researcher ID: GRY-5402-2022*

ДИСКУССИЯ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ РОССИЙСКОГО ФИНАНСОВОГО РЫНКА

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 1. — С. 98 — 103.

ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.11.

Дата поступления 25.12.2023, дата принятия к печати 17.03.2024,
дата онлайн-размещения 30.03.2024.

АННОТАЦИЯ

18 декабря 2023 г. в Институте государства и права РАН состоялась круглый стол на тему «Российский финансовый рынок: правовая природа и структура». В статье представлен краткий обзор состоявшейся дискуссии, отражающей представление научного сообщества о понятии, структуре и элементах современного финансового рынка Российской Федерации. В рамках круглого стола перед ведущими специалистами научно-исследовательских и высших учебных заведений России и стран ближнего зарубежья были поставлены вопросы о том, насколько эффективны существующие юридические инструменты обеспечения стабильного функционирования финансового рынка; справляется ли российский финансовый рынок с отведенной ему ролью. Особое внимание участников круглого стола было обращено на такие дискуссионные вопросы, как теоретико-правовое содержание понятия «финансовый рынок» и его структурных элементов, формирование правовой модели финансового рынка Российской Федерации на современном этапе экономического развития, а также на особенности правового регулирования финансовых рынков, сформированных на территориях некоторых постсоветских государств. В заключение дискуссии ее участники единодушно констатировали целесообразность дальнейшего совершенствования правовой модели финансового рынка, определив правовой инструментарий, необходимый для достижения первостепенных целей его развития. Приняли решение продолжить исследование правовой природы денег и денежного обращения, играющего ключевую роль в функционировании финансового рынка и в общем экономическом механизме.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Финансовый рынок; система; деньги; Банк России; финансовые обязательства; кредит; денежные отношения; сделки; экономика; дискуссия.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Кобзарь-Фролова М. Н., Васянина Е. Л. Дискуссия о правовой природе российского финансового рынка // Пролог: журнал о праве. — 2024. — № 1. — С. 98–103. — DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.11.

UDC 347.73**M. N. Kobzar-Frolova**

*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation*

E. L. Vasyanina

*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-6128-2668
ResearcherID: GRY-5402-2022*

**DISCUSSION ABOUT THE LEGAL NATURE
OF THE RUSSIAN FINANCIAL MARKET****PUBLICATION DATA**

Prologue: Law Journal, 2024, no. 1, pp. 98–103.
ISSN 2313-6715. DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.11.
Received 25.12.2023, accepted 17.03.2024, available online 30.03.2024.

ABSTRACT

On December 18, 2023, a round table on the topic «The Russian financial market: legal nature and structure» was held at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. The article provides a brief overview of the discussion that took place, reflecting the scientific community's understanding of the concept, structure and elements of the modern financial market of the Russian Federation. During the round table, leading experts from leading research and higher educational institutions in Russia and neighboring countries were asked how effective the existing legal instruments are to ensure the stable functioning of the financial market, is the Russian financial market coping with its assigned role. The participants of the round table paid special attention to such controversial issues as the theoretical and legal content of the concept of «financial market» and its structural elements, the formation of a legal model of the financial market of the Russian Federation at the present stage of economic development. At the end of the discussion, the participants unanimously stated the expediency of further improving the legal model of the financial market. We have identified the legal tools necessary to achieve the primary goals of financial market development. We decided to continue the study of the legal nature of money and money circulation, which plays a key role in the functioning of the financial market and in the general economic mechanism.

KEYWORDS

Financial market; system; money; Bank of Russia; financial obligations; credit; monetary relations; transactions; economics; discussion.

FOR CITATION

Kobzar-Frolova M. N., Vasyanina E. L. Discussion About the Legal Nature of the Russian Financial Market. *Prologue: Law Journal*, 2024, no. 1, pp. 98–103. (In Russian). DOI: 10.21639/2313-6715.2024.1.11.

18 декабря 2023 года в Институте государства и права Российской академии наук (далее — ИГП РАН, Институт) состоялся круглый стол на тему «Российский финансовый рынок: правовая природа и структура», который стал заключительным научным мероприятием в рамках выполняемого сектором административного права и административного процесса государственного задания № FMUZ 2021-0035 «Правовое регулирование финансового рынка России в условиях турбулентности мировой экономики» (2021 — 2023 год). К участию в работе круглого стола были приглашены видные ученые-правоведы, докторанты и аспиранты ведущих научно-исследовательских институтов и высших учебных заведений, а также практические работники, исследующие проблемы финансового рынка.

Вопросы формирования и развития финансового рынка в условиях перехода к постиндустриальной экономике, основанной на функционировании сферы услуг, финансов и информационных технологий, являются предметом острых дискуссий в кругах экономистов и правоведов. Значимость проблем в исследуемой сфере обусловлена еще и тем, что сформированный на рубеже XX — XXI вв. по лекалам «западных финансовых консультантов» российский финансовый рынок стал инструментом создания финансовых пирамид, о чем свидетельствует последовавший в 90-е гг. XX века крах организаций, привлекающих деньги граждан под большие проценты, банкротства банков, а также отсутствие у государства возможности исполнить обязательства перед гражданами — держателями государственных ценных бумаг [1].

Сегодня развитие законодательства в области функционирования финансового рынка свидетельствует об исправлении ошибок прошлых лет; появляются новые правовые институты, соответствующие современным экономическим вызовам. Согласно Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации до 2030 года¹ роль финансового рынка, «выполняющего функцию трансформации сбережений в инвестиции на рыночных условиях»², заключается в создании источников финансирования структурных преобразований экономики.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4355-р // СПС «КонсультантПлюс».

² Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2023 год и период 2024 и 2025 годов / Банк России. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/143773/onfr_2023-2025.pdf.

Сформированная в новых экономических реалиях правовая модель финансового рынка заставляет задуматься над вопросами о том, какова природа финансового рынка? Насколько эффективны существующие юридические инструменты обеспечения стабильного функционирования финансового рынка? Справляется ли российский финансовый рынок с отведенной ему ролью? Эти и другие вопросы, касающиеся функционирования российского финансового рынка, явились предметом научной дискуссии.

Особое внимание участников круглого стола было обращено на такие дискуссионные вопросы, как теоретико-правовое содержание понятия «финансовый рынок» и его структурных элементов, формирование правовой модели финансового рынка Российской Федерации на современном этапе экономического развития, правовые инструменты обеспечения стабильного функционирования финансового рынка России.

По мнению заслуженного юриста Российской Федерации, главного научного сотрудника Института доктора юридических наук, профессора **С. В. Запольского**, для любого рынка самым характерным признаком является конвертируемость одной ценности в другую ценность, приблизительно равную денежному эквиваленту. Финансовый рынок, существующий в России, — это больше словесный эвфемизм, нежели конкретное экономическое и тем более правовое явление. С. В. Запольский полагает, что финансовый рынок в своей сущности должен представлять объединение финансовых систем разных стран, конвертирующих одну валюту в другую, одни ценные бумаги в другие, связывающих инвесторов и реципиентов и т.д. Пока единственный пример — это финансовый рынок Европейского союза, преодолевающий суверенитет его участников в области финансов. Основой для любого финансового рынка служат экономико-правовые особенности денег, обрастающих внутри этой общности, которые предопределяют конвертируемость (евро), допускают конвертируемость (переводной рубль), и управляют процессами конвертации (валютное законодательство).

Главный научный сотрудник сектора административного права и административного процесса доктор юридических наук, профессор **М. Н. Кобзарь-Фролова** предложила рассматривать финансовый рынок Российской Федерации как юридический институт. То есть это институт финансового права, совокупность норм которого регулирует круг денежных отношений по поводу аккумуляиро-

вания, перераспределения и инвестирования денежных средств. М. Н. Кобзарь-Фроловой названы элементы (подинституты) финансового рынка, приведены в качестве примера нормативные правовые акты, регулирующие отношения в отдельных сферах действия финансового рынка и прочее [3]. Докладчик отметила: несмотря на то, что финансовый рынок Российской Федерации явление де-факто сложившееся, а вот юридическая сторона отношений в его рамках де-юре не оформлена. Анализ российского законодательства свидетельствует о том, что в российской правовой системе нет специализированного правового акта, закрепляющего понятие и общие принципы финансового рынка. Преимущественно направления (ориентиры) развития финансового рынка в Российской Федерации на ближайшую перспективу определяет и закрепляет в своих актах Центральный Банк Российской Федерации (Банк России).

Поскольку финансовый рынок представляет собой совокупность финансовых обязательств, основанных на кредитном, инвестиционном, фискальном, страховом механизмах, обеспечивающих конвертируемость одной ценности в другую ценность, важное значение на пути создания правовых основ функционирования российского финансового рынка приобретает подход, продемонстрированный главным научным сотрудником отдела административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ доктором юридических наук, профессором **Н. М. Казанцевым**. В своем докладе Н. М. Казанцев отметил, что необходимые и достаточные условия реализации конституционно-правовой нормы составляют публичные обязательства и обязанности государства. Выявление более полного состава необходимых условий реализации каждой из норм конституции является фундаментальной научной задачей, которая долго будет стоять перед правовой наукой и без ее решения нет оснований ожидать становления в России эффективного государства, то есть такого, конституция которого осуществлена практически, в котором установлен конституционный режим в том смысле, который придал этому понятию Морис Ориу в своей знаменитой книге 1910 года «Основы публичного права» [4].

Профессор кафедры финансового права Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) доктор юридических наук, профессор **Т. Э. Рождественская** отметила, что сложившийся в Российской Федерации финансовый рынок представляет собой некий

сегмент экономики, в рамках которого происходит перераспределение свободных денежных ресурсов, оказываются финансовые услуги участникам экономической деятельности. Перераспределение происходит посредством действия финансовых инструментов, представляющих собой гражданско-правовые сделки, в основе которых лежит денежное обязательство. Весомым элементом финансового рынка является его инфраструктура, а также лица, предоставляющие профессиональные услуги профессиональным участникам финансового рынка.

Ведущий научный сотрудник Института доктор юридических наук, доцент **Е. Л. Васянина** акцентировала внимание участников круглого стола на сформировавшейся в Российской Федерации правовой модели финансового рынка, которая имеет ряд специфических особенностей, связанных с воздействием на ее элементы инструментов бюджетно-правового механизма. Докладчик отметила, что слабой стороной в вопросах правового регулирования финансового рынка является недостаточная разработка правовых условий интеграции оборота криптовалют в финансовую систему. Препятствует развитию финансового рынка неразработанность юридических конструкций управления денежной массой, отсутствие у отдельных субъектов, привлекающих инвестиции, специальной правосубъектности и проч. Е. Л. Васянина подчеркнула, что настоятельной необходимостью для стабильного функционирования финансового рынка является разработка юридической конструкции, обеспечивающей интеграцию денежно-кредитной и бюджетной политики, и способствующей достижению цели устойчивого экономического развития государства. В качестве такого инструмента может выступать юридическая конструкция финансового обязательства, условия возникновения и исполнения которого должны задавать параметры сбалансированного применения и развития лежащих в основе создания платежеспособности участников гражданского оборота кредитного и бюджетного механизмов.

Доцент кафедры финансового права Уральского государственного юридического университета кандидат юридических наук, доцент **В. М. Кукушкин** в докладе «Финансовый рынок: осмысление терминологии» констатировал высокую актуальность рассматриваемых вопросов правового регулирования различных аспектов функционирования финансового рынка, поставил вопрос о смысле и значении термина «финансовый рынок». Обратив внимание на широкое применение

данного термина как в законодательстве, так и в правоприменительной практике, В. М. Кукушкин подверг сомнению необходимость его использования, поскольку, по его мнению, это приводит к появлению многочисленных вопросов, связанных с ограничением данного термина от других, которые уже, безусловно, нашли свое место как в законодательстве, так и в практике.

Учитывая, что терминология является основой регулирования, а спорные и, тем более, непредусмотренные законом термины создают лишь проблемы в правоприменении, а иногда и существенные правовые риски, В. М. Кукушкин предложил не торопиться с повсеместным применением термина «финансовый рынок» и вначале тщательно разобраться с его значением и при необходимости неконфликтно закрепить его в законе.

Профессор кафедры интеграционного права и прав человека МГИМО МИД России доктор юридических наук **Р. А. Касьянов** в своем выступлении провел анализ правовых основ общего финансового рынка Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и единого рынка финансовых услуг Европейского союза, выделил общие и отличительные черты, которые характеризуют правовое регулирование финансовых рынков в каждом интеграционном объединении. Р. А. Касьянов рассказал о той роли, которую играет Россия в контексте создания общего финансового рынка ЕАЭС и сформулировал вывод о возможности и необходимости изучения международного опыта для создания наиболее благоприятных условий финансовой интеграции в ЕАЭС.

На проблеме правовой интерпретации финансовых инструментов в условиях цифровизации финансового рынка акцентировала внимание доцент кафедры административного и финансового права Крымского филиала Российского государственного университета правосудия кандидат экономических наук **Н. А. Кравченко**. Она отметила, что для успешного функционирования финансового рынка следует точно определить роль, место и функции цифровых валют, ответив на вопрос о механизме их свободной конвертации и возможности использования в трансграничных расчетах; цифровых финансовых активов (в том числе гибридных, таких как, например, «Цифровые метры» на платформе «Атомайз» или гибридные цифровые права на золото) и цифрового рубля, как третьей формы национальной валюты Российской Федерации, призванной стать законной альтернативой криптовалютам, эмиссию которых Банк России контролировать не в силах.

Директор Научно-исследовательского института финансового и налогового права Республики Казахстан доктор юридических наук, профессор **Е. В. Порохов** рассматривает финансовый рынок через действие денежной системы конкретного государства. В этой связи финансовый рынок ученый определяет через систему перераспределительных экономических отношений, объектом которых являются деньги и (или) выраженные в деньгах финансовые активы. Соответственно, финансовый рынок есть производный, надстроечный, по отношению к реальному сектору экономики, финансовый сектор, который представлен финансовыми услугами с использованием выраженных в национальной и иностранной валюте денег, ценных бумаг, финансовых инструментов и цифровых активов.

Продолжая дискуссию о правовом регулировании финансовых рынков иностранных государств, старший научный сотрудник отдела административного и уголовного права Институт государства и права Академии наук Республики Узбекистан кандидат философских наук, доцент Ташкентского филиала РЭУ им. Г. В. Плеханова **Р. Р. Назаров** отметил, что к настоящему времени в Узбекистане в целом сформировался и стабильно функционирует отвечающий требованиям современных международных стандартов и удовлетворяющий потребности отраслей национальной экономики в финансовых ресурсах финансовый рынок. В Республике создана достаточная нормативно-правовая база для функционирования всех элементов структуры финансового рынка.

В заключение дискуссии ее участники единодушно констатировали целесообразность дальнейшего совершенствования правовой модели российского финансового рынка, определили правовой инструментарий, необходимый для достижения одной из ключевых целей развития финансового рынка, которая заключается в формировании источников финансирования структурных преобразований экономики.

Участники круглого стола пришли к выводу о том, что имущественные отношения, возникающие в сфере функционирования финансового рынка, реализуются в форме как финансовых, так и гражданско-правовых обязательств, возникновение и исполнение которых в процессе конвертации одной ценности в другую обеспечивается денежным механизмом государства. В связи с этим изучение финансового рынка целесообразно продолжить, опираясь на разработки ученых о природе денежных обязательств, основанных на кредит-

ном, страховом, бюджетном, инвестиционном и фискальном механизмах [2].

Поскольку денежное обращение играет ключевую роль в функционировании финансового рынка и в общем экономическом механизме, участниками дискуссии принято

решение продолжить исследование правовой природы денег и денежного обращения, развитие которого требует разработки юридических конструкций, соответствующих современным экономическим реалиям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Васянина Е. Л. Правовые инструменты обеспечения стабильного функционирования финансового рынка Российской Федерации // Вопросы экономики и права. — 2023. — № 11 (184). — С. 11–16.
2. Запольский С. В., Васянина Е. Л. Правовые аспекты функционирования финансового рынка России // Государство и право. — 2023. — № 9. — С. 137–146.
3. Кобзарь-Фролова М. Н. Финансовый рынок Российской Федерации: понятие, основные векторы развития // Государство и право. — 2024. — № 11. — С. 147–154.
4. Ориу М. Основы публичного права : монография / пер. с фр.; сост. Р. С. Куракин [и др.]. — Москва : ИНФРА-М, 2013. — 572 с.

REFERENCES

1. Vasyanina E. L. Legal instruments for ensuring the stable functioning of the financial market of the Russian Federation. *Voprosy ekonomiki i prava = Economic and Law Issues*, 2023, no. 11 (184), pp. 11–16. (In Russian).
2. Zapolsky S. V., Vasyanina E. L. Legal aspects of the functioning of the financial market of Russia. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2023, no. 9, pp. 137–146. (In Russian).
3. Kobzar-Frolova M. N. Financial market of the Russian Federation: concept, main vectors of development. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2024, no. 11, pp. 147–154. (In Russian).
4. Oriu M.; Kurakin R. S. et al. (eds). *Osnovy publichnogo prava [Fundamentals of public law]*. Moscow, INFRA-M Publ., 2013. 572 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна (Москва) — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук (119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10, e-mail: humanrights@igpran.ru).

Васянина Елена Леонидовна (Москва) — доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права Российской академии наук (119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10, e-mail: elenavasyanina@yandex.ru).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kobzar-Frolova Margarita N. (Moscow) — Dr. Sci. (Law), Professor, Chief Researcher of the Administrative Law and Process Sector of the Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (10 Znamenka st., Moscow, 119019, Russia, e-mail: humanrights@igpran.ru).

Vasyanina, Elena L. (Moscow) — Dr. Sci. (Law), Leading Researcher of the Administrative Law and Process Sector of the Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (10 Znamenka st., Moscow, 119019, Russia, e-mail: elnavasianna@yandex.ru).